

И. И. С М И Р Н О В

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ИСТОРИИ
ВОССТАНИЯ
БОЛОТНИКОВА

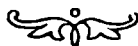

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1953

И. И. С М И Р Н О В

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ИСТОРИИ
ВОССТАНИЯ
БОЛОТНИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1953

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа, рассчитанная на широкие круги читателей, основана на тех выводах по вопросу о восстании Болотникова, к которым автор пришёл в своём исследовании «Восстание Болотникова 1606—1607 гг.»¹.

Вместе с тем здесь опущены отдельные детали и частности, уместные и даже необходимые в монографии специального характера, но излишние в данном издании.

Наконец, из изложения исключены моменты историко-ведческого характера, занимающие очень большое место в монографии о восстании Болотникова. В настоящей работе автор счёл возможным воспользоваться в вопросе об источниках по истории восстания Болотникова теми выводами, которые сформулированы в его монографии, не повторяя аргументации в обоснование тех или иных оценок отдельных источников о восстании, развитой им в означенной книге.

В качестве приложения в настоящем издании печатается отрывок из «Карамзинского хронографа», содержащий описание событий восстания Болотникова.

Автор

¹ См. *И. И. Смирнов*, Восстание Болотникова 1606—1607 гг., Госполитиздат, 1951.

ВВЕДЕНИЕ

В одном из своих писем Энгельс, говоря о перспективах, которые материалистическое понимание истории открывает перед исторической наукой, указал на то, что перед сторонниками материалистического понимания истории стоит огромной важности задача — «начать изучать заново» «всю историю» человеческого общества¹.

Эта глубокая мысль Энгельса особенно применима к истории трудящихся масс, к истории борьбы угнетённых классов против своих угнетателей.

Буржуазная историческая наука, стремясь доказать «незыблемость» старого, буржуазного мира и «обосновать» право господствующих классов на эксплуатацию трудящихся масс, всячески фальсифицировала историю трудящихся масс, историю их борьбы за своё освобождение.

В этих идеологических основах буржуазной исторической науки следует искать объяснения и того положения дел, которым характеризуется состояние буржуазной историографии крупнейшего крестьянского восстания в России в начале XVII в. — восстания Болотникова.

Несмотря на то что начало изучения восстания Болотникова относится ещё к первой половине XVIII в., русская дворянско-буржуазная историческая наука на протяжении почти двухсотлетнего периода её развития оказалась не

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 421.

в состоянии ни раскрыть существо восстания Болотникова, ни определить место и значение этого восстания в истории.

При всём многообразии точек зрения тех или иных историков на восстание Болотникова общим местом всей дворянско-буржуазной историографии является взгляд на восстание Болотникова, как на один из моментов в развитии так называемой «Смуты», как на эпизод в истории «Смутного времени» в конце XVI — начале XVII в.¹

Такой взгляд на восстание Болотникова предопределял и его оценку.

Если восстание Болотникова — выражение и проявление «Смуты», направленной на «разрушение» Русского государства, то очевидно, что оно имело столь же отрицательное значение в истории Русского государства, как и вся «Смута» в целом. Отсюда было уже недалеко до того, чтобы и ответственность за «Смуту» возложить на Болотникова: изобразить участников восстания Болотникова как виновников «беды и разорения государства» (*Татищев*); представить их «людьми, которые разрознили свои интересы с интересами общества» (*Соловьёв*); объявить движение Болотникова «неразумным», мешающим «успеху развития русской общественной жизни» (*Костомаров*).

В рамках этой схемы остались и наиболее поздние представители буржуазной историографии восстания Болотникова — Ключевский и Платонов. Правда, Ключевский, а вслед за ним Платонов сделали по сравнению с Соловьёвым и Костомаровым крупный шаг вперёд в раскрытии социальной природы восстания Болотникова, выдвинув тезис о восстании Болотникова как борьбе «низ-

¹ Термин «Смута», «Смутное время», которым в дворянско-буржуазной историографии обозначались события в Русском государстве конца XVI — начала XVII в., ведёт своё происхождение от публицистики первой половины XVII в. Будучи по своей классовой принадлежности идеологами господствующего класса феодалов-крепостников, публицисты XVII в. вкладывали в понятие «Смута», «Смутное время» своё резко враждебное отношение к выступлениям угнетённых классов Русского государства против феодального гнёта.

Советская историческая наука не приемлет термина «Смута» и пользуется для обозначения периода, охватывающего события конца XVI — начала XVII в., понятием «Период крестьянской войны и польско-шведской интервенции».

ших классов» против «высших классов» (*Ключевский*), как движению, ставившем своей целью «не только политический, но и общественный переворот» (*Платонов*).

Однако в самом понимании классов и трактовке классовой борьбы и *Ключевский* и *Платонов* стоят на позициях буржуазной социологии. Им остаётся чуждым представление о классовой структуре общества как закономерном выражении господства данного экономического уклада, данного типа производственных отношений. Столь же чуждо *Ключевскому* и *Платонову* и понимание классовой борьбы как формы, в которой находит своё выражение процесс прогрессивного развития общества. Поэтому и у *Ключевского* и у *Платонова* отсутствует момент необходимости и неизбежности такой формы разрешения классовых противоречий, какой явилось восстание *Болотникова*, и в их схеме, подобно схемам их предшественников, восстание *Болотникова* продолжает оставаться одним из моментов «Смуты», и только ¹.

В общих воззрениях дворянско-буржуазных историков на восстание *Болотникова* следует искать и ответа на вопрос о причинах неразработанности в дворянско-буржуазной историографии конкретной истории восстания *Болотникова*. История крестьянского восстания против феодального гнёта не могла рассчитывать на усиленное внимание к себе со стороны представителей дворянско-буржуазной исторической науки. Именно этим можно объяснить то, что дворянско-буржуазная историография не дала ни одного специального исследования о восстании *Болотникова*, ограничиваясь лишь рассмотрением его истории в общих трудах о «Смуте».

¹ Принципиально иную позицию в оценке исторического значения борьбы русского крестьянства занимает великий русский революционер-демократ *Чернышевский*, которому принадлежит замечательное высказывание о том, что «с начала XVII века почти все драматические эпизоды в истории русского народа были совершены энергиею земледельческого населения» (*Н. Г. Чернышевский*, Соч., т. IV, М. 1948, стр. 313). В этих словах *Чернышевского* об «энергии земледельческого населения» находит своё отчётливое выражение та «идея крестьянской революции», которую, по знаменитой характеристике *Ленни*а, *Чернышевский* умел проводить «через препоны и рогатки цензуры» (*В. И. Ленин*, Соч., т. 17, стр. 97). Замечательно при этом, что исходным хронологическим моментом в рассуждении *Чернышевского* является «начало XVII века», т. е. время восстания *Болотникова*.

Именно в этом следует видеть и причину того, почему большой материал источников о восстании Болотникова, накопленный в ходе развития исторической науки начиная с XVIII в., остался немобилизованным и неиспользованным, что создавало ложное впечатление об «отсутствии» источников и о «невозможности» монографического изучения восстания Болотникова.

В историографии восстания Болотникова необходимо особо выделить имена М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова. И Покровский и Рожков субъективно противопоставляли себя буржуазным историкам, считали себя марксистами. Однако ни одному из них не удалось преодолеть влияние буржуазной исторической науки и создать действительно марксистскую концепцию истории Русского государства. Сказанное в полной мере относится и к взглядам Покровского и Рожкова на восстание Болотникова. Трактовка Покровским восстания Болотникова во 2-м томе его «Русской истории с древнейших времён» должна была, по замыслу автора, означать новое, марксистское освещение вопроса, в противовес старым концепциям дворянско-буржуазных историков. Однако Покровский, писавший «Русскую историю с древнейших времён» в период своей наибольшей близости к идеалистической философии Маха — Богданова, не мог дать марксистской концепции восстания Болотникова. На деле же это привело лишь к тому, что, поставив задачей опровергнуть тезис Платонова, что целью восстания Болотникова был «не только политический, но и общественный переворот», Покровский выдвинул свой глубоко порочный тезис о том, что восстание Болотникова не несло в себе никакой угрозы «старому строю».

Нет необходимости критически разбирать или опровергать такую трактовку восстания Болотникова. Как признал позднее сам М. Н. Покровский, к столь «оригинальному» взгляду на восстание Болотникова его привело не изучение источников, а ...«жестокое разочарование» самого Покровского после революции 1905 г. в революционной борьбе крестьянства. «И под влиянием этого разочарования, — писал Покровский, — я действительно склонен был в своём анализе социальных факторов «Смутного времени» отводить очень мало места крестьянству. В силу этого я даже Болотникова изобразил не как вождя восставшего крестьянства, а как служилого человека».

Вряд ли что можно добавить к этой уничтожающей характеристике¹.

Столь же неудовлетворительно и решение проблемы восстания Болотникова у Рожкова, рассматривающего восстание Болотникова с позиций своей антимарксистской теории «дворянской революции в России» (одним из составных элементов которой и оказывается... восстание Болотникова).

Современная советская историческая наука занимает в вопросе о восстании Болотникова принципиально яную позицию по сравнению с буржуазной историографией.

Решающее значение для выработки нового, марксистского понимания восстания Болотникова имела оценка этого восстания, данная И. В. Сталиным.

В беседе с немецким писателем Э. Людвигом 13 декабря 1931 г. И. В. Сталин дал исчерпывающую оценку исторического значения крупнейших крестьянских движений в России — восстаний Болотникова, Разина и Пугачёва, раскрыл природу этих движений, их идеологию и показал причины поражения этих движений.

«Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачёв и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства. Но, конечно, какую-нибудь аналогию с большевиками тут нельзя проводить. Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими «разбойными» и неорганизованными, как у Степана Разина, ни к чему серьёзному не могут привести. Крестьянские восстания

¹ В послереволюционное время Покровский отказался от своей старой (по сути дела, полуменьшевистской) трактовки восстания Болотникова, и в его «Русской истории в самом сжатом очерке» восстание Болотникова помещено в разделе, озаглавленном «Крестьянская революция».

Но антимарксистский субъективизм Покровского с не меньшей силой проявился и в этой работе, где под рубрикой «Крестьянская революция» излагаются не только история восстания Болотникова, но и действия польско-литовских интервентов, а вождями «крестьянской революции» оказываются вместе с Болотниковым авантюристы и ставленники польских панов — Лжедмитрии I и II.

могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели.

Кроме того, говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг»¹.

Каковы основные, решающие моменты в этой характеристике восстаний Болотникова, Разина, Пугачёва?

Первое, что содержит эта характеристика, — это определение классовой природы восстаний Болотникова, Разина, Пугачёва. И. В. Сталин определяет эту природу формулой: «восстания крестьянства против феодального гнёта». В этой формуле определяется главная движущая сила восстаний Болотникова, Разина, Пугачёва; даётся ответ на вопрос о том, против какого класса были направлены эти восстания; указывается на то, что является основной причиной, вызвавшей восстания крестьянства.

Второй важнейший момент — это определение характера борьбы крестьянства в восстаниях Болотникова, Разина, Пугачёва. И. В. Сталин решает этот вопрос определением борьбы восставшего крестьянства как стихийной борьбы, говоря о «стихийном возмущении», о «стихийном восстании» крестьянства. Тезис о стихийном характере борьбы крестьянства в восстаниях XVII—XVIII вв. является ключом к пониманию хода и исхода этих восстаний. Только исходя из признания стихийного характера борьбы крестьянства, можно понять и методы борьбы крестьянства и тактику крестьянских отрядов, всю военную и политическую сторону истории этих восстаний.

Третье принципиальное положение — это раскрытие сущности идеологии крестьянских восстаний. И. В. Сталин решает проблему идеологии крестьянских восстаний указанием на царистский характер идеологии восставших крестьян. Ненависть к феодальному гнёту, к феодалам сочеталась у крепостных крестьян с наивной верой в «хорошего царя». Эта противоречивая психология крестьянства нашла своё выражение в лозунге крестьянских восстаний

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 112—113.

XVII—XVIII вв.: против помещиков, но за «хорошего царя».

Именно эта царистская психология крестьянства создавала социальную почву для «самозванства», так как в этом находила своё выражение вера крестьян в «хорошего царя».

Буржуазная историография оказалась бессильна разрешить вопрос об идеологии крестьянских восстаний. Напротив, формула о царистской психологии восставшего крестьянства даёт ключ к пониманию конкретных форм и проявлений идеологии крестьянских восстаний — от Болотникова до Пугачёва.

Наконец, И. В. Сталин вскрывает исторические причины поражений крестьянских восстаний XVII—XVIII вв., указывая на то, что условием победы крестьянских восстаний является сочетание крестьянских восстаний с рабочими восстаниями и руководство рабочих крестьянскими восстаниями, превращающие эти восстания в комбинированное восстание во главе с рабочим классом. Отсутствие этого условия в XVII—XVIII вв. и было главной причиной поражения крестьянских восстаний XVII—XVIII вв.

На основе всех этих принципиальных положений советская историческая наука создала и свою схему истории восстания Болотникова, которая стала общим достоянием и вошла в учебную литературу.

Для советских историков, историков-марксистов, восстание Болотникова является одним из важнейших моментов в истории крестьянства и его борьбы против феодального гнёта, открывая собою цепь крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. В восстании Болотникова, таким образом, находит своё выражение генеральная линия развития классовой борьбы в эпоху феодализма. Этим определяется то место, которое заняло восстание Болотникова в новой, марксистской схеме истории СССР.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ

Восстание Болотникова, открывающее собой историю Русского государства XVII в., явилось закономерным выражением борьбы основных классов феодальной Руси: борьбы крепостного крестьянства против феодалов-крепостников.

Корни этой борьбы крылись в самих основах общественного строя Русского государства, в его экономическом базисе.

Период в истории Русского государства, предшествующий восстанию Болотникова, характеризуется в области экономического развития дальнейшим расширением и укреплением экономики феодального общества. Образовавшееся в XV—XVI вв. Русское централизованное государство, будучи порождено изменениями в экономических условиях феодальной Руси, в свою очередь способствует дальнейшему развитию и укреплению основ феодальной экономики, «активно содействует своему базису оформиться и укрепиться»¹.

Укрепление экономического базиса феодального строя в Русском государстве XVI в. находит своё выражение прежде всего в росте феодального землевладения, «феодальной собственности на землю», являвшейся «основой феодализма» и имевшей определяющее значение «в деле

¹ *Н. В. Сталин*, Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, 1952, стр. 7.

укрепления экономической власти помещиков-крепостников»¹.

Оборотной стороной этого процесса было уменьшение и в ряде районов даже почти полное исчезновение чёрных крестьянских земель².

Раздавая в огромных количествах земли в поместья, московское правительство черпало необходимые для этого земли прежде всего и главным образом из фонда чёрных крестьянских земель. О масштабах, в которых проводилась земельная политика московского правительства, может дать представление такое мероприятие, как испомещение в 1550 г. вокруг Москвы тысячи помещиков («лучших слуг»), потребовавшее для своей реализации более 150 тыс. десятин пахотной земли.

Ещё более крупное значение для развития феодального землевладения имела общая перепись земель, предпринятая правительством Ивана IV в начале 50-х годов и растянувшаяся на целое тридцатилетие. Эта перепись сопровождалась массовой раздачей земель помещикам на всей территории Русского государства.

Не менее щедро раздавались чёрные земли и монастырям. Московские государи жаловали монастырям чёрные деревни целыми десятками. Монастырские власти в свою очередь активно способствовали расширению монастырских вотчин за счёт чёрных земель, не останавливаясь перед прямыми захватами крестьянской земли.

Количественный рост феодального землевладения в Русском государстве на протяжении XVI в. сопровождался весьма важными изменениями внутри самой феодальной вотчины, в собственном хозяйстве феодалов, а именно — ростом барской запашки во второй половине XVI в.

Рост собственной барской запашки в XVI в. стоит в прямой связи с ростом внутреннего рынка.

Характерной чертой экономики Русского государства XVI в. являлось развитие товарно-денежных отношений, товарного производства.

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 41.

² «Чёрные земли» — земли, не принадлежащие частным землевладельцам-феодалам. Крестьяне, жившие на этих землях, были обложены податями и повинностями в пользу феодального государства.

Рост общественного разделения труда, находивший своё выражение в развитии ремесла, городов и торговли; усиление рыночных связей; расширение сферы рыночных отношений — всё это создавало новые условия хозяйственного развития и не могло не коснуться основной ячейки экономической структуры Русского государства: хозяйства феодалов и тесно связанного с ним крестьянского хозяйства.

Для правильной оценки этих явлений в экономике Русского государства XVI в. следует учитывать роль товарного производства в условиях феодализма. Как указывает И. В. Сталин, «нельзя рассматривать товарное производство, как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий. Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»¹.

В условиях Русского государства XVI в. одна из основных функций товарного производства по обслуживанию феодального строя состояла в том, что оно, создавая условия для обмена продуктов через куплю-продажу, давало, таким образом, феодалам возможность не только потреблять продукты труда крепостного крестьянина в их натуральной форме, но и получать через посредство рынка, рыночных связей, в обмен на эти продукты любые другие продукты.

Тем самым резко повышалась заинтересованность феодалов в максимальном увеличении размеров прибавочного продукта, извлекаемого ими путём эксплуатации труда крепостных крестьян.

Но для того чтобы реализовать те возможности, которые развитие товарного производства создавало для класса феодалов, требовалось соответственно перестроить собственное хозяйство феодалов, приспособив его к новым экономическим условиям. Однако различные группировки

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 15.

класса феодалов по-разному реагировали на изменившиеся экономические условия.

Феодальная знать — бояре и князья, в вотчинах которых весь хозяйственный уклад покоился на натуральных повинностях крестьян, — оказалась бессильна приспособиться к новым условиям жизни. Показателем этой неспособности феодальной знати перестроить своё хозяйство в условиях развития товарно-денежных отношений, товарного производства, в условиях резкого повышения роли денег может служить такое неоднократно отмечавшееся исследователями характерное явление, как колоссальный рост в XVI в. задолженности князей и бояр, стремившихся добывать деньги любой ценой, вплоть до заклада (или продажи), обычно монастырям, своих вотчинных земель.

Иначе реагировали на изменившиеся условия хозяйственной жизни другие группы феодальных землевладельцев: дворяне-помещики и монастыри. Приспособление к новой экономической обстановке выражалось у этой части феодалов в стремлении увеличить количество материальных ценностей, получавшихся ими от крестьян в виде феодальных повинностей, и в изменении самого характера этих повинностей в направлении, дававшем возможность извлекать наибольший эффект из эксплуатации труда крестьянина.

Разрешение этих задач и достигалось феодалами путём расширения барской запашки в своих владениях и усилением крепостнической эксплуатации крестьянства.

Не менее существенные перемены произошли во второй половине XVI в. и в крестьянском хозяйстве. Если для собственного хозяйства феодальных землевладельцев важнейшей чертой его экономического развития во второй половине XVI в. был, как отмечено выше, рост барской запашки, то для крестьянского хозяйства второй половины XVI в., напротив, характерным является резкое уменьшение размеров запашки на крестьянский двор.

В наиболее сильной степени это уменьшение размеров крестьянской запашки на двор имело место в центральных уездах Русского государства и в Новгородской и Псковской областях, т. е. в районах с наибольшим удельным весом феодального землевладения.

Нетрудно уяснить социальный смысл этих явлений в

области земельных отношений. И рост барской запашки и уменьшение запашки крестьянской означали перераспределение земель между основными классами русского общества XVI в. — между феодалами и крестьянами, — перераспределение, сущность которого заключалась в захвате феодалами-землевладельцами крестьянских земель.

В прямой связи с ростом феодального землевладения в XVI в. стоят перемены в характере крестьянских повинностей. Растущая барская пашня сопровождалась ростом крестьянских повинностей по обработке этой пашни — ростом барщины. Увеличение удельного веса барщины в составе крестьянских повинностей — одно из самых характерных явлений экономического развития России в XVI в. Заинтересованные в расширении барской запашки, землевладельцы усиленно вводили барщину для крестьян, живших на их землях. Рост барщины означал вместе с тем и рост степени эксплуатации крестьян землевладельцами.

Процесс роста степени эксплуатации крестьянства в XVI в. очень хорошо можно проследить на материале послушных грамот. Послушная грамота являлась документом, определявшим отношение между землевладельцем и крестьянами, устанавливая права землевладельца-помещика в отношении крестьян и обязанности последних в отношении владельца земли. Рассматривая послушные грамоты XVI в., можно выделить в хронологической последовательности три типа послушных грамот. В грамотах первого типа, относящихся в своей основной массе к периоду до 60-х годов XVI в., формула, определяющая права помещика в отношении крестьян, имеет следующий вид: «И вы б (крестьяне) к (помещику) приходили и слушали его во всем и доход бы денежный и хлебный и мелкий доход давали по старине, как давали доход наперед сего прежним помещикам». В 60-х годах грамоты этого типа вытесняются новым типом послушных грамот, где формула о крестьянских повинностях имеет уже иную редакцию: «И вы б (крестьяне) (помещика) и его приказчика слушали и пашню его пахали, где себе учинит, и оброк платили». Наконец, в 70-х годах и вплоть до конца XVI в. получает широкое распространение третья редакция послушных грамот, и формула о крестьянских повинностях снова меняется: «И вы б все крестьяне, которые в том селе

живут, (помещика) слушали, а пашню пахали и оброк платили, чем вас изоброчит».

Сравнивая между собой три редакции послушных грамот, легко заметить направление, в котором эволюционировали крестьянские повинности в XVI в. В грамотах первого типа, хронологически наиболее ранних, характер крестьянских повинностей определяется двумя моментами: 1) повинности крестьян должны быть «по старине», т. е. должны быть в рамках традиции, обычая; 2) эти повинности крестьян состоят в платеже ими землевладельцу оброка — денежного и натурального. Вопрос о помещичьей пашне и барщине в грамотах этого типа совершенно не затрагивается. Второй тип послушных грамот уже коренным образом отличается от грамот более раннего времени. Гибкая формула: «И вы б, крестьяне, помещика слушали, пашню его пахали и оброк платили» — давала помещику возможность отмены «старинны» в определении размеров крестьянских повинностей и означала усиление эксплуатации крестьян. Вторая, не менее важная особенность послушных грамот 60-х годов — это выдвижение в формуле о крестьянских повинностях на первое место барщины и оттеснение на второй план оброка. Эта черта послушных грамот с исключительной яркостью отразилась в себе отмеченный выше процесс роста в XVI в. помещичьей, барской пашни и вместе с тем увеличения удельного веса барщины в общей массе крестьянских повинностей. Третий тип послушных грамот отражает ещё дальнейшую стадию в развитии крестьянских повинностей. Если исчезновение в грамотах 60-х годов формулы о «старине» создавало для помещика возможность увеличить крестьянские повинности, то послушные грамоты 70-х и позднейших годов уже прямо формулируют право помещика устанавливать размеры крестьянских повинностей по собственному усмотрению («чем вас помещик изоброчит»), т. е. устраняют всякие моменты регламентации в сфере эксплуатации крестьян землевладельцами.

Процессы в области взаимоотношений между феодалами-землевладельцами и крестьянами, развивавшиеся в XVI в., нашли своё юридическое выражение и закрепление в законодательстве по вопросу о крестьянах. Государственная власть, выражая в своей политике интересы господствующего класса феодалов, активно вмешивалась в

сферу социальных отношений и законодательством по крестьянскому вопросу создавала юридическую базу для притязаний феодалов на землю и труд крестьянина.

Уже Судебник 1497 г. законодательным ограничением права крестьянского перехода и возведением Юрьева дня как единственного легального срока для ухода крестьянина от землевладельца в общегосударственную норму, равно как и установлением принципа обязательного платежа крестьянином «пожилого» при уходе его от старого землевладельца создал юридические предпосылки для усиления крепостной зависимости крестьянства и роста эксплуатации крестьянина землевладельцами. Судебник 1550 г. воспроизвёл в уточнённой редакции крестьянские статьи Судебника 1497 г., подтвердив тем самым незыблемость норм, определявших взаимоотношения крестьянина и землевладельца.

Судебники 1497 и 1550 гг., ограничив право крестьянского перехода и затруднив для крестьянина реализацию этого права, явились, таким образом, важнейшим этапом в развитии крепостной зависимости крестьянства. Но даже и в том урезанном виде, какой право крестьянских переходов приобрело после издания Судебников, это право было объектом постоянной и острой борьбы со стороны землевладельцев, стремившихся к полному его уничтожению и открыто нарушавших его в тех случаях, когда крестьянин пытался реализовать это право.

Борьба землевладельцев против крестьянских переходов, однако, не ограничивалась применением ими одних лишь средств экономического воздействия на переходящего крестьянина.

В тех случаях, когда эти средства оказывались недостаточно эффективными, землевладельцы дополняли их актами прямого насилия, не допуская ухода от них крестьян.

Новым этапом в развитии крепостничества явилась эпоха опричнины.

Опричина, введённая Иваном Грозным в 1565 г., имела своей целью разгромить политически княжеско-боярскую реакцию и ликвидировать экономические основы могущества боярства.

Эти политические цели опричнины достигались прежде всего путём конфискации вотчинных земель княжат и бояр

с последующей раздачей этих земель в поместье опричникам-дворянам, а также массовым политическим террором против мятежных княжат и бояр.

Будучи особой формой проведения политики экономического и политического разгрома боярства, опричнина явилась важнейшим этапом в усилении экономических и политических позиций дворянства, помещиков. Опричнина окончательно сделала поместье главной и господствующей формой феодального землевладения, оттеснив на задний план боярскую вотчину, и закрепила руководящую роль помещиков-дворян в Русском государстве, оттеснив на задний план княжат и бояр.

Опричнина сыграла огромную прогрессивную роль в укреплении и развитии Русского централизованного государства.

Вместе с тем, укрепив основы классового господства феодалов-крепостников, опричнина ознаменовала собой новый этап в развитии феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства.

Можно отметить три момента, характеризующих изменения в положении крестьянина в связи с опричниной:

- 1) захват крестьянских земель;
- 2) обострение борьбы за крестьянина как рабочую силу;
- 3) рост крестьянских повинностей.

Конфискация в годы опричнины огромной массы боярских и княжеских земель сопровождалась захватами феодалов и крестьянских земель. Отмеченное выше резкое уменьшение размеров крестьянской запашки на двор падает как раз на годы опричнины. Одной из форм, в которых осуществлялся этот захват крестьянских земель, было размежевание опричных и земских земель.

Вместе с захватами крестьянских земель опричнина привела к огромному разорению крестьянского хозяйства.

Крестьянин, однако, интересовал опричников не только как объект грабежа. Ещё важнее и ценнее он был для феодалов как рабочая сила. Именно этим объясняется та степень остроты борьбы за рабочую силу, которая характеризует эпоху опричнины. В годы опричнины право крестьянского перехода ещё больше, чем прежде, приобретает вид права помещиков перевозить на свои земли нужных им крестьян.

Опричнина принесла с собою новое усиление феодальной эксплуатации крестьянства. Именно в годы опричнины складывается та формула послушных грамот, которая предоставляла помещику право устанавливать размеры крестьянских повинностей по своему усмотрению («чем вас изоборчит»). Применённое на практике, это право означало резкое увеличение размеров крестьянских повинностей.

Опричнина сильнейшим образом отразилась на всём хозяйстве Русского государства. В прямой связи с опричниной стоит важнейшее явление экономической истории России второй половины XVI в. — так называемый «хозяйственный кризис» 70—80-х годов XVI в. Ломка княжеско-боярского землевладения, огромные размеры мобилизации земель, насаждение массы новых поместий, резкое ухудшение положения крестьянства в результате усиления эксплуатации и разорения крестьянского хозяйства — всё это в сочетании с отрицательным влиянием на экономику страны многолетней Ливонской войны привело к резкому ухудшению экономического положения Русского государства и вылилось в 70—80-х годах XVI в. в настоящий хозяйственный кризис огромной силы. Кризис 70—80-х годов сказался во всех областях экономической жизни: и в упадке торговли, и в расстройстве государственных финансов, и т. д. Но главной формой проявления кризиса было так называемое «запустение Центра», т. е. массовое запустение центральных районов Русского государства в результате бегства городского и сельского населения, забрасывавшего свои дворы и деревни и «запустошавшего» (т. е. перестававшего обрабатывать) землю, обращавшуюся в «перелог» и зараставшую «лесом».

Размеры этого запустения достигали в некоторых районах (Новгородская область) четырёх пятых всей обрабатывавшейся земли. Не менее сильно было выражено «запустение» и в городах, зачастую сохранявших лишь незначительную часть своего населения.

Массовое бегство крестьян (против которого не помогали и такие меры, как посылка московскими приказами специальных лиц «сыскивать и вывозити за государя беглых крестьян») поставило класс феодалов-землевладельцев и выражавшую их волю государственную власть перед необходимостью новых решительных мероприятий

по крестьянскому вопросу, которые гарантировали бы землевладельцам возможность беспрепятственной эксплуатации труда крестьянина и вместе с тем уснили бы власть феодалов над личностью крестьянина.

Эти мероприятия, приведшие к коренным переменам в социальном и правовом положении крестьянства, падают на последнее двадцатилетие XVI в. Сущность их состояла в окончательном закреплении крестьян путём ликвидации права крестьянского выхода.

Вопрос о юридическом оформлении крепостнической зависимости крестьянства в систему крепостного права в общегосударственном масштабе — вопрос, привлекавший внимание русской исторической науки на протяжении почти двухсот лет, начиная с Татищева, — можно считать успешно разрешённым в результате работ советских историков.

Решающим мероприятием в вопросе о ликвидации права крестьянского выхода явилось издание в 1581 г. закона о «заповедных годах». Этот закон отменил право крестьянского выхода, установив «заповедные годы», т. е. годы, в которые «заповедывались», запрещались крестьянские выходы. Есть основание полагать, что форма, в какой была осуществлена ликвидация крестьянского выхода (установление «заповедных лет», а не прямо запрещение выхода), объяснялась чисто тактическими соображениями: стремлением избежать взрыва борьбы крестьянства против крепостнического законодательства. Декларированные как временное мероприятие, «заповедные годы» фактически означали ликвидацию права крестьянского выхода вообще, несмотря на толки современников о том, что «государь изволит крестьянам выходу быть».

Одновременно с изданием закона о «заповедных годах» правительство Ивана IV приступило к закреплению результатов этого закона путём организации новой общей переписи земель в Русском государстве. Целью этой переписи, продолжавшейся в течение 1581—1592 гг., являлась запись в писцовые книги крестьян на тех землях, где их застали «заповедные годы». Эти писцовые книги должны были стать основным документом, удостоверяющим права землевладельца на живших на его землях крестьян.

Третьим крупнейшим мероприятием в области законодательства по крестьянскому вопросу явилось издание в

1597 г. закона о сыске беглых крестьян. Этот знаменитый закон являлся логическим завершением двух предшествующих актов: введения «заповедных лет» и составления писцовых книг.

Закон 1597 г. устанавливал, что крестьяне, бежавшие от землевладельца не позднее чем за пять лет до издания закона, т. е. после 1592 г., должны были безусловно возвращаться их старому владельцу. Напротив, крестьяне, бежавшие «лет за шесть и за семь и за 10 и больши» до издания закона, оставались у нового владельца и не подлежали возврату (за исключением тех случаев, когда иск о возврате таких крестьян был уже предъявлен до издания закона 1597 г.). Двойкий подход закона 1597 г. к беглым крестьянам объясняется тем, что именно в 1592 г. была закончена работа по составлению писцовых книг, начатая в 1581 г.

Таким образом, крестьяне, бежавшие после 1592 г., были записаны в писцовых книгах за старыми владельцами, а крестьяне, бежавшие до 1592 г., оказывались занесёнными в писцовые книги уже за новыми владельцами, что и создавало юридическую основу для закрепления беглых крестьян в тех местах, где их застали писцы в «заповедные годы».

Особую группу феодально-зависимого населения Русского государства XVI в. составляли холопы. Будучи одной из разновидностей крепостнической зависимости, холопство, однако, обладало целым рядом особенностей, отличавших холопа от крестьянина и по объёму гражданских прав, присущих каждой из этих двух групп населения, и в экономическом отношении.

XVI век занимает важнейшее место в истории холопства в России. Развитие холопства в XVI в. характеризуется двумя главными моментами: 1) отмиранием полного холопства и 2) массовым распространением холопства кабального. •

Уходя своими корнями в глубокую древность, кабальное холопство, однако, представляло собой новое явление в социально-экономических отношениях Русского государства XVI в. Развитие кабальной зависимости стоит в непосредственной связи с теми новыми явлениями в экономике России XVI в., которые заключались в развитии товарно-денежных отношений, растущем товарном

обращении и усилении в связи с этим роли денег. Кабальное холопство и являлось тем институтом, в форме которого феодально-крепостническая зависимость распространялась на новые слои свободного населения, оказывавшиеся неспособными в новых хозяйственных условиях сохранить экономически самостоятельное собственное хозяйство и вынужденные идти в кабалу, беря денежную ссуду и давая вместе с тем обязательство «за рост служить», т. е. работать на своего господина — кредитора.

Кабальное холопство, облегчая для феодалов возможность вовлечения в сферу феодальной эксплуатации ещё не закреплённых слоёв населения (сохранением у кабального человека иллюзии возможности вернуть себе свободу), вместе с тем делало труд кабального человека более производительным по сравнению с трудом полных холопов (ибо создавало у кабального холопа, стремившегося собрать деньги, необходимые для погашения долга, момент личной заинтересованности, отсутствующий у полного холопа).

Но кабальное холопство имело, с точки зрения феодалов, и ряд уязвимых мест. Главным из них было недостаточно прочное закрепление кабального человека за его господином. Поэтому именно проблема закрепления кабального человека за его господином явилась центральной в борьбе вокруг вопроса о холопах во второй половине XVI в.

Борьба по вопросу о кабальном холопстве являлась одним из выражений общего процесса усиления крепостничества в Русском государстве во второй половине XVI в. Одинаковы были и итоги этой борьбы, зафиксированные в Уложении царя Фёдора Ивановича от 1 февраля 1597 г. Этому Уложению принадлежит в истории холопства та же роль, что и законам 80-х годов XVI в. о «заповедных годах» в истории крестьянства.

Закон 1597 г. произвёл коренной переворот в положении кабального холопа, лишив кабального человека возможности разорвать свою зависимость путём погашения долга и установив принцип службы кабального человека до смерти его господина.

Одновременно закон 1597 г. распространил отношения кабального холопства и ещё на одну группу непосредственных производителей — на так называемых «добро-

вольных холопов», служивших у своих хозяев «без крепостей», т. е. пользовавшихся правом свободного ухода. Всех этих «добровольных холопов» (за исключением лиц, прослуживших менее шести месяцев) закон 1537 г. принудительно превращал в кабальных холопов, предписав «на тех вольных холопей служилые кабалы давати и челобитья их в том не слушати».

Так кабальный холоп подобно крестьянину оказался к исходу XVI в. лишённым права перехода и прикреплённым к своему господину.

Законы 80—90-х годов XVI в. окончательно оформили крепостное право в России в общегосударственном масштабе. Но, нанеся удар по самым коренным интересам крестьянства, они настолько накалили социальную атмосферу, что сделали неизбежным открытый взрыв борьбы крестьянства против растущего феодального гнёта.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРЕДВЕСТНИКИ ВОССТАНИЯ

Связь между уничтожением права крестьянского выхода и борьбой крестьянства против своих господ была ясна уже современникам. Изданный правительством Василия Шуйского закон — Уложение 9 марта 1607 г. о крестьянах и холопах даёт очень точную характеристику социальных последствий крепостнического законодательства 80—90-х годов XVI в.

Вводная часть этого Уложения представляет собой своего рода обзор истории русского крестьянства начиная со времени Ивана IV.

Упомянув о том, что «при царе Иване Васильевиче... крестьяне выход имели волный», закон продолжает: «а царь Федор Иванович... выход крестьянам заказал, и у кого колико тогда крестьян где было, книги учинил, и после от того начались многие вражды, кромолы и тяжи». Так, уже современникам была ясна связь между уничтожением права крестьянского выхода и борьбой крестьянства против своих господ.

Продолжая свой обзор истории крестьянского вопроса, закон переходит к царствованию Бориса Годунова: «Царь Борис Федорович, видя в народе волнение велие, те книги отставил, и переход крестьянам дал, да не совсем, что судии не знали, како по тому суды вершити».

Наконец, современное изданию закона положение дел изображается нашим источником в следующих словах: «И ныне чинятся в том великие разпри и насилия, многим разорения и убивства смертные, и многие разбои, и по путем грабления содеяшася и содеваются».

Таким образом, Уложение 1607 г. отмечает следующие этапы в развитии борьбы крестьянства:

1. Уничтожение крестьянского выхода привело к взрыву борьбы внутри государства.

2. Борис Годунов пытался своим законодательством прекратить волнение в народе, но неудачно.

3. К моменту издания закона борьба приобрела ещё большую силу и размах.

Если учесть, что март 1607 г. — самый разгар восстания Болотникова, то придётся признать, что составители Уложения о крестьянах и холопах совершенно правильно связали восстание Болотникова с переменами в судьбах крестьянства, вызванными законами конца XVI — начала XVII в.

Рассмотрение текста закона 9 марта 1607 г. заставляет сделать ещё один вывод: корни восстания Болотникова надо искать в той обстановке, которая сложилась в русской деревне конца XVI — начала XVII в., в тех явлениях, которые характеризуют взаимоотношения между крестьянами и феодалами в эпоху «заповедных лет» и уничтожения Юрьева дня.

Наступление феодалов на крестьянство во второй половине XVI в. развивалось по двум основным направлениям: расхищение крестьянских земель и усиление эксплуатации крестьянства. Это и определяло характер социальных противоречий между крестьянством и феодальными землевладельцами: крестьяне боролись за землю и против усиливающегося крепостничества.

Земля являлась одним из главных объектов борьбы между крестьянством и феодалами. Такое значение вопроса о земле в феодальной Руси вытекало из самого характера феодального общественного строя. «Феодальная собственность на землю» являлась «основой феодализма»¹. Собственность класса феодалов на землю — решающее средство производства в эпоху феодализма — давала им «экономическую власть»² над крестьянством, обеспечивала помещикам-крепостникам право на эксплуатацию труда крепостного крестьянина. Но именно поэтому крестьянство в своей борьбе против феодалов стремилось

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 41.

² Там же.

к тому, чтобы уничтожить феодальную собственность на землю, захватить в свои руки земли феодалов-крепостников.

Сохранившиеся от конца XVI в. многочисленные жалобы землевладельцев подробно знакомят нас с формами борьбы крестьян за землю. Помещики и монастыри жалуются на то, что крестьяне «поместье пустошат, хлеб травят и сено косят насильством, и сады, яблони и вишни, секут и ломают»; «лес секут и сено косят, и хмель в болотах дерут, и рыбу ловят, и хлеб толочат (т. е. вытаптывают. — И. С.), и животиною травят, и всякими угодами владеют насильством» и т. д. В одном из документов, относящемся к 1587 г., рассказывается о том, как крестьяне Купалинской волости Гороховецкого уезда захватили силой монастырский починок, в котором «жили старцы и люди монастырские для рыбыные ловли»; крестьяне, под предводительством старосты, силой «выметали» из починка монастырского «человека», «а старцов и ватажок збили, и стан сожгли, и поставили... на том месте деревню и назвали ее Мостища». Другой монастырь бил челом о том, что крестьяне одной из волостей Двинского уезда захватили остров, принадлежавший монастырю, и «тот присадной остров пашут насильством одни», а монастырю «в том острову их монастырской земли... пахати не дадут». Во Владимирском уезде в 1597 г. помещик Василий Соболев жаловался на то, что «крестьяне всею волостью лес секут насильством... хоромы рубят на продажу, и межи в двух местах переорали»; по словам этого помещика, «крестьяне хвалятся, что им вашу же помещную землю к своей земле припахивати». Помещик обвинял крестьян в том, что ему «прожити от их насильства не мочно».

Наряду с попытками захвата крестьянами помещичьих и монастырских земель крестьяне стремятся всеми способами сделать эту землю свободной от феодальных повинностей. Яркий факт, иллюстрирующий эту форму борьбы крестьянства, даёт Иосифо-Волоколамский монастырь.

В 1593 г. монастырские власти оштрафовали одного крестьянина «за то, что он на стороне, за волостью пашет, а монастырских пустошей со своими товарищи из снопа не пашет». Какой остроты достигала здесь борьба, показывает другой случай, имевший место в Арзамасском уезде в 1601 г. Когда во время дозора губным старостой

пашенных земель д. Пастьяновой один из крестьян хотел сообщить властям о землях, которые обрабатывали на себя крестьяне этой деревни и которые они тщательно скрывали от уездных властей, то он едва не поплатился за своё предательство головой: крестьяне «высказати» ему про те земли «не дали, а его, Ваську, хотели убить».

Но борьба крестьян в 90-х годах XVI в. принимает и более высокие формы, доходя порой до открытых массовых выступлений против землевладельцев. Наиболее ярким фактом здесь являются волнения крестьян в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря в 1594—1595 гг.¹

Начало крестьянских волнений в монастыре падает на осень 1594 г. 21 октября 1594 г. в монастырь приехала царская комиссия в составе Андрея Яковлевича Измайлова и подьячего Казарина Петрова «обыскивати и сыскивати и дозирати всяких монастырских дел по ложному челобитью бывшего келаря чернца Антона Лопотинского», как определяет цель приезда А. Я. Измайлова и К. Петрова монастырская прихода-расходная книга, в которой и сохранилась запись о волнениях крестьян. Повидимому, однако, челобитье бывшего монастырского келаря содержало в себе весьма серьёзные обвинения против монастырской администрации. Это видно прежде всего из самого состава комиссии, которую возглавлял видный представитель царской администрации; о том же говорит я приезд вместе с представителем царя самого Антона Лопотинского. Но главным доказательством в пользу обоснованности челобитной является дальнейшее развёртывание событий в монастырской вотчине.

Приезд А. Я. Измайлова и К. Петрова послужил толчком к открытому выступлению крестьян против монастырской администрации: «И в кои поры Андрей был в Осифове монастыре, и в те поры по науку того Антона крестьяне монастырские не почели слушати приказщиков и ключников монастырских и монастырских дел никаких не почели делати: хлеба молотити и в монастырь возити, и солодов растити, и даней монастырских давати». Итак,

¹ Пользуюсь случаем отметить, что по недосмотру автора в обоих изданиях моей книги «Восстание Болотникова 1606—1607 гг.» допущена ошибка в датировке волнения крестьян в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря: вместо 1594—1595 гг. указаны 1593—1594 гг.

монастырские крестьяне восстали против крепостнической эксплуатации. Они перестали слушаться монастырской администрации, отказались нести барщину и давать оброк монастырю.

Волнения крестьян побудили монастырские власти обратиться за помощью к представителям царской администрации: «И старец Мисаила Безнин и келарь и казначее и соборные старцы сказывали про то Оondreю и Казарину». Как и следовало ожидать, Измайлов и Казарин Петров попытались восстановить порядок в монастырских сёлах: «И Андрей и Казарин велели крестьянам всякие монастырские дела делати и крестьян за то велели смирят, что они не слушают, и пени за них имати». Но, несмотря на то что Измайлов и Казарин пробыли в монастыре целый месяц (с 21 октября по 21 ноября), им не удалось ликвидировать волнения крестьян; напротив, стоило им уехать из монастыря, как движение крестьян приняло ещё больший размах: «И как Андрей и Казарин из монастыря поехали, и крестьяне монастырские почели пуще того не слушати, и приказчиков и ключников учили бити и дел монастырских не почели делати, и леса монастырские заповедные почели сечи». Волнение крестьян продолжалось до февраля 1595 г., когда монастырю удалось, наконец, «крестьян острастити и смирить».

Стоит отметить при этом новую тактику, применённую монастырскими властями для усмирения крестьян. После того как попытка подавить движение силой потерпела неудачу, старец Мисаил велел брать пеню на «прожиточных крестьянах», которые «сами воровали и поучали всех воровать». Эта финансовая репрессия дала свои результаты: «И от того крестьяне унелись воровати и почели во всем слушати».

Движение крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря и по своей длительности (волнения начались между 21 октября и 21 ноября 1594 г. и продолжались до февраля 1595 г.) и по формам, какие приняла борьба (дело дошло до расправ с монастырской администрацией и до открытого вторжения в сферу феодальной собственности, да ещё притом одного из самых привилегированных её видов — в «заповедные леса»), может служить лучшим показателем той остроты, какой достигли к концу XVI в. противоречия между крестьянством и феодалами; вместе

с тем оно демонстрирует и позиции борющихся классов и те цели, какими они руководствовались в своей борьбе.

Если события 1594—1595 гг. в Волоколамском монастыре дают нам яркую картину борьбы крестьянства против его феодальных господ, то материалы другого монастырского архива, архива Антониева-Сийского монастыря, раскрывают перед нами иную сторону жизни феодальной деревни конца XVI — начала XVII в., знакомят с деятельностью феодалов-землевладельцев, с их политикой по отношению к крестьянству.

Расположенный на севере Русского государства, в Двинском крае, Антониев-Сийский монастырь принадлежал к числу крупнейших русских монастырей XVI в. и являлся обладателем обширных земельных владений с большим количеством крестьян. Особенностью структуры земельных владений этого монастыря было, однако, то, что значительная часть их перешла к монастырю лишь во второй половине XVI в., когда в 1578 г. монастырь получил по царской грамоте расположенные в Емецком стане 22 чёрные волостные деревни в составе 55 крестьянских и 6 бобыльских дворов.

Документы рисуют яркую картину хозяйственной деятельности монастыря-феодала. До перехода к монастырю крестьяне Емецкого стана были типичными черносошными крестьянами. Но положение коренным образом изменилось после отписки крестьян на монастырь. Первое, в чём почувствовали крестьяне своё превращение из черносошных крестьян-общинников в монастырских крепостных,—это то, что монастырские власти «учали с них имати насильством дань и оброк втрое»: вместо 2 рублей 26 алтын 4 деньги с малой сошки по 6 рублей 26 алтын 4 деньги. Но этим дело не ограничилось. К возросшему втрое оброку монастырь прибавил ещё барщину «да сверх дани и оброку на монастырские труды имали на всякое лето с сошки по 3 человека, а человек деи им ставился по 2 рубля и больше, да сверх того, они, крестьяне, зделье делали» — пахали землю и косили сено на монастырь. Эта, так сказать, «нормальная» экономическая политика монастыря сочеталась и дополнялась мероприятиями чрезвычайными, заключавшимися в том, что игумен и братия «от тех вотчин поотнимали лутчие пашенные земли и сенные покосы и

привели к своим монастырским землям», «а у иных крестьян они, старцы, деревни поотнимали с хлебом и с сеном, и дворы ломали и развозили, а из их деревень крестьяне, от того игуменова насильства, с женами и с детьми из дворов бегали».

Так вёл себя в своей вотчине монастырь.

О том, как реагировали на этот феодальный разбой и грабёж крестьяне, мы имеем данные источников лишь для сравнительно позднего времени, уже для самого момента восстания Болотникова. Из челобитной игумена монастыря царю Василию Шуйскому в 1607 г. мы узнаём, что «монастырские крестьяне ему, игумену, учинились сильны, наших (царских. — И. С.) грамот не слушают, дани и оброку и третного хлеба им в монастырь не платят, как иные монастырские крестьяне платят, и монастырского изделия не делают, и ни в чем де его, игумена с братьею не слушают, и в том ему, игумену, чинят убытки великие».

Борьба между крестьянами и феодалами в вотчине Антониева-Сийского монастыря не прекратилась и с разгромом восстания Болотникова.

Но если борьба крестьян Антониева-Сийского монастыря продолжалась после восстания Болотникова, то начало её следует отнести ко времени задолго до 1607 г., когда источники рисуют её уже в полном разгаре. Начало этой борьбы, как и в Иосифо-Волоколамском монастыре, — 90-е годы XVI в., когда новый игумен Антониева-Сийского монастыря Иона (1597—1634 гг.), главный герой изложенной эпопеи, повёл своё наступление на землю, труд и имущество крестьян.

Борьба между крестьянами и феодалами в Русском государстве в конце XVI в. вполне подтверждает правильность общей характеристики обстановки в Русском государстве после уничтожения права крестьянского выхода, данной во введении к Уложению 9 марта 1607 г.

90-е годы XVI в. действительно знаменуют собой «в народе волнение велие», причём характер этого «волнения» и причины, его вызывавшие, определялись ростом феодального гнёта в течение всей второй половины XVI в., что привело к резкому обострению классовых противоречий между основными классами Русского государства — крестьянами и феодальными землевладельцами.

Таким образом, корни борьбы, потрясавшей русское общество в 90-х годах XVI в., крылись в самых основах экономики и социального строя Русского государства, что придавало борьбе между крестьянами и феодалами особенно острый и глубокий характер.

Нарастание социального и политического кризиса в Русском государстве в конце XVI в. оказывало определяющее влияние и на деятельность государственной власти. Вся политика Бориса Годунова в первые годы его царствования подчинена стремлению не допустить в стране взрыва открытой классовой борьбы. Что Борис Годунов прекрасно понимал грозную опасность для правящих классов надвигавшейся крестьянской войны как стихийного ответа крестьянства на усиление феодального гнёта, это доказывается свидетельствами современников о попытках Бориса Годунова путём регламентации крестьянских повинностей ограничить стремления землевладельцев к усилению крепостнической эксплуатации.

Но никаких результатов эта попытка не дала, так как ограничения размера повинностей крестьян можно было добиться лишь путём принуждения землевладельцев, в первую очередь — помещиков, а Борис Годунов меньше всего хотел ссориться с помещиками — своей главной политической и социальной опорой.

Мощным ускорителем всех социальных процессов, развивавшихся в Русском государстве, явился голод 1601—1603 гг. Голод принял потрясающие размеры. «И много людей с голоду умерло, а иные люди мертвечину ели и кошки; и люди людей ели; и много мертвых по путем валялось и по улицам; и много сел позапустело; и много иных в разные грады разбрелось и на чужих странах помроша...; и отцы чад своих и матери их не взведаша, а чады отец своих и матерей».

Сохранилась официальная статистика количества умерших от голода в Москве. По этим данным, на трёх московских кладбищах за два года четыре месяца было погребено 127 тыс. человек. Однако простые цифры жертв голода (при всей грандиозности этих цифр) ещё не дают полного представления о характере голода 1601—1603 гг. Действие голода на различные слои населения Русского государства было не только не одинаковым, но прямо противоположным, и если народные массы умирали от

голода, то правящие классы, напротив, использовал пародное бедствие для самой безудержной спекуляции хлебом.

К концу 90-х годов острый хозяйственный кризис, охвативший 70—80-е годы XVI в., уже в значительной степени был изжит; во всяком случае, налицо был процесс бесспорного подъёма в сельском хозяйстве, выразившийся прежде всего в расширении запашки. Поэтому, несмотря на неурожай, разразившийся в 1601 г. (и повторявшийся и в следующие два года), в стране имелись огромные запасы хлеба. По свидетельству Авраамия Палицына¹, хлеба было столько, что «и давняя житницы [были] не истощены и поля скирд стояху, гумна же [были] пренаполнены одоней и копон и зародов». Но весь этот хлеб был сосредоточен в руках землевладельцев-феодалов. Именно хлеб и явился главным предметом спекуляции, в которой землевладельцы светские соревновались с монастырями.

Цены на хлеб возросли в десятки раз.

Сохранился направленный против спекуляции хлебом специальный указ Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г., из текста которого видно, что торговцы хлебом устраивали настоящую блокаду голодающего населения городов, расставляя своих агентов по дорогам, ведущим к городу, и не допуская подвоза хлеба. Но указы Бориса Годунова оказались столь же бессильны уничтожить спекуляцию хлебом, как другие царские мероприятия (раздача хлеба и денег из государственной казны, организация общественных работ и т. д.) — ослабить голод.

Годы голода характеризуются важнейшими сдвигами в области социальных отношений. Разорённое голодом крестьянство становится объектом новой борьбы между землевладельцами, стремившимися использовать голодные годы для увеличения количества крестьян на своих землях. Идя навстречу этим притязаниям землевладельцев, и прежде всего помещиков, Борис Годунов осенью 1601 г. издаёт новый указ о крестьянах. Указ этот разрешил дворянам-помещикам «отказывати и возити крестьян... промеж себя».

¹ Авраамий Палицын — писатель-публицист начала XVII в.

Новый закон, таким образом, как бы восстанавливал право крестьянского выхода, уничтоженное законом о «заповедных годах», но делал это в очень своеобразной форме, разрешая лишь вывоз крестьян землевладельцами, а не свободный выход крестьянина по его собственному желанию.

Борис Годунов, однако, изображал свой указ как акт, имеющий целью облегчить положение крестьянства. Эта демагогическая окраска закона 1601 г. объясняется остротой обстановки, создавшей осенью 1601 г. в результате неурожая и угрозы голода.

Указ 1601 г., однако, не достиг ни одной из стоявших перед ним целей. Ограничения, которыми обуславливалось предоставляемое землевладельцам право вывоза крестьян, не удовлетворяли помещиков, и указ вызвал лишь новый взрыв острой борьбы между помещиками, так что в 1602 г. Борис Годунов был вынужден издать новый указ о вывозе крестьян, полностью воспроизводящий указ 1601 г., но со следующим характерным дополнением: «А из-за которых людей учнут крестьян отказывати, и те б люди крестьян из-за себя выпускали со всеми их животы, безо всякия зацепки, и во крестьянской бы возке промеж всех людей боев и грабежей не было, и сильно бы дети боярские крестьян за собою не держали и продаж им некоторых не делали; а кто учнет крестьян грабити и из-за себя не выпускати, и тем быти в великой опале».

Но если в среде землевладельцев указ 1601 г. вызвал лишь «бои и грабежи» из-за крестьян, то он не устранил и «волнения» среди крестьян, что являлось официально провозглашённой целью указа. Напротив, он ещё более обострил отношения между крестьянами и помещиками.

Сохранились документы, из которых видно, что крестьяне по-своему истолковывали указ 1601 г.: на 1601—1602 гг. падают многочисленные выходы крестьян от землевладельцев.

О массовом бегстве крестьян в голодные годы говорит и указ от 1 февраля 1606 г. о сыске беглых крестьян.

Положение крестьянства в голодные 1601—1603 гг. характеризуется, однако, не только борьбой землевладельцев вокруг вопроса о вывозе крестьян на свои земли и не только бегством крестьян от помещиков. Во время голода

массовые размеры также принял процесс «похолопления» крестьян — превращения их в кабальных холопов. Закон 1 февраля 1606 г. посвящает специальную статью крестьянам, ставшим в годы голода кабальными холопами: «А которые крестьяне в голодные лета... пришли в холопы к своим или к сторонним помещикам или вотчинником и кабалы служилые на себя подавали, а старые их помещики или вотчинники учнут их вытягивати из холопства по крестьянству, и того сыскивати накрепко: будет сшел от бедности и животов у него не было ничего, и тем истцам отказывати: в голодные лета тот помещик или вотчинник прокормить его не умел, а собою он прокормиться не в мочь, и от бедности, не хотя голодной смертью умереть, бил челом в холопи, и тот его принял, в голодные годы прокормил и себя истощил, проча себе, и ныне того крестьянина з холопства в крестьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лета прокормил: а не от самые бы нужи в холопи он не пошел».

Процесс «похолопления» крестьянства помещиками в голодные годы ярко отразили в себе новгородские кабальные книги за 1603 г. Новгородские кабальные книги дают возможность более конкретно представить себе это явление и позволяют дать даже некоторую количественную характеристику процесса закабаления крестьянства (см. таблицу).

Состав лиц, давших на себя служилую кабалу в 1603 г.

(Белозерская половина Бежецкой пятины,
Деревская пятна, Залесская половина Шелоиской пятины)

	Общее число кабал	Крестьянских			Бобыльских			Крестьянских и бобыльских вместе
		самим крестьянином	жёнами или детьми крестьян	всего	самим бобылём	жёнами или детьми бобылей	всего	
В абсолютных числах	676	23	9	32	71	10	81	113
В % к итогу	100	3,4	1,3	4,7	10,5	1,5	12,0	16,7

Приведённая таблица даёт общую картину процесса закабаления крестьянства в голодные годы (по трём Нов-

городским пятинам). Рассмотрение таблицы позволяет сделать вывод о том, что удельный вес крестьян (вместе с бобылями) в составе закабаляемых был весьма значителен, достигая 16,7% от общего числа кабал. При этом, как и следовало ожидать, преобладающее место в группе крестьянских кабал составляют кабалы, данные на себя бобылями (81 из 113), ибо бобыль — это тот же крестьянин, но крестьянин разорившийся, потерявший своё хозяйство. Поэтому бобыльство очень часто являлось для крестьянина промежуточной ступенью на пути в кабальное холопство.

Образуя большую группу в составе закабаляемых, крестьяне и бобыли не являлись, однако, главным источником, питавшим кабальное холопство. Основным резервуаром, из которого феодалы черпали людские массы для закабаления, и в голодные годы попрежнему продолжали оставаться свободные, ещё не закрепощённые элементы в составе населения городов и сёл. Давая о себе биографические сведения дьякам, записывавшим служилые кабалы в кабальную книгу, такой человек или просто называл себя «вольным человеком», или добавлял, что «жил походя, по наймам»; «жил в казаках из найму»; был «сапожный мастер»; «портной мастеришко»; «бывал в стрельцах, а ныне де отставлен»; «полесовал, лоси бил»; «коровы пас», а то и просто: «меж двory бродил»; «ходил по миру, кормился»; или, как сказали о себе две «девки», Марфа и Степанида: «жили в Яжолбицком ряду, под окны хлебы прошали».

Для кабального холопства в голодные годы характерным, однако, является не только высокий процент свободных людей в составе закабаляемых, но и резкое повышение удельного веса свободных элементов в составе закабаляемых по сравнению с «нормальными» годами до голода. Количество же перекабаляемых холопов, т. е. переходивших от одного господина к другому, соответственно упало (с 67% в 1593—1594 гг. до 20% в 1603 г.).

Эти изменения в социальном составе кабальных холопов явились результатом общего резкого усиления процесса закабаления в голодные годы. Можно с полным основанием говорить о многократном увеличении количества закабаляемых в голодные годы по сравнению с предшествующим временем.

Таким образом, голодные 1601—1603 годы привели к следующим изменениям в кабальном холопстве:

1) резко возросло количество кабальных холопов в целом;

2) увеличилось в составе кабальных холопов число бывших крестьян и бобылей, которых голод заставил дать на себя кабалу;

3) повысился в составе кабальных холопов удельный вес бывших свободных людей (самых различных слоёв), только что потерявших свободу.

Голод 1601—1603 гг. явился той силой, которая способствовала огромному ускорению процесса вовлечения свободных элементов населения в сферу феодальной эксплуатации. Вместе с тем голодные годы ознаменовали собой усиление феодального гнёта и для тех категорий непосредственных производителей, которые находились в зависимом состоянии и до голодных лет и для которых голод принёс новые, более тяжёлые формы феодальной зависимости.

Ударив всей своей тяжестью по народным массам и ещё более обострив противоречия между феодалами и крестьянством, голод переводит борьбу классов в Русском государстве на новую, более высокую ступень. В прямой связи с голодом 1601—1603 гг. стоит восстание Хлопка. Источники характеризуют восстание Хлопка как холопское восстание, как восстание боярских и дворянских холопов, возмущившихся против своих господ.

Можно довольно отчётливо представить себе обстановку накануне восстания Хлопка и причины, это восстание вызвавшие.

Наступление феодалов на труд и свободу народных масс, выражавшееся в использовании обстановки голода для закабаления голодного населения и превращения закабалённых людей в своих холопов, не могло не вызвать соответствующей реакции со стороны холопов, в составе которых резко возросло количество недавно ещё свободных людей. И если одних угроза голодной смерти заставляла жертвовать своей свободой и идти в кабалу, то более активные и решительные элементы пытались искать иного выхода из положения и находили этот выход прежде всего в бегстве на южные окраины Русского государства.

Беглые холопы — «гулящие люди» — в огромных количествах скоплялись в голодные годы в южных районах Русского государства. Авраамий Палицын определяет количество беглых холопов в Украинных городах цифрой более чем в 20 тыс. человек.

Ряд обстоятельств ещё более увеличивал в рассматриваемый период количество холопов, порвавших со своим холопским состоянием и превратившихся в «гулящих людей».

Если мелкие и средние землевладельцы-дворяне жадно захватывали в свои руки разорённых голодом людей, превращая их в своих холопов, то несколько иную картину рисуют источники в отношении крупных землевладельцев, боярства.

Для бояр, в вотчинах которых жили многие десятки дворовых-холопов, содержание многочисленной челяди становилось во время голода делом весьма невыгодным. Поэтому голодные годы характеризуются чрезвычайно важным явлением: массовым отпуском боярских холопов на свободу. Сообщающий об этом Авраамий Палицын добавляет, что часть из тех, кто «иначаша своих рабов на волю отпускати», делали это «истинно», а иные действовали «лицемерством», и поясняет, что те, кто отпускали холопов «истинно», давали им отпускную, «лицемерники же не тако, ино, токмо из дому прогонит». Этот манёвр холоповладельцев, освобождая их от лишних ртов, сохранял за ними юридические права на изгнанных холопов и вместе с тем ставил таких холопов в особенно тяжёлое положение, так как они не могли давать на себя кабалу другим лицам, будучи заподозреваемыми в бегстве от своих старых господ.

Правительство Бориса Годунова, сознавая опасность, какую таило в себе скопление больших масс холопов, брошенных их господами на произвол судьбы, пыталось бороться с этим явлением при помощи законодательных мероприятий, издав в августе 1603 г. специальный закон о холопах. Закон этот устанавливал, что холопы, которых их господа не кормят, «а велят им кормиться собою, и те их холопы помирают голодом», получают свободу: «велели тем холопом давати отпускные в Приказе Холопья суда».

Это своеобразное «освобождение» холопов, изгнанных

их господами, закон 1603 г. мотивировал тем, что иначе этих холопов нельзя закабалить вновь («а за тем их не примет никто, что у них отпусковых нет»). Однако эффект от этого закона был совсем не тот, какого ожидало годовиковское правительство. Легализуя положение холопов, брошенных их господами, он вместе с тем, несомненно, форсировал бегство на окраины Русского государства тех элементов, которые и под угрозой голодной смерти не хотели вторично бить челом в холопы.

Вопрос о холопстве в первые годы царствования Бориса Годунова имел ещё одну и весьма существенную сторону. В ходе острой борьбы, которую Борис Годунов вёл со своими политическими противниками из лагеря боярства, в неё оказались втянутыми и холопы, и притом двояким образом.

Как и Иван Грозный, Борис Годунов в качестве одного из средств борьбы против боярства применял опалы, сопровождавшиеся конфискациями боярских вотчин. Эта последняя мера коренным образом изменяла положение холопов, принадлежавших подвергшимся опале боярам: вся челядь опальных бояр распускалась на свободу, причём их запрещалось принимать в другие дома: «заповедь же о них везде положена бысть, еже не принимать тех опальных бояр слуги их никому же».

Эти отпущенные холопы опальных бояр по-разному устраивали свою судьбу. Холопы-ремесленники, «хто ремесство имеюще, тии кормящиеся», т. е. становились свободными ремесленниками. Но в составе боярской челяди имелаась большая группа холопов, ходивших со своими господами на войну, составляя вооружённую свиту боярина. Эта часть холопов — те, «иже на конех играюще», по образному выражению Авраамия Палицына, намекающего на то, что эти холопы входили в состав конных служилых полков, — пользовалась неожиданно полученной свободой для массового бегства в южные Украинные города: «во грады... Украинные отхождаху».

Этим, однако, не исчерпывалось влияние на судьбы холопов политической борьбы, которой столь насыщены 90-е годы XVI в. и начало XVII в. Логикой борьбы холопы не только испытывали её воздействие в качестве пассивного объекта, как один из видов боярской собственности, но и оказались непосредственно втянутыми в неё. В своей

борьбе против боярства Борис Годунов попытался использовать в качестве активной силы и боярских холопов, поощряя доносы на бояр со стороны холопов и щедро награждая доносчиков. Эта мера, однако, оказалась обоюдоострой и не столько увеличила количество тайных агентов Бориса Годунова, сколько развязала противоречия внутри боярского двора, превратив доносы на бояр в одно из средств борьбы холопов против своих господ.

Так экономические противоречия между холопами и феодалами переходили в открытую борьбу — сначала пассивную (в виде бегства холопов) или случайную (в форме «доводов» — доносов холопов на бояр), а затем и в борьбу политическую.

В этой обстановке восстание Хлопка выступает перед нами как закономерный продукт и прямое выражение всей совокупности социальных и политических условий, характеризующих классовую борьбу в Русском государстве конца XVI — начала XVII в.

То, что нам известно о восстании Хлопка, заставляет расценивать его как движение очень большой силы.

«Новый Летописец»¹, говоря об огромных размерах, какие приняло движение Хлопка, обосновывает свою точку зрения указанием на два момента. Во-первых, на размер территории, охваченной восстанием: «Умножишась разбойство в земле Рустей, не токмо что по пустым местам проезду не бысть, ино и под Москвою быша разбои велицы». Вторая черта восстания Хлопка, отмечаемая «Новым Летописцем», — это наличие у восставших крупных сил, позволявших им успешно бороться против царских войск: «Царь же Борис, видя такое в земле нестроение и кровопролитие, посылаше многижда на них. Они же разбойники... противляхуся с посланными, и ничего им не можаху сотворити».

Оба эти утверждения «Нового Летописца» полностью соответствуют той картине восстания, которую можно получить на основании данных, имеющихся в разрядах.

В одной из разрядных книг — в так называемой Яковлевской разрядной книге сохранилась роспись о посылке Борисом Годуновым в 1603 г. воевод «за разбойники»

¹ «Новый Летописец» (название летописи) составлен в 1630 г.

(т. е. против восставших.— И. С.) в города: Владимир, Волок Ламский, Вязьму, Можайск, Медынь, Ржев, Коломну.

Сопоставление текста Яковлевской разрядной книги с «Новым Летописцем» не оставляет сомнений в том, что автор «Нового Летописца» строил свой рассказ именно на основе разрядных записей. Перечисленные в росписи города образуют как бы кольцо, окружающее Москву со всех сторон, причём такие города, как Коломна или Можайск, находятся в непосредственной близости от Москвы.

Перечень городов, названных в Яковлевской разрядной книге, даёт возможность конкретно представить себе территорию, охваченную восстанием. Оно охватило, таким образом, самые центральные районы Русского государства.

Яковлевская разрядная книга подтверждает и второе известие «Нового Летописца»: о многократной посылке Борисом Годуновым воевод против «разбойников» и о бессилии воевод подавить восстание. Большое количество воевод, брошенных правительством Годунова на подавление восстания Хлопка, показывает, насколько крупные силы оказались вовлечёнными в борьбу.

Таким образом, уже на своём начальном этапе восстание Хлопка выступает перед нами как движение исключительно крупных масштабов.

Источники очень скудны данными, характеризующими формы, которые в восстании Хлопка приняла борьба холопов, поднявшихся против феодального гнёта; они ограничиваются лишь трафаретными фразами о «разбоях» и «разбойниках»¹. Однако некоторые выводы относительно характера борьбы восставших сделать всё же можно.

Под фразой «Нового Летописца» «в земле нестроение и кровопролитие» скрывается, конечно, вполне реальное содержание, разъясняемое дальнейшими словами ле-

¹ Скудость источников о восстании Хлопка не даёт возможности выяснить вопрос о том, в какой мере и степени восстание Хлопка затронуло основные массы крепостного крестьянства тех районов, где действовали отряды Хлопка. Можно лишь в общей форме высказать предположение, что среди участников восстания Хлопка наряду с холопами могли быть и крестьяне.

тописца о том, что «воры... православных христиан посещают и грабят». Что эти действия восставших не были грабежами и убийствами обычного типа, а носили совершенно иной характер — характер расправы восставших холопов со своими господами (которых не трудно угадать под «православными христианами»), — видно из поведения правительства Бориса Годунова во время восстания.

Борису Годунову не удалось подавить движение в самом его начале, и карательные отряды, которые царь «многизда» посылал против Хлопка, терпели поражения один за другим. Это, а также тот факт, что восстание приближалось к самой Москве, заставило Бориса Годунова придать ему особо важное политическое значение и сделать вопрос о борьбе с восстанием предметом обсуждения Боярской думы. Это последнее обстоятельство (специально отмечаемое «Новым Летописцем») показывает всю серьёзность обстановки, создавшейся в стране в результате восстания. Восстание Хлопка означало не только полный крах всей предшествующей политики Бориса Годунова по крестьянскому вопросу (напомним, что последний закон в этой области — о даче холопам отпускных — был издан всего лишь 16 августа 1603 г.), целью которой было устранить «в народе волнение велие» и не допустить открытого взрыва классовой борьбы, но и таило в себе реальную угрозу для самых основ социального строя Русского государства.

В этой обстановке решение Боярской думы — послать против Хлопка воевод во главе с Иваном Басмановым, «с многою ратью» — является вполне закономерным и понятным. Своевременность его с точки зрения защиты интересов феодалов показала борьба между Хлопком и ратью Ивана Басманова. Ценнейшей деталью рассказа «Нового Летописца» об этой битве является указание о том, что она произошла «близ Москвы». Сражение между восставшими холопами и царскими воеводами, развернувшееся в самом центре Русского государства, у стен его столицы, должно было оказать огромное воздействие на всю страну, независимо от исхода этого сражения¹.

¹ Положение внутри Москвы было также очень острым, и Борису Годунову приходилось принимать решительные меры против тех, кто «богатых дома грабили и разбивали и зажигали».

«Новый Летописец» подчёркивает ожесточённый характер битвы под Москвой, указывая, что восставшие «биющиеся, не щадя голов своих», и что годуновские воеводы «едва возмогоша» «осилить» рать Хлопка.

Тяжело раненный Хлопко был захвачен в плен. Но части его войска удалось спастись от разгрома и уйти на южные окраины Русского государства, в Украинные города.

Движение Хлопка явилось наиболее грозным предвестником восстания Болотникова. Но нарастание классовой борьбы шло и по другим направлениям. Существенным элементом в общем процессе развития социального кризиса в Русском государстве в конце XVI — начале XVII в. являлась классовая борьба в городах. Первое, что следует отметить, говоря о русском городе конца XVI — начала XVII в., — это растущую политическую активность городского населения, посадских людей.

Об активном участии городского населения в политической борьбе свидетельствуют выступления московского посада в 1584 и 1587 гг.

В 1584 г. «чернь Московская приступали к городу большому Кремлю, и ворота Фроловские выбили и секли, и пушку большую, которая стояла против Фроловских ворот, на Лобном месте, под город подворотили», так что власти лишь с большим трудом «чернь уговорили» и удалили от кремлёвских ворот. В 1587 же году выступление посадских людей было ещё более мощным, и московские власти, спасаясь от «заворовавших» «торговых мужиков», «в Кремле городе в осаде сидели и стражу крепкую поставили».

Особенно острый характер принимает борьба в городах в годы голода (1601—1603). Сохранился рассказ одного современника о том, что он был очевидцем («видех своими очима») настоящего восстания в Москве, во время которого «много богатых дома грабили и разбивали и зажигали; и быть страхование великое». Правительство Бориса Годунова беспощадно расправилось с участниками восстания: «которые люди насиле творяху, и тех имаху казняще, ових жгли, а иных в воду сажали и всякими смертьми кончали их».

Голодные волнения в Москве показывают, насколько острыми были противоречия внутри самого городского

населения: между «богатыми» и городскими низами. Дальнейшее нарастание социального и политического кризиса в стране ещё более усиливает классовые антагонызмы в городах.

Поход на Москву Лжедмитрия I вызывает новый подъём борьбы городских низов Москвы. Как известно, этот авантюрист и ставленник польской шляхты широко использовал в своей борьбе за московский престол «царистскую психологию» народных масс, их мечты о «хорошем царе».

Стремясь привлечь на свою сторону недовольные Борисом Годуновым народные массы и использовать в своих целях их борьбу против крепостнического государства, Лжедмитрий I в своих грамотах, во множестве рассылавшихся им по городам, щедро сулил всяческие милости, обещая после воцарения в Москве «все православное христианство в тишине и в покое и в благоденственном житии жити учинити» и призывая население отложиться от «изменника Бориса Годунова».

Но призывы Лжедмитрия к борьбе против Бориса Годунова по-своему истолковывались городскими низами. Разрядные записи за 1605 г. сохранили очень ценные материалы, характеризующие позицию московского «мира», «мужиков», в дни, когда Самозванец приближался к Москве. Приезд в Москву агентов Лжедмитрия, Гаврилы Пушкина и Наума Плещеева, с грамотой Самозванца, призывавшей москвичей целовать ему крест, явился толчком для выступления московских городских низов, направленного против феодальной знати и богатой верхушки посада. События приняли такой оборот совершенно неожиданно и стихийно: «Гаврило Пушкин да Наум Плещеев, приехав к Москве с прелестными грамотами сперва в Красное село и собрався с мужики, пошли в город, и пристал народ многой, и учили на Лобном месте грамоты честь, и послали в город по бояр. И на Лобном месте Богдан Белской учал говорить в мир: яз за царя Иванову милость ублюю царевича Дмитрия, за то и терпел от царя Бориса. И услыша то, и досталь народ возмутился и учили Годуновых дворы грабить; а иные воры с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царцины пограбили».

Таким образом, московский «мир», «мужики», «народ»

превратили церемонию присяги Самозванцу в поход против бояр и расправу с ними, причём «народ возмутился» далеко не против одних Годуновых. Из другой записи об этих событиях мы узнаём, что в тот день, когда «иа Москве бояре и всякие люди Ростриге крест целовали...», «и тово ж дни в субботу миром, всем народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворяиские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили».

Внимательный наблюдатель Исаак Масса¹ даёт в своих записках ценный комментарий к этим событиям 1 июня 1605 г. По его словам, бояре в Москве «чрезвычайно страшились простого народа, который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве, так что воистину в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или дмитриевцев. Ибо почти все они, т. е. главные начальники, получали письма от Дмитрия, но не подавали вида и ожидали его прибытия или посланий к народу, чтобы каждому приказать, что надлежит делать». Таким образом, перед нами чрезвычайно рельефная картина: изменники-бояре, тайно связанные с Самозванцем и больше всего боящиеся восстания городских низов, «простого народа», и народные массы, жаждущие расправиться со своими угнетателями и истолковывающие падение Годуновской династии как наступление благоприятного момента для сведения счётов со своими классовыми врагами.

Противоположность позиций городских низов и феодальной знати в отношении к политическим событиям отчётливо выступает и в ходе дальнейшего развёртывания событий, особенно ярко проявившись во время восстания 17 мая 1606 г. против Лжедмитрия I и польских интервентов. Для этого события мы обладаем ценными показаниями другого очевидца, епископа Елассонского Арсения, оставившего в своих мемуарах описание восстания 17 мая 1606 г. Арсений, подобно Исааку Массе, изображает позицию народных масс Москвы диаметрально противопо-

¹ Исаак Масса — современник-иностранец, голландский купец, живший в Москве, автор записок о Русском государстве конца XVI—начала XVII в.

ложной позиции боярства: «Народ Московский, без согласия великих бояр, бросился на поляков и многих бояр, боярынь, многих благородных детей и многих воинов умертвил и отнял у них имущество и оружие их. Великие бояре и дьяки двора и писцы с великим трудом и усилием успокоили неразумный народ, так как он намеревался стереть с лица земли всех пришедших из Польши». Это свидетельство Арсения представляет особый интерес, так как выявляет противоположность позиций народных масс и боярства в отношении борьбы с польской интервенцией.

Так растущий антагонизм между феодальными господами и верхушкой торгового посада, с одной стороны, и городскими людьми — с другой, подготовлял ту позицию, которую города заняли в ходе восстания Болотникова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

Источники сохранили очень немного данных из биографии вождя восстания.

Русский по национальности, Иван Исаевич Болотников являлся холопом одного из видных московских бояр, князя Телятевского. Однако ещё в молодости он бежал от своего господина и отправился в степь, к казакам. Там, в Диком Поле, Болотников был захвачен в плен татарами (очевидно, во время одного из казачьих походов) и затем продан в рабство в Турцию, где в течение нескольких лет работал на галере как невольник. Из плена и турецкого иевольничества Болотников был освобождён в результате поражения, нанесённого туркам на море немецкими кораблями, и привезён в Венецию. Этот момент в биографии Болотникова совпал во времени с развёртыванием политического и социального кризиса в Русском государстве. Именно в Венеции Болотников услышал о событиях, происходивших на его родине, и через Германию пришёл в Польшу, чтобы оттуда двинуться в Россию.

По некоторым сведениям (К. Буссов¹), Болотников имел в Польше встречу с Михаилом Молчановым, выдавшим ему себя за «царя Димитрия», якобы спасшегося от рук убийц, и пожаловавшим Болотникова званием «большого воеводы». С грамотой «царя Димитрия» Болотников и пришёл в Путивль, где к тому времени воеводы Шуй-

¹ Копрад Буссов — иностранец-мемуарист, немец по происхождению, очевидец многих событий восстания Болотникова.

ского были свергнуты и власть находилась в руках восставших.

Грамота «царя Димитрия» (если она была) о назначении Болотникова «большим воеводой», однако, могла иметь некоторое значение лишь для первых шагов деятельности Болотникова в России. Но никакое звание «большого воеводы» не смогло бы превратить Болотникова в вождя восстания без наличия у самого Болотникова тех индивидуальных качеств, которыми должен обладать вождь всякого массового народного движения.

Эти качества выдающегося народного вождя, отмечаемые всеми без исключения источниками, выступают во всей деятельности Болотникова в ходе восстания, и именно они и превратили Болотникова в вождя восставших крестьян и холопов. Но к тому, чтобы быть способным стать вождём восстания, Болотникова подготовила его предшествующая бурная жизнь.

Биография Болотникова содержит два решающих момента. Первым из них является бегство Болотникова от своего господина (о чём сообщает Исаак Масса) и уход к казакам. Этот факт свидетельствует о том, что холоп Болотников ещё в молодости пытался разорвать путы крепостничества, чтобы завоевать себе свободу.

То, что пережил Болотников — жизнь с казаками, годы невольничества в Турции, освобождение из плена, скитания по Европе, — закалило его и обогатило его жизненный опыт. Именно в эти годы Болотников прошёл путь, превративший его из непокорного холопа в вождя народного восстания. Именно в эти годы сложилось то мировоззрение Болотникова, которое привело к решимости поднять всеобщее восстание крепостных крестьян и холопов против феодального гнёта. Именно в эти годы Болотников вынашивал те лозунги, с которыми он в годы восстания обращался в своих «листах» к крестьянам и холопам.

Только такое осмысление заграничного периода жизни Болотникова делает понятным второй решающий момент в биографии Болотникова — его возвращение в Россию, когда он узнал о развернувшейся там борьбе, воспринятой им как «чудесные изменения» в жизни его родины.

И русские и иностранные источники единодушны в признании за Болотниковым значения вождя восстания.

Несмотря на резко отрицательные тона, в которые окрашены высказывания о Болотникове русских публицистов, принадлежавших к враждебному восстанию крепостническому лагерю, все они подчёркивают, что именно Болотников стоял во главе восставших крестьян и холопов, называя Болотникова «начальником» и «полководцем» восставших, «большим заводчиком всей беде», «начальником сонму сему лукавому» и т. д.¹

С такой оценкой русскими источниками роли Болотникова в восстании вполне согласуются и характеристики, даваемые Болотникову иностранными наблюдателями.

Особенно высокую оценку личных качеств Болотникова даёт Исаак Масса, называющий Болотникова «удальцом», «отважным витязем», «отважным воином» и подчёркивающий, что Болотников «отважен и храбр на войне». Высокие моральные качества Болотникова отмечает и Буссов, рисуя Болотникова мужественным, энергичным вождём, человеком своего слова, способным пожертвовать жизнью за дело, которому он себя посвятил.

Даже такой наблюдатель, далёкий от тех общественных слоёв, вождём которых был Болотников, как архиепископ Елассоиский Арсений, резко отрицательно относившийся к борьбе народных масс, говорит о Болотникове с глубоким уважением, называя его «достоинейшим мужем и сведущим в военном деле», резко осуждая при этом Василия Шуйского за расправу с Болотниковым.

В отзывах современников о Болотникове имеется одна очень важная и характерная черта. Все они подчёркивают высокие качества Болотникова как полководца. Сами эпитеты: «полководец», которым наделяет Болотникова автор «Иного Сказания»², или «высший военачальник» — у Буссова, содержат в себе высокую оценку Болотникова как стратега. «Сведущим в военном деле» называет Болотникова и Арсений Елассоиский. Исаак Масса, отмечая высокие военные качества войск Болотникова («они были искусные воители и отважные воины, свободные и воль-

¹ Особенно ярко роль Болотникова в восстании выступает в позднейших документах, где при ссылках на события, связанные с восстанием 1606—1607 гг., неизменно употребляется формула: «Как приходил под Москву Ивашко Болотников».

² «Иное Сказание» — публицистическое произведение 20-х годов XVII в.; важный источник по истории восстания Болотникова.

ные»), даёт восторженную оценку самому Болотникову как «предводителю восстания».

Частичным объяснением такого исключительного явления, как превращение Болотникова из беглого холопа в главнокомандующего огромной армии восставших крестьян и холопов, может служить принятие предположения, что Болотников был не просто холоп, а военный холоп¹.

В этом случае, ещё будучи холопом своего господина, Болотников мог приобрести некоторые профессиональные навыки и знание военного дела.

Известный военный опыт могло дать Болотникову и его пребывание у казаков (вероятнее всего, что Болотников был взят в плен татарами в одном из казачьих походов). Но ни гипотетические походы Болотникова в качестве военного холопа князя Телятевского, ни участие в казачьих походах на татар не могли иметь значения большего, чем создание некоторых предпосылок для развёртывания военных талантов Болотникова, раскрывшихся во всём блеске и полноте лишь во время восстания.

Источники не дают возможности точно датировать момент начала восстания. Наиболее вероятным временем начала восстания является июнь 1606 г.

Общая картина зарождения восстания рисуется в источниках следующим образом: «А как после Розстриги сел на государство царь Василей, и в Польских, и в Украинных, и в Северских городех люди смутились и заворовали, креста царю Василью не целовали, воевод почали и ратных людей побивать и животы их грабить, и затеали будто тот вор Рострига с Москвы ушел, а в его место будто убит иной человек» (Разрядные записи).

Местом зарождения восстания и его первоначальным центром явился город Путивль. Повидимому, толчком к началу восстания в Путивле послужила предпринятая царём Василием Шуйским замена в городах старых воевод новыми. Смысл этой сменy воевод заключался в стремлении Шуйского расправиться со своими политическими противниками путём рассылки их по городам воеводами.

К числу таких противников Шуйского относился и князь Г. П. Шаховской, посаженный Шуйским воеводой

¹ В XVI в. бояре служили в армии вместе со свитой из своих холопов.

в Путивль. Шаховской принадлежал к числу наиболее активных сторонников Лжедмитрия I. Этим, очевидно, и следует объяснить стремление Шуйского удалить Шаховского из Москвы путём назначения в Путивль воеводой. Но, направившись в Путивль представителем Шуйского, Шаховской поднял там борьбу против нового царя.

Старый Путивльский воевода князь Бахтеяров-Ростовский, оставшийся верным Шуйскому, был убит путивльцами, и власть в городе перешла в руки восставших.

Наряду с Шаховским видную роль в событиях, относящихся к начальному моменту восстания Болотникова, сыграл другой политический авантюрист, Михаил Молчанов. Подобно Шаховскому, Молчанов во время правления Лжедмитрия I находился в числе наиболее доверенных и приближённых лиц Самозванца. После переворота 17 мая 1606 г., во время которого Лжедмитрий I был убит, Молчанову удалось бежать из Москвы — сначала в Путивль, а оттуда в Польшу. Дорогой Молчанов распространял слухи о «чудесном» спасении Лжедмитрия I и призывал к выступлению против Шуйского. В Польше же, повидимому, даже пытался сам изображать «царя Димитрия» (впрочем, в дальнейшем он от этого отказался и позднее выступает уже под своим собственным именем).

Подымая массы против Шуйского, и Молчанов и Шаховской оставались темн же, кем они были и раньше, — политическими авантюристами, ведущими борьбу за власть. Отсюда и их тактика: использование «царистской» психологии народных масс с помощью легенды о «царе Дмитрие», при одновременном стремлении сохранить и поддерживать старые связи с теми польскими кругами, на которые опирался первый Самозванец.

Но, дав толчок восстанию против Шуйского, Шаховской и Молчанов не только не сумели овладеть движением масс, но были оттеснены ходом событий на задний план, оказавшись сами поглощёнными мощным потоком восстания. При этом Шаховской ещё продолжает участвовать в восстании до самого конца, хотя и не играет уже той роли, как в начальный период. Молчанов же вообще выпадает как реальная величина из восстания и, оставаясь в Польше, ограничивает своё участие в событиях лишь поддержанием связей с восставшими.

Подлинным вождём восстания становится Болотников. Объяснение этого кроется в самом характере восстания.

С самого момента своего зарождения восстание Болотникова имеет ярко выраженный социальный характер, характер восстания угнетённых классов Русского государства против феодального гнёта.

«Новый Летописец» очень выразительно определяет существо восстания Болотникова, озаглавив главу, посвящённую истории восстания, «О побое и разорении служивым людем от холопей своих и крестьян» и дав полный перечень социальных групп, принявших участие в восстании: «Собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху Украинские посацкие люди, и стрельцы, и казаки».

Проверка этой характеристики при помощи других источников заставляет признать, что автор «Нового Летописца» не только правильно определил социальный состав участников восстания Болотникова, но и очень верно оценил удельный вес и значение каждой из названных им общественных групп, выделив холопов («боярских людей») и крестьян как инициаторов и главную силу восстания, остальные же группы — посадских людей, стрельцов и казаков — назвав присоединившимися («приставшими») к восстанию.

Первое место в восстании Болотникова, бесспорно, принадлежало холопам. Об этом свидетельствуют прежде всего сами масштабы участия холопов в восстании: современники (Авраамий Палицын) определяли число бывших холопов в составе армии Болотникова цифрой в 20 тыс. Но роль и значение холопов в восстании Болотникова определялись не только одним количественным моментом — удельным весом их в общей массе восставших. Холопы — участники восстания Болотникова — обладали рядом качеств и черт, дававших им возможность играть роль наиболее активного элемента в среде восставших.

Само положение холопов в общественном строе Русского государства стимулировало их политическую активность и толкало их на борьбу против своих господ. Отношения крепостнической эксплуатации были для холопа гораздо обнажённее, а формы её значительно более грубыми и тяжёлыми, чем у крестьянина. С другой стороны, холопы ближе, чем крестьяне, соприкасались с

центрами политической и культурной жизни Русского государства. Не говоря уже о холопах — военных слугах, и те холопы, которые составляли дворы бояр и дворян в Москве и других городах, также в какой-то степени общались к культурным условиям своего времени. Следует, наконец, отметить и ту черту в положении холопов, которая заключалась в меньшей изолированности их друг от друга, чем крестьян. И общие условия городской жизни, и скопление большого количества холопов во дворах феодальной знати создавали возможность для холопов общаться друг с другом.

К этим общим моментам, характеризующим положение русского холопа начала XVII в., следует добавить то, что конец XVI в. и начало XVII в. знаменуют собою увеличение в составе холопов людей, недавно закабалённых, только что потерявших свою свободу. Эти элементы должны были особенно остро переносить своё холопское состояние и поэтому, естественно, стремились и пытались вернуть себе свободу любой ценой. С другой стороны, годы, предшествующие восстанию Болотникова, характеризуются массовым бегством холопов от своих господ. Эти беглые холопы в условиях восстания, естественно, становились наиболее активным элементом в рядах восставших.

Наряду с холопами основной движущей силой восстания Болотникова являлось крестьянство.

Крестьяне, подобно холопам, выступают как инициаторы и активные участники борьбы уже в самый момент зарождения восстания. При этом роль и значение крестьянства в восстании Болотникова всё возрастает и увеличивается по мере развития восстания и охвата им основных, центральных районов государства.

Говоря о крестьянстве в начальный момент восстания Болотникова, следует в первую очередь указать на крестьянство Комарицкой волости¹.

¹ Комарицкой волостью в начале XVII в. назывался обширный район, расположенный между Путивлем и Кромами (см. карту). Административным центром Комарицкой волости являлся г. Севск. В источниках начала XVII в. Комарицкая волость характеризуется как «волость многолюдная и большая». О размерах территории Комарицкой волости можно судить по данным переписи 1707 г., когда в Комарицкой волости насчитывалось 117 сёл со 126 деревнями и слободами.

Комарицкая волость стала местом открытой борьбы крестьянства против феодалов ещё в царствование Бориса Годунова, подвергнувшего «изменившую» и восставшую против него волость разорению и со страшной жестокостью расправившегося с мятежными комарицкими мужиками. Таким образом, уже накануне восстания Болотникова население Комарицкой волости было озлоблено против крепостнического государства. Другим обстоятельством, способствовавшим активному участию Комарицкой волости в восстании Болотникова, было наличие здесь большого количества бывших «даточных людей»¹, вернувшихся к себе в волость после распада Годуновской армии в 1606 г.

Будучи населена по преимуществу чёрными тяглыми крестьянами², Комарицкая волость, насчитывавшая свыше двух с половиной тысяч крестьянских дворов, явилась одним из основных и главных центров восстания Болотникова.

Вслед за холопами и крестьянами «Новый Летописец» называет в составе участников восстания Болотникова казаков, стрельцов и посадских людей.

Активное участие в восстании Болотникова перечисленных социальных групп обуславливалось особенностями состава населения южных и юго-западных районов Русского государства: Польских, Украинных и Северских городов. Социальное лицо этих городов определялось тем, что они представляли собой одновременно и область интенсивной колонизации и пограничные районы Русского государства.

В условиях крепостнического государства, в обстановке растущего феодального гнёта колонизационное движение населения на юг, в районы Дикого Поля, являлось не только выражением экономического прогресса, показателем роста производительных сил, но и представляло собой одну из форм борьбы крестьянства против усиления крепостничества. Именно эта сторона процесса колонизации

¹ «Даточные люди» несли службу в войске. Поставка в войско даточных людей являлась повинностью, которую несло сельское и городское чёрное тяглое население.

² Есть сведения, что царём Фёдором Ивановичем Комарицкая волость со всеми доходами была пожалована Борису Годунову.

делала украинны (т. е. окраинные районы) Русского государства местами устремления беглых крестьян и холопов.

Но на южные украинны Русского государства бежали не только крестьяне и холопы. Сюда же на Поле уходили и разорявшиеся элементы из посадского населения.

Все они, попадая в южные районы Русского государства, вместе с переменной житейства меняли и своё социальное лицо, превращаясь из «беглых холопей» и крестьян в вольных людей — казаков. Подавляющее большинство крестьян и холопов, бежавших на Дон и Волгу, не возвращалось на брошенные места, а, напротив, «постаревало» в казаках и превращалось в глазах московских властей в «воров» и «разбойников».

Наиболее ярким представителем именно такого, мятежного, казачества является Илейка Муромец, выходец из городских низов, затем казак и, наконец, самозванный «царевич Пётр»¹. Но и в биографии самого Ивана Исаевича Болотникова период жизни у казаков сыграл важную роль, так как именно с бегства к казакам холоп Болотников начал свою борьбу против феодального гнёта.

В соответствии с квалификацией казаков как «беглых людей», «воров» и «разбойников» московские власти проводили по отношению к казачеству полнтику беспощадной борьбы против казачьего «воровства» и «разбоев». Эта политика осуществлялась прежде всего путём ряда мер, направленных на борьбу с уходом в казаки, равно как и на недопущение прихода казаков на основную территорию Русского государства (по формуле: «Ие велено никого на Дон пропускать и с Дону казака никакова пущать не велено на украинны»).

Выражением этой же линии в политике являлись и карательные экспедиции против казаков, регулярно устраивавшиеся московскими властями и завершавшиеся (в случае успеха) казнями захваченных в плен казаков и казачьих атаманов.

Наконец, московские власти не упускали случая, чтобы, когда к этому представлялась возможность, возвращать

¹ О роли «царевича Петра» в восстании Болотникова см. стр. 97.

казаков в их прежнее социальное состояние, от которого их избавляли Дон и Волга.

Особую остроту приобрела борьба московских властей против казачества в конце XVI — начале XVII в., при Фёдоре Ивановиче и Борисе Годунове.

Обострение отношений между казачеством и московскими властями в конце XVI — начале XVII в. нельзя не поставить в связь с общим процессом нарастания социального и политического кризиса в Русском государстве. И репрессии против казачества, применявшиеся Годуновым, являлись одним из выражений его общей политики подавления борьбы народных масс против крепостнического государства.

Однако борьба с «воровством» и «разбоем» казаков представляла собой лишь одну сторону в политике московских властей по отношению к казачеству. Другой стороной этой политики являлось использование казачества как боевой силы, привлечение казаков на «государеву службу».

«Государева служба» казаков являлась одним из важнейших звеньев в системе обороны южных границ Русского государства.

Вторая половина XVI в., особенно начиная с 70-х годов, характеризуется огромным размахом деятельности правительства Ивана IV и его преемников по строительству системы обороны Русского государства с юга.

Оборонительная система на южных границах Русского государства представляла собой сочетание укрепленных линий или «черт» с подвижными пунктами наблюдения и разведки. Первый из этих элементов слагался из укрепленных городов-крепостей, промежутки между которыми прикрывались оборонительными валами и засеками. Подступы же к этой постоянной оборонительной системе прикрывались легкими и подвижными элементами обороны в виде наблюдательных постов или «сторож» и разъездов или «станец».

Вся эта грандиозная военно-стратегическая система протяжением в несколько сот километров требовала для своего нормального функционирования огромного количества людей — и для гарнизонов «городов», и для защиты засечных линий, и для обслуживания подвижных звеньев

обороны — «сторож» и «станец». Столь же крупные людские ресурсы поглощало само строительство основных сооружений оборонительной системы — городов и засечных черт.

Московское правительство разрешало эту проблему людских ресурсов путём создания кадров служилых людей, обязанности которых заключались в строительстве и обслуживании оборонительных сооружений и в несении военной службы по обороне южных границ.

В соответствии с общим военно-пограничным обликом южных районов Русского государства и основная масса населения этих районов сосредоточивалась в городах или в их ближайшей округе. Именно в процессе строительства городов на территории Поля, развернувшегося в конце XVI в., и осуществлялось включение населения Поля в систему «государевой службы», а вместе с тем и в систему социальных отношений крепостнического государства.

Главная задача, стоявшая перед представителями московского правительства (воеводами, строившими города на южных окраинах), — формирование гарнизонов новых городов и создание кадров для несения сторожевой службы, — разрешалась ими за счёт трёх основных источников: 1) привлечения на «государеву службу» вольных казаков, 2) присылки на службу во вновь построенные города служилых людей из центральных уездов и 3) «прибора» на «государеву службу» различных элементов местного населения, начиная от «гулящих людей» и кончая беглыми холопами и крестьянами. В своей совокупности все эти группы служилых людей и составляли основную массу населения городов русского Поля.

Включение всех названных социальных элементов в состав «служилых людей» сопровождалось для них существенными изменениями в социально-экономическом отношении: вместе с самими служилыми людьми «служилой» становилась и находившаяся в их пользовании земля.

В области земельного вопроса политика московского правительства в отношении населения южных, пограничных городов характеризовалась стремлением ликвидировать свободное заимочное землевладение и превратить земли, освоенные или осваиваемые в процессе колонизации, в собственность крепостнического государства.

При раздаче земель служилому населению южных районов правительство проводило политику чётко выраженного дифференцированного подхода к различным социальным группам в составе служилых людей.

По отношению к «атаманам и казакам лутчим» правительство на первых порах ограничивалось лишь санкционированием их прав на владение землями и угодьями. Но, жалую атаманам и казакам право жить по своим «юртам» и владеть угодьями «безданно и безоброшно», правительство одновременно обуславливало сохранение этих прав для атаманов и казаков службой их «государю».

Это означало коренное изменение в характере владения этими землями: из свободного заимочного землевладения они превращались в своеобразные поместные земли, владение которыми было обусловлено несением «государевой службы».

На поместном праве владения получала земли и другая группа в составе служилого населения юга — дети боярские, присылаемые сюда на «службу» из центральных уездов государства. Однако эта группа в составе южно-русских помещиков была количественно невелика и экономически весьма слаба.

Основную же массу служилых людей русского Поля составляли служилые люди «по прибору»¹: стрельцы, казаки, ездоки, вожи, пушкарки, затынщики, воротники, кузнецы, плотники и т. д. Именно эти группы служилых людей «по прибору» и определяли общее лицо Польских и Северских городов.

При этом в отличие от верхнего слоя служилых людей южных городов и от служилых людей центральных уездов служилые люди «по прибору» в экономическом отношении не являлись представителями феодального землевладения, основанного на эксплуатации труда феодально-зависимых крестьян и бобылей, но, напротив, сами являлись в той или иной форме или степени объектом феодальной эксплуатации, с той лишь разницей, что в отношении

¹ Своё название служилые люди «по прибору» получили оттого, что они «прибирались», т. е. вербовались на службу из различных слоёв населения.

служилых людей «по прибору» в роли эксплуататора их труда выступали не отдельные представители феодального класса, а само феодальное государство.

Экономической основой существования служилых людей «по прибору» являлась пашня, получаемая ими в надел от государства. Но в отличие от поместий земли служилых людей «по прибору», во-первых, имели очень незначительные размеры (10—15 четей в поле), а во-вторых, и отмежёвывались эти земли скорее по типу крестьянских, чем помещичьих земель.

Ещё более сближали служилых людей «по прибору» в южных городах Русского государства с феодально-зависимыми слоями населения те повинности, которые лежали на них.

Помимо собственно «службы» — военной или по строительству военно-оборонительных сооружений — служилые люди «по прибору» были обложены ещё повинностью пахать «государеву десятинную пашню».

Назначением «десятинной пашни» являлось производство хлеба для раздачи денежного жалованья служилым людям и казакам.

История «десятинной пашни» в конце XVI — начале XVII в. раскрывает пути вовлечения низших слоёв служилых людей южных городов в сферу феодальных отношений, в феодальную зависимость, принимавшую для них форму обработки «государевой десятинной пашни».

Превращая земли, принадлежавшие местному населению, в «государеву десятинную пашню» и облагая «тутошных служилых и жилецких людей» своеобразной барщиной в виде обработки этой пашни, правительство Годунова выступает в своей политике по отношению к населению южных районов как выразитель интересов класса феодалов-крепостников, и эта политика, несшая служилым и жилецким людям русского Поля феодальный гнёт и насилие, не могла не вызывать со стороны населения этих районов недовольства крепостническим государством, не могла не толкнуть их на борьбу против крепостнического государства.

Недовольством крепостническим государством и борьбой против политики этого государства объясняется и позиция южных городов в 1604—1605 гг., во время похода Лжедмитрия I, сумевшего демагогическими обещаниями

всяческих милостей добиться поддержки со стороны населения южных городов в борьбе против Бориса Годунова.

Приход к власти Василия Шуйского не мог не восприниматься населением южнорусских городов как возврат к власти боярского царя, подобного «царю-боярину» Борису Годунову. Падение Лжедмитрия I и воцарение Шуйского рассматривалось населением этих городов как угроза восстановления тех порядков, которые были ликвидированы во время борьбы между Лжедмитрием I и Борисом Годуновым.

Эта угроза восстановления феодального гнёта и явилась главной причиной, сделавшей население южных городов — казаков, стрельцов, посадских людей, словом, «тутошних служилых и жилецких людей», активными участниками и одной из движущих сил восстания Болотникова.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОХОД НА МОСКВУ

Первоначальный район восстания Болотникова составляли юго-западные города Русского государства: Северские, Польские¹, Украинные города.

Характерной чертой начального периода восстания Болотникова является быстрота распространения движения и расширения района восстания. Английское донесение о восстании Болотникова² отмечает «поразительный успех» агитации организаторов восстания «среди недовольного и мятежного люда», в результате чего «большинство городов в этой части страны (южные окраины Русского государства. — И. С.) отказались от своей присяги нынешнему государю и принесли новую присягу предполагаемому в живых Дмитрию».

Этот процесс нарастания восстания Болотникова развивался в тесной связи с борьбой между восставшими и войсками Василия Шуйского. Правительство Шуйского ответило на восстание Болотникова посылкой войск для подавления восстания. Но это была явно непосильная задача для воевод Шуйского. В то время как они собирались разгромить и уничтожить восставших крестьян и холопов, Болотников уже начал свой поход на Москву.

¹ «Польскими» городами назывались города, граничавшие с «Полем» или «Диким Полем»: Курск, Ливны, Елец, Белгород, Царёв-Борисов, Воронеж.

² Это донесение принадлежит одному из английских дипломатических агентов, находившихся в Москве во время восстания Болотникова. Автор донесения сообщает в нём английскому правительству о положении в Русском государстве во время восстания Болотникова.

Поход на Москву явился закономерным выражением самого существа движения восставших крестьян и холопов, поднявшихся против феодального гнёта.

Именно так определяет цель похода Болотникова на Москву одно из современных сказаний: «И возмутишася во странах тех и во градах людие, глаголя: «идем вси и примем Москву и потребим живущих в ней и обладаем ею, и разделим дома вельмож и сильных, и благородныя жены их и тщери примем о жены себе»». Если отбросить трафаретный приём публицистов из крепостнического лагеря: приписывание участникам восстания Болотникова намерений захвата себе в «жены» жён и дочерей «бояр» и «вельмож», — приём, имевший целью оклеветать восставших, изобразив их нарушителями основ морали, и тем оттолкнуть от них народные массы, то следует признать, что в остальном сказание очень верно характеризует основные цели похода Болотникова: взятие Москвы, истребление «вельмож и сильных» и овладение их «домами», т. е. имуществом.

Организатором и вождём похода на Москву явился сам Болотников.

Болотников начал свой поход на Москву из Путивля, двинувшись через Комарицкую волость на Кромь. Кромь вместе с Ельцом и явились важнейшими центрами борьбы между восставшими и войсками Шуйского в первый период восстания.

Стратегическое значение Кром заключалось в том, что они закрывали (или открывали) путь на Москву с юга. Между тем Кромь оказались в числе первых городов, поднявших восстание против В. Шуйского. Этим следует объяснить спешность посылки В. Шуйским войск под Кромь, равно как и решение Болотникова двинуться на поддержку восставших Кром. Первое столкновение Болотникова под Кромами с воеводой В. Шуйского, М. А. Нагим, было неудачно для Болотникова. Однако значение такого исхода первого боя между восставшими и войсками В. Шуйского для общего хода военных действий было весьма невелико. Повидимому, Нагому удалось лишь заставить отступить Болотникова от Кром, и только. Проникнуть же в сами Кромь Нагому не удалось, и он вынужден был перейти к осаде Кром, куда затем подошли основные силы войска В. Шуйского под командованием

князя Ю. Трубецкого. Но и Трубецкому не удалось взять Кромь, и он вынужден был перейти к их осаде.

Другим центром развернувшихся военных операций был Елец. Стратегическое значение Ельца в период похода Болотникова на Москву было ещё более велико, чем Кром. Оно определялось тем, что Елец ещё при Лжедмитрии I был превращён в главную военную базу для подготавливавшегося Самозванцем похода на Крым, в результате чего в Ельце оказались сосредоточены огромные количества амуниции и вооружения, в том числе много артиллерии.

Подобно Кромам, Елец также с самого начала прикнул к восстанию, на что В. Шуйский ответил посылкой под Елец крупных военных сил под командованием князя Воротынского. Однако и Воротынскому не удалось взять Елец, и он также вынужден был перейти к осаде Ельца.

Осада Кром и Ельца означала, что первоначальный план правительства В. Шуйского — подавить восстание Болотникова в самом зародыше — потерпел неудачу. Между тем в результате дальнейшего роста восстания обстановка в стране становилась всё более угрожающей для господствующих классов. Это не могло не сказаться и на исходе борьбы под Кромами и Ельцом, несмотря на все усилия правительства В. Шуйского добиться активизации своих застрявших под Ельцом и Кромами войск. В то время как князь Воротынский и другие воеводы В. Шуйского безуспешно стояли под Кромами, Болотников готовился к переходу в решительное наступление. Первый удар был нанесён Болотниковым в направлении на Кромь.

В бою под Кромами войска воевод В. Шуйского потерпели полное поражение. Войска В. Шуйского потеряли в бою под Кромами несколько тысяч убитыми и вынуждены были снять осаду Кром и отступить к Орлу.

Кромская победа Болотникова полностью изменила всю стратегическую обстановку и способствовала дальнейшему распространению восстания вплоть до Калуги, к которой отступили остатки войска князя Трубецкого после безуспешной попытки задержать наступление Болотникова под Орлом.

Отступление воевод В. Шуйского от Кром сразу же сказалось и на обстановке под Ельцом. Стоявший во главе

отрядов восставших, находившихся в Ельце, Истома Пашков воспользовался успехом Болотникова под Кромами для нанесения удара по второй важнейшей группировке войск В. Шуйского — под Ельцом.

Под Ельцом восставшие одержали не менее блестящую победу, чем под Кромами. Воротынский был наголову разбит Истомой Пашковым и вынужден был отступить от Ельца по направлению к Туле¹.

Таким образом, в итоге сражений под Кромами и Ельцом обе армии воевод В. Шуйского оказались разбитыми и отступали по направлению к Москве, в то время как восставшие двигались по следам отступающих войск Трубецкого и Воротынского, преследуя их по двум направлениям: Кромско-Калужскому, где действовали отряды восставших во главе с самим Болотниковым, и Елецко-Тульскому, по которому двигались отряды Истомы Пашкова.

Победы Болотникова под Кромами и Ельцом, датируемые в источниках августом 1606 г., завершают первый этап похода Болотникова на Москву.

Сентябрь 1606 г. характеризуется лихорадочной деятельностью правительства В. Шуйского по восстановлению боеспособности своих деморализованных поражениями полков и по мобилизации новых сил против Болотникова.

Местом, избранным правительством В. Шуйского для сосредоточения своих основных сил против Болотникова, явилась Калуга, представлявшая собой центр системы укрепленных городов в верховьях Оки, так называемых «Береговых городов», прикрывавших Москву с юга. К Калуге отступали (через Лихвин) воеводы от Кром и Орла. В Калугу же было послано и новое войско во главе с братом царя князем И. И. Шуйским.

¹ Документальным свидетельством, подтверждающим участие Истомы Пашкова в Елецком сражении, может служить следующая запись в приходе-расходной книге Разрядного приказа 1606—1607 гг.:

«Того же дни (5 февраля 1607 г. — И. С.) по приказу думного дьяка Григорья Желябужского сыну боярскому резанцу Степану Фомину за конь 10 рублей даю. Что он поймался за отца своего конь у Истомы у Пашкова. А тот де конь отца его взяли воры на Ельце на розгроме. И государь Истому пожаловал, того коня имати у него не велел, а велел за тот конь тому сыну боярскому дати 10 рублей денег».

23 сентября 1606 г. в нескольких верстах от Калуги при впадении в Оку реки Угры произошло сражение между Болотниковым и войсками князя Ивана Шуйского, закончившееся новой победой Болотникова и отступлением воевод В. Шуйского от Калуги к Москве.

Непосредственным результатом битвы под Калугой и отступления царских войск к Москве явилось распространение восстания Болотникова на весь район «Береговых городов». К этому же, повидимому, времени следует отнести распространение восстания и на область Брянска и Карачева, а также и проникновение восстания в смоленские города, где на сторону восставших переходят Вязьма и Можайск.

Продвижение второй группы отрядов восставших во главе с Истомой Пашковым также имело своим результатом дальнейшее расширение района восстания — на область Заречных городов, т. е. на Тульско-Рязанский район.

Отступление князя Воротынского к Туле не только не укрепило его позиций, но привело к дальнейшему разложению среди служилых людей, составлявших основное ядро его полков. На сторону восставших переходит и Тула, что вынудило Воротынского отступить от Тулы к Москве, «а города Зарецкие все заворовалися, целовали крест Вору».

Примкнув к восстанию осенью 1606 г., тульские и рязанские города в процессе дальнейшего развития восстания превратились в один из наиболее активных районов восстания Болотникова, причём в борьбе тульских и рязанских «мужиков» против своих господ с особой отчётливостью выступает основная сущность восстания Болотникова как восстания крепостных крестьян против феодального гнёта.

Широкое развитие помещичьего землевладения в Тульско-Рязанском районе делало особенно острыми классовые противоречия между тульскими и рязанскими крестьянами и помещиками.

Рязань явилась местом открытой борьбы уже во время восстания Хлопка в 1603 г. Ещё более широкие масштабы и острые формы приняла борьба тульских и рязанских «мужиков» во время восстания Болотникова. Крестьяне сжигают помещичьи усадьбы, захватывают помещичье

имущество, жнут на себя рожь с помещичьих земель, прекращают выполнять барщину и другие феодальные повинности. Рязанские помещики массами бегут от «воюющих мужиков», укрываясь от них за стенами рязанской «столицы» — города Переяславля Рязанского (современная Рязань).

Наибольший размах эта борьба приобретает, однако, уже в 1607 г. Напротив, в начальный период восстания, во время похода Болотникова на Москву, участие тульских и рязанских городов в восстании Болотникова характеризуется рядом своеобразных черт и особенностей.

Своеобразие это состояло в том, что во время похода Болотникова на Москву к нему примкнули и приняли в нём активное участие тульские и рязанские дворяне-помещики во главе с Прокофием Ляпуновым. В факте участия тульских и рязанских помещиков в походе Болотникова на Москву нашла своё выражение борьба тульского и рязанского дворянства против Василия Шуйского как представителя реакционных боярских кругов.

Присоединившись к отрядам восставших крестьян и холопов, двигавшимся на Москву, рязанские и тульские помещики, несомненно, преследовали цель захватить в свои руки руководство движением и использовать восставших крестьян и холопов в качестве ударной силы в борьбе против боярского правительства Василия Шуйского.

Однако Ляпунов оказался столь же бессилён овладеть и подчинить своим классовым целям движение крестьян и холопов, как и Шаховской. Напротив, отряды рязанских и тульских дворян-помещиков были захвачены мощным потоком двигавшегося на Москву войска восставших и, таким образом, помимо своей воли, оказались на некоторое время своеобразными «попутчиками» восставших крестьян и холопов (с тем, чтобы позднее порвать все связи с лагерем восставших и объединиться с Шуйским в борьбе против Болотникова).

Победа Болотникова над Иваном Шуйским 23 сентября 1606 г. и переход на сторону восставших Тулы и Заречных городов открывают собой последний этап похода Болотникова на Москву.

И на этом этапе борьбы силы восставших продолжают оставаться объединёнными в две главные группировки, ведущие наступление на Москву по двум различным

направлениям: Калужско-Серпуховскому (Болотников) и Тульско-Коломенскому (Истома Пашков).

Поражение войск В. Шуйского под Калугой и дальнейшее продвижение Болотникова, занявшего Алексин и Серпухов, к Москве резко ухудшали положение правительства В. Шуйского, заставляя его принимать всё новые и новые меры для отпора наступавшему Болотникову.

Первой и, повидимому, экстренной мерой правительства В. Шуйского после взятия Болотниковым Серпухова была посылка против него отряда князя В. В. Кольцова-Мосальского. Однако Болотников разбил Кольцова-Мосальского на реке Лопасне, образующей естественный рубеж на дороге от Серпухова к Москве.

Поражение Кольцова-Мосальского вынудило В. Шуйского послать против Болотникова новые силы во главе с родственником царя, князем М. В. Скопиным-Шуйским. Поход Скопина-Шуйского имел своим результатом новый бой с Болотниковым на реке Пахре. На этот раз проигравшей стороной оказался Болотников. По разрядным записям, «князю Михаилу был бой с воровскими людьми на Похре, и воровских людей побили». Однако эта официальная оценка результатов боя на реке Пахре слишком усиливает успех войск Скопина-Шуйского. Привлечение других источников заставляет прийти к заключению, что сражение на реке Пахре не дало решающего успеха ни одной из сторон. Тем не менее можно считать бесспорным, что Скопину-Шуйскому удалось задержать наступление Болотникова по Серпуховской дороге и даже заставить его отойти назад. Это позволило правительству В. Шуйского использовать полки Скопина-Шуйского для усиления другой группы войск — во главе с князьями Ф. И. Мстиславским и Д. И. Шуйским, двинутой в направлении на Коломну против наступавшего здесь Истома Пашкова.

Несмотря на то что для отпора наступавшему Истома Пашкову В. Шуйский мобилизовал все имевшиеся у него силы — «посла всех бояр своих и служивых людей, которые были на Москве, и посадских людей» («Новый Летописец»), воеводам В. Шуйского не только не удалось разбить войско Истома Пашкова, но, напротив, они сами в сражении у села Троицкого были наголову разбиты Истомай Пашковым.

Посылка войска против Истомы Пашкова была последней попыткой правительства В. Шуйского не допустить отряды восставших крестьян и холопов к Москве. Поражение царских войск под селом Троицким создало обстановку, в которой правительству В. Шуйского не оставалось другого выхода, кроме как запереться в стенах Москвы, чтобы выиграть этим время и попытаться собрать силы для продолжения борьбы.

Отступившие к Москве воеводы В. Шуйского «град Москву затвориша и крепко утвердиша». Преследуя их, отряды Истомы Пашкова около 7 октября 1606 г. подошли к Москве и осадили её.

Что касается Болотникова, то он, вынужденный после сражения на реке Пахре прекратить продвижение к Москве по Серпуховской дороге, повидимому, повернул на юго-запад — к Можайску, Звенигороду, Волоколамску. Продвижение сюда Болотникова привело к быстрому распространению восстания на весь район городов, примыкавших к Москве с запада и юго-запада. Обойдя таким образом Москву с запада, Болотников через Волоколамск, Звенигород и село Вязему двинулся к Москве и около 28 октября 1606 г. соединился с отрядами Истомы Пашкова, став лагерем в селе Коломенском.

К моменту прихода войска восставших к Москве территория, охваченная восстанием, насчитывала около семидесяти городов¹, включая в себя почти все южные и юго-западные города Русского государства, а также значительную территорию Среднего Поволжья — между Нижним-Новгородом и Казанью. Кроме этой основной территории, охваченной восстанием, влияние восстания Болотникова сказалось ещё на трёх районах, которые, не будучи непосредственно связаны с основной территорией

¹ Брянск, Стародуб, Севск (Комарицкая волость), Новгород-Северский, Рылск, Путивль, Чернигов, Почеп, Моравск, Дорогобуж, Вязьма, Рославль, Ржев, Зубцов, Старица, Погорелое Городище, Калуга, Козельск, Лихвии, Медынь, Мещовск, Перемышль, Серпейск, Волок Ламский, Можайск, Боровск, Малый Ярославец, Серпухов, Кашира, Верея, Звенигород, Руза, Коломна, Алексин, Болхов, Белёв, Дедилов, Карачев, Крапивня, Одоев, Новосиль, Орёл, Мценск, Тула, Кромь, Переяславль-Рязанский, Зарайск, Михайлов, Пронск, Серебряные Пруды, Венёв, Гремячей, Рязьск, Сопожок, Песошино, Шацк, Епифань, Курск, Ливны, Елец, Белгород, Царёв-Борисов, Воронеж, Льгов, Муром, Арзамас, Алатырь, Курмыш, Ядрии, Чебоксары, Свияжск.

восстания, тем не менее являли собой картину открытой и острой борьбы классов. Этими районами были: Вятка и Пермь — на северо-востоке, Псков — на северо-западе и Астрахань — на юго-востоке.

Общей чертой всех трёх названных районов является то, что борьба в них развёртывается и идёт как борьба классов внутри города, как продукт и выражение классовых противоречий внутри городского населения, как борьба верхушки и низов посада.

Характерной чертой борьбы в Вятско-Пермских городах является то, что в неё оказываются втянутыми широкие массы городского населения. При этом идеологической оболочкой борьбы является лозунг «царя Димитрия», сторонниками которого провозглашают себя чёрные посадские люди, в то время как зажиточные посадские круги сохраняют верность В. Шуйскому.

В Пскове противоположность низов и верхов городского населения — «бóльших» и «меньших», по характеристике современного псковского летописца, — выступает гораздо отчётливей, что придаёт борьбе особенно острый характер. Начало открытой борьбы между «бóльшими» и «меньшими» в Пскове падает на вторую половину 1606 г., когда в ответ на попытку псковских «гостей» расправиться с наиболее активными представителями «меньших» людей «восстали всем Псковом на гостей». Эта ожесточённая борьба продолжается вплоть до 1612 г., то принимая характер «смердов самовластия», когда власть оказывается в руках «меньших» людей, то, напротив, проявляясь в виде кровавого террора по отношению к псковским «меньшим» людям со стороны псковских «бóльших» людей, когда власть переходила к ним.

Вместе с тем для борьбы в Пскове характерным является её локальный характер, и она долгое время не выходит за рамки чисто псковских дел и отношений, так что в Пскове вплоть до конца 1608 г. даже продолжает оставаться воевода В. Шуйского — Пётр Шереметев, а в псковских тюрьмах... участники восстания Болотникова, посаженные туда В. Шуйским, причём псковичи даже не пытались вмешаться в судьбу пленников В. Шуйского, ограничиваясь лишь выражением своего сочувствия их участи: «поили и кормили и одевали и плакали на них смотря».

В Астрахани, напротив, борьба с самого начала принимает характер открытого восстания против Шуйского, которое вспыхивает уже через месяц после воцарения В. Шуйского — 17 июня 1606 г.

Астрахань явилась одним из самых стойких центров борьбы против Шуйского.

Интенсивность борьбы в Астрахани объясняется самым характером Астрахани, одного из крупнейших городов Русского государства.

Состав населения Астрахани, характеризующийся наличием мощной городской верхушки, состоявшей из дворян и купцов, и вместе с тем существованием многочисленного населения, принадлежавшего к городским низам, к которым в значительной степени относились и стрельцы, тесно связанные с ремесленниками, с неизбежностью порождал острые классовые конфликты между городскими верхами и низами.

Восстание в Астрахани приняло ярко выраженный антикрепостнический характер. Силами, враждебными восстанию, являлись дворяне и купцы, движущей же силой астраханского восстания были городские низы — от стрельцов до холопов, а также казаки — как терские, так и волжские и даже яицкие.

Наиболее существенным выражением антикрепостнической природы астраханского восстания являлось освобождение холопов восставшими астраханцами, сопровождавшими расправу с дворянами и купцами уничтожением дворянских и купеческих подворий, роспуском кабальных холопов на свободу и выдачей им на руки кабал, определявших отношения холопов к их господам.

В отличие от Пскова в Астрахани в течение всего периода восстания власть находилась в руках восставших городских низов, причём восставшие астраханцы создали в какой-то форме и степени свои органы власти, в том числе суд и тюрьму для своих политических противников.

Наконец, у восставшей Астрахани имелся и свой самозванный «царевич» Иван-Август, выдававший себя за сына Ивана Грозного и называвший себя братом «царя Димитрия». «Новый Летописец», сообщая о царевиче Иване-Августе и других «Астраханских царевичах», указывает на холопское и крестьянское происхождение этих «царевичей»-самозванцев: «иной боярский человек,

а иной — мужик пашенной». Это известие раскрывает социальный смысл «царистской» психологии городских низов Астрахани, их мечты о «хорошем царе». Правительство В. Шуйского прилагало все силы, чтобы подавить восстание в Астрахани. Однако воевода В. Шуйского Ф. И. Шереметев, простояв безуспешно больше года под стенами восставшей Астрахани (в «городке» на острове Балчике), в октябре 1607 г. снял осаду и отступил вверх по Волге.

Астраханцы в свою очередь стремились установить непосредственную связь с Болотниковым и принять участие в его борьбе с В. Шуйским. Выражением этого стремления явился поход «царевича» Ивана-Августа летом 1607 г. вверх по Волге, на соединение с «царем Димитрием» (т. е. с Болотниковым). Правда, Ивану-Августу удалось дойти лишь до Саратова, где воеводы В. Шуйского «отсиделися и на приступах и на выласках астраханских воров многих побили, и вор, который назывался царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми в Астрахань». Однако, несмотря на неудачу похода астраханского царевича, борьба в Астрахани, равно как и в Пскове и в северо-восточных городах, не могла не оказывать своего действия и на основные центры борьбы, в том числе и на ход борьбы под Москвой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОСАДА МОСКВЫ

Двухмесячный период осады Болотниковым Москвы (около 7 октября — 2 декабря 1606 г.) является временем высшего подъёма, кульминационным пунктом восстания Болотникова.

Приход к Москве армии крестьян и холопов не только ставил под удар восставших политический центр государства, но вместе с угрозой захвата Болотниковым Москвы нёс в себе угрозу и для самых основ власти господствующего класса Русского государства — класса феодалов-крепостников.

Современники определяют размеры войска Болотникова, осадившего Москву, цифрами в 60, 100 и даже 187 тыс. человек. Нет возможности проверить, насколько точны эти цифры, но они во всяком случае позволяют составить представление о масштабах войска Болотникова под Москвой, свидетельствуют, что оно достигало нескольких десятков тысяч человек.

Основную массу войска Болотникова составляли крестьяне и холопы.

Иван Тимофеев¹ в своём «Временнике» даже прямо называет войско Болотникова войском холопов: «своевернии раби ратию пришедше». В действительности, однако, войско Болотникова не было однородным по своему классовому составу: помимо холопов и крестьян в нём имелись

¹ Иван Тимофеев — писатель-публицист начала XVII в., находился в Москве во время осады её Болотниковым. Сочинение И. Тимофеева называется «Временник».

казаки, стрельцы, а также дворяне и другие разряды служилых людей¹. Эта социальная неоднородность войска восставших сказывалась и на его организационном устройстве. Будучи под верховным начальством Болотникова, оно в то же время включало в свой состав ряд в какой-то степени обособленных, самостоятельных отрядов, из которых самыми крупными были три: 1) под начальством Г. Сумбулова и П. Ляпунова, 2) под начальством Истомы Пашкова и 3) под начальством Ю. Беззубцева.

Наиболее отчётливо выступает социальное лицо отряда Г. Сумбулова и П. Ляпунова, состоявшего из рязанских дворян-помещиков. Отряд Истомы Пашкова, в отличие от рязанских полков, не являлся единым в социальном отношении. Основу его составляло то войско, которое шло к Москве от Ельца, Тулы, Коломны. Но наряду с тем в составе отряда Истомы Пашкова имела значительная группа дворян-помещиков, преимущественно тульских и

¹ Некоторое представление о социальном составе войска Болотникова дают материалы недавно обнаруженной в ЦГАДА т. Королёвой приходо-расходной книги Разрядного приказа за 1606—1607 гг.

Приходо-расходная книга охватывает период времени с 18 октября 1606 г. по 5 августа 1607 г. и содержит записи о выдаче денег на «корм» «языков» и «выходцев» из войска Болотникова, сидевших в тюрьме для «распроса».

По социальному составу колодники распределялись следующим образом:

холопов . . .	18 человек
крестьян . . .	10 »
казakov	15 »
в том числе атаманов	5 »
посадских людей	13 »
гулящих людей	4 »
стрельцов . . .	2 »
детей боярских	12 »
князей .	1 »
попов	1 »
неизвестного подожжения . .	15 »
в том числе { новокрещен .	2 »
{ татар	1 »
{ иноземцев .	7 »

Несмотря на известную условность этих данных, можно всё же считать, что социальный состав «языков» (т. е. взятых в плен) и «выходцев» из войска Болотникова отражает в какой-то степени социальный состав войска Болотникова в целом.

примыкающих к Туле районов. Наконец, отряд Ю. Беззубцева, повидимому, состоял из казаков.

Обособленность отрядов Сумбулова — Ляпунова, Истома Пашкова (в его дворянско-помещичьей части) и других обуславливалась самой природой этих отрядов, бывших в социальном, классовом отношении чуждыми и даже прямо враждебными основному ядру войска Болотникова — холопам, крестьянам и городским низам. Присоединившись к Болотникову в ходе восстания, в обстановке растущих успехов восставших, дворянские отряды временно усиливали Болотникова, но вместе с тем явились источником противоречий и борьбы в лагере восставших, оказавшись в конечном счёте фактором, не укрепляющим, а разлагающим и дезорганизующим ряды восставших.

Что касается казачьего отряда Ю. Беззубцева, то его обособленность в войске Болотникова обуславливалась, конечно, иными причинами, чем обособленность дворянских отрядов. Тем не менее в этом проявлялись известные отличия социальной природы казачества от холопов и крестьян (хотя в составе казаков и имелось немало бывших «холопей боярских»).

Несмотря на наличие серьёзных и глубоких противоречий внутри войска Болотникова, оно представляло собой огромную силу, непосредственно угрожавшую Москве.

Иван Тимофеев, определяя положение, в каком оказался В. Шуйский в начальный период осады Москвы, иронически говорит о том, что «новоцарствующему во граде, яко периатей в клетце, объяту суцу и затворене всеродно». Положение В. Шуйского, действительно, очень напоминало положение птицы в клетке.

Решение правительства Шуйского закрыться в Москве и сесть в осаду явилось результатом полного разгрома армии Шуйского Болотниковым. Особенно сокрушителен был последний удар, нанесённый царскому войску под селом Троицким. Даже официальные источники (разряды), обычно всячески скрывающие неудачи воевод Василия Шуйского в борьбе с Болотниковым, изображают битву под Троицким как полное поражение царских войск, подчёркивая, что восставшие «бояр побили и розганяля». Потери Шуйского одними убитыми достигали 7 тыс. человек.

В такой обстановке правительству Шуйского не оставалось никакого иного выхода, кроме как запереться в

стенах Москвы, чтобы выиграть этим время и попытаться собрать силы для продолжения борьбы.

Но и в самой Москве положение было исключительно острым. Один из современников-очевидцев, некий Иван Садовский, говоря об обстановке в Москве во время осады Москвы Болотниковым, отмечает следующие моменты: «на Москве был хлеб дорог», «государь не люб бояром и всей земли, и меж бояр и земли рознь великая», «казны нет и людей служилых».

Таким образом, И. Садовский отмечает три основных момента, характеризующих обстановку внутри Москвы: 1) отсутствие служилых людей и казны, т. е. отсутствие военной силы и финансовых ресурсов для организации войска, 2) тяжёлое экономическое положение («хлеб дорог») и 3) напряжённая социальная атмосфера, причём противоречия и борьба развёртывались в двух плоскостях: а) недовольство бояр и «всей земли» царём Василием Шуйским и б) «рознь великая» между боярами и «землёй».

То, что к моменту осады Москвы Болотниковым В. Шуйский остался без служилых людей, отнюдь не было неожиданным. Распад войска В. Шуйского нарастал параллельно успехам Болотникова, и процесс распада становился всё более быстрым по мере приближения Болотникова к Москве. Отсутствие служилых людей у В. Шуйского означало невозможность активной борьбы против восставших. «Иное Сказание» свидетельствует, что запершиеся в Москве воеводы В. Шуйского «на брань противу их (т. е. восставших. — И. С.) не исходиша, войские силы ждаху». Это ожидание «войской силы», однако, не было пассивным. Напротив, правительство В. Шуйского стремилось любыми средствами сосредоточить в своих руках воинскую силу для активных действий против Болотникова.

Источники позволяют дать лишь самую общую характеристику тех военных сил В. Шуйского, которые противостояли войску Болотникова под Москвой. В соответствии с тактикой того времени войска В. Шуйского в Москве были разделены на две группы. Первая из этих групп, под начальством «осадного воеводы» князя Д. В. Туренина, имела целью защищать городские укрепления. Вторая группа войск, напротив, являлась подвижной и, находясь

под начальством «вылазного воеводы» князя М. В. Скопина-Шуйского, имела своей задачей «вылазки» отрядов против осаждавших город войск.

Одновременно с приведением в боевую готовность наличных в Москве сил правительство В. Шуйского принимает меры к мобилизации нового войска. Во главе этого дела был поставлен брат царя — князь Иван Шуйский. Насколько можно судить по сохранившимся данным, план В. Шуйского заключался в том, чтобы попытаться опереться в своей борьбе против Болотникова на северные и северо-восточные районы, где и предполагалось набрать новые контингенты войск взамен разбежавшихся служилых полков. Однако, несмотря на все усилия, правительству В. Шуйского никак не удавалось добиться сколько-нибудь серьёзного увеличения войска в Москве, и современники расценивали положение в Москве прямо как отчаянное: «Тогда во граде вси людие в размышлении велицем быше и во отчаянии о помощи, понеже многие грады царю изменили и приложилися к вором и разбойником».

К третьей группе военных мероприятий В. Шуйского относились военные действия за пределами Москвы. Эти действия продолжались и во время осады Москвы, причём местом их являлся район Можайска и Волока Ламского. Стратегическое значение Можайска и Волока Ламского состояло в том, что они открывали дорогу от Москвы к западным областям Русского государства и прежде всего — к Смоленску, сильнейшей военной крепости, на чью помощь В. Шуйский мог рассчитывать в своей борьбе с Болотниковым, а также к Твери.

Посылка войск «под Можайск» и «под Волок» преследовала цель привести в покорность эти города, находившиеся в руках восставших, и вместе с тем — открыть дороги, по которым «смольняне», верные В. Шуйскому, могли бы притти к Москве. Это мероприятие сыграло важную роль в борьбе между Болотниковым и В. Шуйским в период осады Москвы. Воеводам В. Шуйского князю Мезецкому и Крюку-Колычеву удалось очистить район Можайска и Волока Ламского от восставших и восстановить в этом районе власть В. Шуйского. В Можайске же произошло соединение дворянских отрядов из Смоленска и его пригородов с ратью Крюка-Колычева. Однако эффект от этих событий сказался на ходе борьбы под

Москвой лишь в самом конце осады Москвы, когда объединённая рать смольнян и Крюка-Колычева пришла к Москве.

Наряду с чисто военными факторами в ходе борьбы во время осады Москвы Болотниковым не менее существенное значение имели и такие моменты, как обстановка внутри Москвы, равно как и положение внутри лагеря Болотникова.

Обстановка в Москве во время осады её Болотниковым характеризуется крайним обострением борьбы классов. Проявления этой борьбы имели место уже в самые первые дни царствования В. Шуйского. Характерной особенностью этой борьбы было то, что она протекала под лозунгом «царя Димитрия». Стихийные вспышки борьбы народных низов Москвы характеризуют и всё последующее время, вплоть до прихода войска Болотникова к Москве. Осада Москвы ещё более обострила обстановку, и с этого момента борьба внутри Москвы развивается в прямой и непосредственной связи с общим ходом борьбы между Болотниковым и В. Шуйским.

И для Болотникова и для В. Шуйского вопрос о позиции населения Москвы представлял исключительную важность. Этим объясняется то, что наряду и одновременно с военными действиями между войсками Болотникова и В. Шуйского велась непрерывная и ожесточённая борьба за население Москвы. Болотников активно стремился привлечь московские городские низы — и прежде всего холопов — на свою сторону в борьбе против В. Шуйского. В. Шуйский с своей стороны всеми средствами и любой ценой старался удержать в своих руках власть над населением Москвы, не допустить открытого взрыва борьбы городских низов и соединения их с Болотниковым.

Одним из главных и наиболее действенных средств борьбы, применявшихся Болотниковым, была рассылка прокламаций («листов», как они названы в источнике) в Москву и по другим городам к городским низам с призывом к восстанию против бояр и за «царя Димитрия». Подлинный текст «листов» Болотникова не сохранился. Но самый факт их рассылки засвидетельствован как в русских, так и в иностранных источниках¹.

¹ Этими источниками являются: грамоты патриарха Гермогена, в которых излагается содержание «листов» Болотникова, а также

Основное содержание «листов» Болотникова составляли призывы к «боярским холопам» и городским низам «побивати своих бояр... гостей и всех торговых людей» «и животы их грабити» (известные нам в такой редакции по грамотам патриарха Гермогена), призывы к московским холопам, «чтобы те взялись за оружие против своих господ и завладели их именьями и добром» (о чём сообщает английская записка). Это были призывы к расправе с феодалами и к ликвидации феодальной земельной собственности и крепостнической зависимости крестьян и холопов. Таким образом, центральным пунктом программы восстания Болотникова, главным лозунгом, под которым проходило восстание, являлось уничтожение крепостнических отношений, ликвидация феодального гнёта.

Источники сообщают также и о другого рода призывах Болотникова. В грамоте патриарха Гермогена указывается, что восставшие «велят целовати крест мертвому злодею и прелестнику Ростриге, а сказывают его проклятого жива». По свидетельству английской записки, «мятежники написали в город письма, требуя по имени разных бояр и лучших горожан, чтобы их выдаля, как главных виновников в убийстве прежнего государя». Эти сообщения источников не менее важны для характеристики программы восстания Болотникова. Если призывы Болотникова к холопам подниматься с оружием в руках против их господ характеризуют социальную сущность восстания, то призывы «целовать крест» «царю Димитрию» и требования расправы с боярами и «лучшими горожанами» — виновниками убийства «царя Димитрия» (точнее, попытки убийства, так как в представлении участников восстания Болотникова Димитрий спасся от смерти) — раскрывают политическую программу восстания Болотникова, характеризуют идеологическую оболочку восстания, демонстрируют «царистские» черты в психологии участников восстания Болотникова.

Борясь за привлечение народных масс на свою сторону, Болотников не ограничивался одной рассылкой прокламаций. Наряду с «листами» Болотников направлял в

анонимная английская записка — донесение одного из английских дипломатических агентов своему правительству о восстании Болотникова.

города своих агентов, задачей которых было поднимать народ на восстание. В источниках сохранилось несколько упоминаний об этих представителях Болотникова. Замечательна глубокая убежденность этих людей и их стойкость, отмечаемая источниками. Исаак Масса называет и имя одного из таких агентов Болотникова, «атамана Аничкина», «который разъезжал повсюду с письмами от Дмитрия и возбуждал народ к восстанию». Захваченный Василием Шуйским в плен, Аничкин до конца остался верен своему делу и, уже будучи посажен на кол, стремился «возбудить в Москве новое волнение в народе».

Об аналогичном случае сообщает и английская записка, рассказывая о том, как одного из «захваченных в плен мятежников» «посадили на кол, а он, умирая, постоянно твердил, что прежний государь Дмитрий жив и находится в Путивле».

Наконец, В. Диаментовский¹ рассказывает о том, как поляки, находившиеся в ссылке в Ростове, встретили там «донского казака, который был посажен в заключение за то, что провозил в Москву и подбрасывал письма от Дмитрия». И этот казак в разговоре с поляками «утверждал определенно, что Дмитрий жив и что он видел его своими глазами».

Наиболее сильное воздействие на москвичей, однако, оказывали не «листы» и не агенты Болотникова, а самый факт нахождения восставших под стенами Москвы. Именно это ставило перед каждым москвичом во всей конкретности вопрос, на чьей стороне он должен быть: на стороне Василия Шуйского или на стороне «царя Дмитрия», под лозунгом которого вело свою борьбу пришедшее к Москве войско Болотникова.

В записках Буссова имеется интереснейший рассказ о посылке москвичами делегации к Болотникову — смотреть «царя Дмитрия»: «Московский мир послал к Болотникову в лагерь, потребовать от Болотникова, чтобы, если только Дмитрий жив и находится тут в лагере с ним, или в каком-либо ином месте, он представил бы им его тотчас, или как можно скорее, чтобы могли увидеть его своими собственными глазами. Когда это случится, они

¹ В. Диаментовский — польский шляхтич, находился вместе с Юрием Мнишком в Ярославле в плену, автор дневника о событиях 1606—1609 гг.

готовы покориться Димитрию, будут просить прощения и милости и предадутся ему без сопротивления. Болотников, ответив, что Димитрий в самом деле находится в Польше и скоро будет здесь, сказал: «я сам был у него, и он лично поставил меня вместо себя высшим военачальником и послал в Путивль с письменным повелением». Москвичи заявили: «Это кто-то другой. Мы сами убили Димитрия». И они начали просить Болотникова, чтобы он перестал проливать невинную кровь и предался своему царю Шуйскому, который сделает его большим господином. Болотников отвечал: «Я дал моему господину клятву отдать за него свою жизнь, и я ее сдержу. Одумайтесь. Если вы сами не обратитесь на путь истинный, то это сделаю я вместо моего господина. Скоро я буду у вас».

«После этого разговора, — продолжает Буссов, — Болотников послал князю Григорию Шаховскому спешное письмо, в котором сообщал об утверждениях москвичей и требовал вместе с тем, чтобы Шаховской немедленно послал в Польшу к царю Димитрию, увещевать его как можно скорее вновь притти в Россию. Болотников указывал, что ему удалось в отношении москвичей зайти так далеко, что они совершенно решились, если только вновь увидят Димитрия, покориться ему, просить у него прощения и милости и предаться ему безо всякого сопротивления. Если Димитрий поспешит, то москвичи схватят своих изменников и выдадут их ему».

Было бы ошибочно, конечно, рассматривать диалог между Болотниковым и москвичами, приводимый Буссовым, как точный отчет о действительно имевшей место беседе делегации москвичей с Болотниковым. Столь же неосторожно было бы принять находящийся в хронике Буссова текст письма Болотникова князю Шаховскому за цитату из подлинного письма Болотникова. Особенности рассказа Буссова скорее вытекают из литературной манеры его как писателя. Мы не можем проверить и самую основу рассказа Буссова: была ли в действительности такая делегация москвичей к Болотникову. Но интерес рассказа Буссова не в фактической стороне тех сведений, которые содержатся в этом рассказе, а в том, что обстановка, сложившаяся в Москве в период её осады Болотниковым, сделала возможными в глазах очевидца, каким является Буссов, подобные делегации и переговоры между

Болотниковым и москвичами по вопросу о том, к какой из сторон должны примкнуть москвичи.

Во всех действиях Болотникова в отношении населения Москвы обнаруживается определённая, сознательная политика. Это была политика, рассчитанная на то, чтобы вызвать восстание внутри Москвы и, таким образом, поставить власть Василия Шуйского под двойной удар: извне и изнутри. Такая политика Болотникова вполне соответствовала той обстановке, которая была в Москве, и призывы Болотникова к восстанию находили благоприятную почву в московских городских низах.

Оценка положения в Москве, содержащаяся в показаниях очевидцев, бывших в столице во время осады её Болотниковым, заставляет признать угрозу восстания в Москве весьма реальной. Так, в английском донесении прямо указывается, что особую опасность для Москвы во время её осады Болотниковым создало то, что в самой Москве «простой народ, недавно развращённый разбоями и грабежами поляков (так автор тенденциозно изображает восстание 17 мая 1606 г. против Лжедмитрия I и поляков. — И. С.), был очень непостоянен и готов к мятежу при всяком слухе, надеясь вместе с мятежниками участвовать в разграблении города».

Совершенно так же расценивает положение дел в Москве и Паэрле¹, считающий, что лишь измена Истомы Пашкова спасла Василия Шуйского от назревавшего в Москве восстания.

Особенно интересно и существенно свидетельство Исаака Массы, у которого мы находим не только характеристику положения в Москве, но который вместе с тем прямо связывает планы самого Болотникова с борьбой внутри Москвы: «Болотников нимало не сомневался, что отправленные им войска займут Москву... это могло случиться по причине великого смущения и непостоянства народа в Москве».

Успехи Болотникова в борьбе за привлечение на свою сторону «простого народа» Москвы заставляли правительство Василия Шуйского принимать меры к тому, чтобы парализовать действие на население Москвы призывов

¹ Георг Паэрле — аугсбургский купец, приехавший в Москву в мае 1606 г., автор «Записок» о событиях в Русском государстве в 1606—1608 гг.

MOSCVÆ

Болотникова к восстанию и в свою очередь пытаться оказывать на москвичей воздействие.

Методы идеологической борьбы, применявшиеся Василием Шуйским, коренным образом отличались от методов Болотникова.

Главной силой, использованной В. Шуйским для идеологического воздействия на массы, была церковь. Особенно непримиримую позицию по отношению к восстанию Болотникова занимал патриарх Гермоген, грамоты которого, рассылавшиеся патриархом из Москвы во время осады её Болотниковым, являются ярким памятником борьбы церкви против восстания.

В этих грамотах, призывавших «всех православных христиан» на борьбу с Болотниковым, делалась попытка изобразить участников восстания Болотникова как людей, которые «отступили от бога и от православная веры и повинулись сатане и дьявольским четам», а Василия Шуйского — как «воистину свята и праведна истинного крестьянского (т. е. «христианского») царя».

Политический смысл такой трактовки восстания Болотникова заключался в том, чтобы использовать всю силу влияния церкви на массы для дискредитации движения Болотникова и для привлечения на сторону В. Шуйского как можно более широких слоёв населения. Эта цель лучше всего могла быть достигнута именно изображением участников восстания «злыми еретиками».

Меры и средства идеологического воздействия церкви на массы не исчерпывались рассылкой грамот. На борьбу против Болотникова был мобилизован весь арсенал духовного оружия, имевшегося в распоряжении церкви: проповеди, церковные церемонии, религиозные обряды и т. д. и, наконец, церковно-политическая литература, публицистика.

Наибольшего размаха идеологическая деятельность церкви достигла к середине октября 1606 г., когда положение внутри осаждённой Москвы было особенно острым. Именно в этот момент появляется написанная протопопом Благовещенского собора в Кремле Терентием «Повесть о видении некоему мужу духовному», изображавшая восстание Болотникова как проявление божьего гнева, как наказание, посланное богом за грехи общества, и объявлявшая единственным путём спасения всенародное покая-

ние, прекращение «межусобной брани» и объединение всего народа вокруг царя. «Повесть» протопопа Терентия была использована правительством В. Шуйского для развёртывания грандиозной агитационной кампании с церковными церемониями и молениями о том, чтобы «господь бог отвратил свой праведный гнев и послал бы милость свою на град свой святой и на люди своя во граде сем, не предад бы в руце врагом и злым разбойником и кровоядцем».

Наряду с использованием церкви правительство В. Шуйского применяло и другие формы и средства воздействия на массы; важное место среди них занимали политический обман и интриги. Терпя одну неудачу за другой, теряя территорию и войско, В. Шуйский пытался скрыть от широких масс растущую слабость своих позиций, сознательно извращал факты и изображал ход борьбы против Болотникова в гораздо более благоприятном свете, чем это было на самом деле, то распуская ложные слухи о воинских силах, якобы идущих на помощь царю, то рассылая по городам грамоты с извещением о мнимых победах над Болотниковым.

Особое место в политике В. Шуйского занимала борьба за разложение сил восставших изнутри путём политической интриги. Возможность такой интриги крылась в самом составе лагеря Болотникова. Наличие в войсках Болотникова столь разнородных в социальном отношении групп, как крепостные крестьяне и холопы, с одной стороны, дворянско-помещичьи отряды — с другой, делало неминуемым рост классовых противоречий и борьбы внутри войска Болотникова. Эти противоречия делались всё более острыми, по мере того как расширялся размах восстания Болотникова и определялась его социальная программа. Грамоты Болотникова с призывом к холопам восстать против господ были столь же неприемлемы для дворянских элементов внутри лагеря Болотникова, как и для дворян вообще.

Всё это создавало благоприятную почву для завязывания тайных сношений В. Шуйского с отдельными военачальниками из войска Болотникова — сношений, имевших целью подготовить разрыв этих лиц с Болотниковым и переход их в лагерь В. Шуйского. Итогом действий Шуйского по разложению лагеря Болотникова явились «из-

мены»¹ — сначала Г. Сумбулова и П. Ляпунова, перешедших с своим отрядом на сторону В. Шуйского, а затем — Истомы Пашкова, также «изменившего» Болотникову и превратившегося из одного из руководителей восстания в его врага.

Переход П. Ляпунова и И. Пашкова на сторону В. Шуйского отразил в себе процесс классового размежевания среди участников восстания Болотникова, процесс разрыва между Болотниковым и примкнувшими к нему дворянско-помещичьими элементами. Вместе с тем в «изменах» Ляпунова и Пашкова нашёл своё выражение поворот дворян-помещиков — прежде всего рязанских и тульских помещиков — от политики борьбы за власть против В. Шуйского как выразителя интересов боярства к политике блока с ним против восставшего крестьянства.

Раскол в лагере Болотникова означал крупный успех В. Шуйского в его борьбе против восстания. Такое изменение в соотношении сил боровшихся сторон неизбежно должно было отразиться на ходе и исходе военных действий под Москвой.

Основным районом сосредоточения войск Болотникова, осаждавших Москву, были южные и отчасти юго-восточные окрестности Москвы.

Центр войска Болотникова находился в селе Коломенском. Именно здесь был устроен укреплённый лагерь, называемый в русских источниках «острогом», а в иностранных источниках — «шанцами» или «обозом». Другим центром сосредоточения войск восставших было село Заборье (точное местонахождение села Заборья пока не установлено).

Исаак Масса подробно рассказывает о том, как был устроен лагерь в селе Заборье. После занятия войском Болотникова села Заборья его «тотчас укрепили шанцами». Кроме того, у войска восставших «было несколько сот саней, и поставили их в два и в три ряда одни на

¹ Я беру в кавычки слово «измены», чтобы подчеркнуть, что переход Ляпунова и Истомы Пашкова означал не столько «измену» делу восстания Болотникова, — цели которого были всегда глубоко чуждыми как Ляпунову, так и Истоме Пашкову, — сколько признание Ляпуновым и Истомой Пашковым своего бессилия овладеть движением и подчинить своим классовым целям движение холопов и крепостных крестьян.

другие, и плотно набили сеном и соломою, и несколько раз полили водою, так что всё смерзлось, как камень». Повидимому, и лагерь в селе Коломенском представлял собой сочетание земляных укреплений («шанцев») с «обозом» в собственном смысле слова, т. е. укреплением, образованным из повозок или саней, поставленных рядами вокруг лагеря и преграждавших таким образом доступ в него.

Современники очень высоко оценивали военные достоинства «кострога» Болотникова, отмечая, что он был устроен «в земле крепко». И это высокое фортификационное искусство строителей лагеря было наглядно продемонстрировано на заключительном этапе борьбы под Москвой, когда Болотникову пришлось отражать атаки воевод Шуйского (см. ниже).

Начальный этап осады Москвы (до прихода второй группы войск восставших во главе с Болотниковым), охватывающий три недели, можно рассматривать как период накопления сил восставшими и период выжидания со стороны В. Шуйского. Такое относительное затишье носило, однако, временный характер, и дальнейший ход осады Москвы характеризуется острой борьбой между осаждавшими и осаждёнными.

Источники отмечают два главных района военных действий во время осады Москвы: под Даниловским монастырём и за Яузой. Главные силы В. Шуйского были сосредоточены в Замоскворечье, у самой внешней из московских стен, у так называемого «Скородума» или Деревянного города (нынешний Земляной вал). Именно здесь, у Серпуховских и Калужских ворот, и находились полки «осадного воеводы» — князя Д. В. Туренина и воевод «на вылазке» — князя М. В. Скопина-Шуйского «с товарищи».

Стратегическое значение данного района определялось тем, что он непосредственно противостоял основным силам войска Болотникова, сосредоточенным в лагере в селе Коломенском. Поэтому отсюда удобнее всего было делать «вылазки» против осаждавших, и вместе с тем именно сюда было вероятнее всего ожидать ударов со стороны Болотникова и его воевод.

Второй район боёв — «за Яузой» — отмечается в источниках на протяжении всей осады Москвы. В этом районе роль опорного пункта для В. Шуйского играл Симонов монастырь.

Переломным моментом в осаде Москвы явилась измена «рязанцев» во главе с Г. Сумбуловым и П. Ляпуновым 15 ноября 1606 г. Измена рязанцев укрепляла позиции В. Шуйского, причём не столько даже в чисто военном плане (так как отряд рязанцев насчитывал всего 500 человек), сколько политически, свидетельствуя о наличии крупных противоречий в лагере Болотникова.

С другой стороны, явившись своего рода сигналом, свидетельствовавшим об опасных процессах, развивавшихся внутри осаждавшего Москву войска, измена рязанцев заставила Болотникова активизировать свою тактику, пойти на решительные шаги для скорейшего достижения главной цели — взятия Москвы.

Важнейшим моментом, определявшим стратегическую обстановку под Москвой во время осады её Болотниковым, являлось то, что осадившие Москву войска не блокировали полностью город, что давало возможность правительству Василия Шуйского получать подкрепления войсками и припасами. Новый план Болотникова заключался в том, чтобы перерезать дорогу, ведущую из Москвы в Ярославль, замкнуть окружение Москвы с севера и таким образом установить её полную блокаду.

Осуществление этого плана началось 26 ноября, когда отряды восставших перешли через Москву-реку и продвинулись к Рогожской слободе, а другой отряд, под начальством И. Пашкова, посланный для захвата Ярославской и Вологодской дорог, занял Красное село.

Наступление, предпринятое Болотниковым, побудило В. Шуйского нанести ответный удар, бросив для этого в бой все имевшиеся в его распоряжении силы. Главное сражение развернулось 27 ноября на правом берегу Москвы-реки — в Замоскворечье. Таким образом, план В. Шуйского заключался в том, чтобы нанести удар по основным силам Болотникова, сосредоточенным в Коломенском. Вместе с тем этот удар ставил под угрозу и отряды Болотникова, находившиеся на левом берегу Москвы-реки — в районе Рогожской слободы и Красного села.

Сражение 27 ноября закончилось победой В. Шуйского. Болотников потерял много убитыми и пленными и вынужден был отступить в свой укрепленный лагерь — «острог» в селе Коломенском. Одной из причин поражения Болот-

никова в сражении 26—27 ноября была измена И. Пашкова, в самый разгар сражения 27 ноября перешедшего на сторону В. Шуйского и повернувшего свой отряд против Болотникова. Правда, И. Пашкову не удалось увлечь в своём предательстве весь отряд, находившийся под его начальством, и на сторону В. Шуйского перешла лишь небольшая часть его отряда — «дворяне и дети боярские», но тем не менее самый факт измены И. Пашкова не мог не подействовать дезорганизирующим образом на войска Болотникова.

Другим фактором, благоприятствовавшим В. Шуйскому в сражении 26—27 ноября, было общее укрепление положения В. Шуйского, в частности приход в Москву отряда стрельцов с Двины. Итоги сражения 26—27 ноября ещё более изменили соотношение сил в пользу В. Шуйского и создали исключительно благоприятную обстановку для нанесения В. Шуйским решающего удара по Болотникову с целью ликвидации осады Москвы. Этот удар и последовал 2 декабря 1606 г.

Наиболее крупным событием за неделю, отделявшую 2 декабря от сражения 26—27 ноября, был приход к Москве на помощь В. Шуйскому смоленских и ржевских полков. Это новое усиление войск В. Шуйского ускорило развязку событий.

Войска В. Шуйского, участвовавшие в сражении 2 декабря, состояли из двух группировок. Одну из них составили «смольняне», к которым был присоединён, вероятно, со своим полком, Иван Шуйский, занявший как брат царя место первого воеводы этого сводного полка. Другой полк, во главе с М. В. Скопиным-Шуйским, составили войска, бывшие в Москве во время осады. План воевод В. Шуйского состоял в том, чтобы, объединившись, ударить совместными силами по Коломенскому, куда 27 ноября отступил Болотников.

Болотников, однако, не захотел быть в положении осаждённого и сам вышел навстречу воеводам, решив, таким образом, дать встречный бой. Местом сражения между царскими воеводами и Болотниковым явилась деревня Котлы, расположенная по Тульской дороге, между Даниловским монастырём и селом Коломенским.

Битва в Котлах закончилась победой царских воевод. Болотников был разбит и вынужден был вновь отступить

в Коломенское, преследуемый воеводами В. Шуйского. Острог, сооружённый Болотниковым в Коломенском, оказался настолько прочным, что воеводы В. Шуйского «по острогу их биша три дни, разбити же острога их не мо-гоша». Взять острог удалось лишь после того, как воеводы В. Шуйского через «языка» раскрыли характер укрепления острога, начали обстреливать острог особыми зажигательными ядрами и в конце концов «острог их огненными ядрами зажгоша», что и вынудило Болотникова оставить Коломенское и отступить по направлению к Серпухову и затем дальше, к Калуге и Туле. Наряду с Коломенским другим местом, где укрылась часть разбитой 2 декабря армии Болотникова, явилось село Заборье. В отличие от Коломенского, где Болотникову удалось вырваться и тем самым спасти оставшуюся часть войска от гибели, за-севшие в Заборье отряды, состоявшие из казаков, сдались воеводам В. Шуйского и «добили челом» царю.

Падение Заборья было последним этапом сражения, начавшегося 2 декабря. Сражение это было наиболее крупной и по масштабу и по значению операцией в ходе военных действий под Москвой. Буссов определяет размеры войска В. Шуйского в сражении 2 декабря в 100 тыс. человек. Русские источники, говоря о потерях Болотникова в сражении 2 декабря, называют 21 тыс. пленных и 500 или 1 тыс. убитых. По польским данным, количество одних убитых в войске Болотникова превышало 20 тыс.

Участие в сражении 2 декабря артиллерии ещё больше подчёркивает масштабы этого боя¹.

Сражение 2 декабря коренным образом изменило общую стратегическую обстановку в стране. Поражение Болотникова означало снятие осады Москвы, передавало

¹ Наглядное представление о сражении 2 декабря даёт изображение этого сражения, имеющееся на рисунке на плане Москвы начала XVII в. Рисунок этот, сделанный русским художником-миниатюристом, очевидцем и современником восстания Болотникова, подтверждает характеристики сражения 2 декабря, содержащиеся в литературных источниках. Перед нами картина ожесточённой и кровавой битвы. Стреляют пушки. Бьются всадники. Другая группа всадников стреляет из луков. Поле битвы усеяно трупами убитых. Валяются отрубленные руки и ноги. На поле боя масса брошенного оружия. Трупы лошадей. Картина изображает последний этап битвы, когда побеждающая сторона преследует противника, обращая его в бегство (в направлении села Коломенского).

инициативу в руки воевод В. Шуйского и превращало Болотникова из осаждавшего в осаждённого. В. Шуйский использовал свою победу прежде всего для расправы с побеждёнными. Массовые избиения начались ещё на поле сражения. Та же участь постигла и пленных, которых сотнями «сажали в воду», т. е. топили в реке Яузе.

Все эти казни имели своей целью не только физическое истребление попавших в руки В. Шуйского участников восстания. В неменьшей степени они преследовали цель воздействовать устрашающим образом на неустойчивые элементы как в лагере Болотникова, так и среди социальных низов Москвы и других городов, с тем чтобы заставить их отойти от борьбы и стать на путь принесения покорности царю.

Но один террор сам по себе не мог разрешить задачу ликвидации восстания. Подавления восстания можно было добиться лишь путём уничтожения основного его ядра — армии Болотникова. Поражение Болотникова под Москвой создавало исключительно благоприятную обстановку для этого и, казалось, давало В. Шуйскому возможность покончить с Болотниковым одним ударом. Правительство В. Шуйского и попыталось добиться этого посылкой новой армии против Болотникова. Однако события развернулись совсем не так, как предполагал В. Шуйский.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАЛУЖСКИЙ ПЕРИОД ВОССТАНИЯ

В грамотах Василия Шуйского, рассылавшихся по городам после сражения 2 декабря, победа над Болотниковым под Москвой изображалась как окончательное поражение восстания.

Согласно этой официальной версии победа Шуйского под Москвой имела троякого рода последствия. Во-первых, ликвидацию остатков войска Болотникова («которые не многие воры с того бою утекли, и те побежали разными дорогами, и тех в городех переимали»). Во-вторых, обращение «на истинный путь» и принесение покорности царю со стороны изменивших ему ранее городов. Наконец, третьим последствием сражения 2 декабря, по официальной версии, была ликвидация и всех местных очагов восстания.

Действительность, однако, очень мало походила на то, чего так хотелось правительству Шуйского. Армия Болотникова существовала и представляла собой серьезную силу. Что же касается района, охваченного восстанием, то он не уменьшился, но, напротив, включил в себя ещё новые центры, в частности города Приволжья.

Таким образом, обстановка и после поражения Болотникова под Москвой оставалась достаточно грозной. Впрочем, правительство Шуйского и само это понимало достаточно хорошо. Грамоты о победе и лживые утверждения о покорности городов имели чисто агитационное значение и предназначались для воздействия на население тех городов, которые оставались на стороне Шуйского, но где

вместе с тем было далеко не спокойно. Но одновременно с рассылкой грамот и торжественными молебнами по случаю победы правительство Шуйского предпринимает новую военную кампанию против Болотникова.

Основные силы Болотникова после отступления его от Москвы были сосредоточены в Калуге, где, по данным «Карамзинского хронографа»¹, имелось «всяких людей огненного бою болши десяти тысячъ», и в Туле, где также были «многие же люди с вогненным боем».

Новая кампания, начатая правительством В. Шуйского сразу же после поражения Болотникова под Москвой, ставила своей задачей уничтожить оставшиеся ещё у Болотникова силы и таким образом добиться окончательного подавления восстания.

Первым актом в этой кампании, повидимому, было преследование отступившего от Москвы Болотникова войсками под начальством одного из братьев царя — князя Д. И. Шуйского. Д. И. Шуйский, однако, не только не сумел добить Болотникова, а, напротив, сам был дважды разбит Болотниковым — сначала под Калугой, а затем под Серпуховом.

Неудача Дмитрия Шуйского заставила В. Шуйского направить под Калугу более крупные силы в составе трёх полков и артиллерии, под начальством другого брата царя — Ивана Шуйского. Однако Иван Шуйский был в своих действиях под Калугой не более удачлив, чем его брат, и хотя и осадил Калугу и приступал к ней «приступом», но «ничево им не учиниша» («Новый Летописец»).

Безуспешность осады Калуги Иваном Шуйским вынудила В. Шуйского предпринять ещё одну попытку решить исход борьбы под Калугой в свою пользу посылкой туда в январе 1607 г. нового войска во главе с князьями Ф. И. Мстиславским, М. В. Скопиным-Шуйским и Б. П. Татевым.

Новые воеводы попытались применить более эффективные средства борьбы против осаждённого города.

Наиболее уязвимым местом в системе укреплений Калуги было отсутствие в ней каменного кремля. Калуга являлась важной крепостью Русского государства. Но её «острог» был деревянным. Новая тактика воевод В. Шуй-

¹ «Карамзинский хронограф» — произведение летописного типа, один из важнейших источников по истории восстания Болотникова.

ского и состояла в том, чтобы разрушить деревянный калужский «острог» при помощи различного рода стенобитных орудий и артиллерийского обстрела, а также путём поджога деревянных стен Калуги посредством особого сооружения, так называемого «примёта» или «подмёта».

По свидетельству современника, воеводы Шуйского «поставиша овны, и дела великия стенобитныя над градом поставляя, и огненные великия пищали, и разбивающе град и дворы зажигающе. Наведоша же на град и гору древяну, и мало избы град от взятия». Таким образом, тактика воевод Шуйского заключалась в комбинированном использовании разрушительного действия стенобитных орудий, обстрела города из «огненных пищалей» и, наконец, «наведения» на город «древяной горы».

Из всех этих средств борьбы наиболее опасным для осаждённых явилась подвижная «древяная гора» или «подмёт». Автор одной из современных повестей о восстании Болотникова так описывает манёвр воевод: «Ведётся подмёт под градские стены, вал дровяной. Сами идущие ко граду за туры, пред собою же ведоша множество дров, аки стену градную, на сожжение граду, создаи убо емлюще дрова и наперед бросающе, и тако впредь ко граду идущие; самих же их со града за дрова ничем вредити не могут. И тако един конец дровяного вала уже и под стену придвигнуша, другаго же конца того дни не успеха придвигнути...; а того не повели ноши ради, отложиша до утра, придвинув и зажегчи в утре дрова». Другой современник — Исаак Масса, подтверждая рассказ «Иного Сказания», дополняет его рядом реалистических подробностей. По его словам, воеводы В. Шуйского «согнали крестьян из окрестностей, и они были принуждены каждый день рубить деревья в окрестных лесах, колоть дрова и возить их в лагерь на санях, которых было несколько сот, так что сложили целые горы дров вокруг Калуги, намереваясь придвигать примёт с каждым днём всё ближе и ближе к Калуге, чтобы при благоприятном случае зажечь его, когда ветер будет дуть на Калугу, и таким образом погубить осаждённых».

Приведённых свидетельств современников вполне достаточно для того, чтобы составить представление как об устройстве «подмёта», так и об эффективности этого средства борьбы. Следует признать, что «подмёт» являлся

очень грозным оружием. Подвижной дровяной вал, составивший его основу, не только угрожал стенам Калуги, но и делал неэффективным огонь осаждённых, так как использовался осаждающими войсками в качестве укрытия, позволяя им приближаться к стенам калужского «острога». Вряд ли можно поэтому сомневаться в том, что если бы воеводам Шуйского удалось довести до конца своё «хитроумие» (как называет эту операцию «Иное Сказание») и поджечь «подмёт», то гибель осаждённых, попавших в кольцо огня, была бы неизбежной.

Болотников, однако, и на этот раз показал себя блестящим полководцем: он не только сумел отвести от осаждённых смертельную опасность, но и в свою очередь предпринял контрманёвр, оказавшийся в конечном счёте гораздо более успешным, чем операция с «подмётом».

Манёвр Болотникова состоял в том, чтобы, определив направление движения «подмёта», уничтожить «подмёт» и наступавшие под его защитой войска путём устройства подкопа за пределами стен Калужского острога и закладки туда пороха, с тем чтобы в нужный момент взорвать мину.

Эта смелая операция, требовавшая обширных инженерных знаний, точного расчёта и соблюдения тайны, была блестяще осуществлена Болотниковым, и в последнюю ночь перед предполагаемым поджогом «подмёта» он был взорван. Взрыв был исключительно сильным. По словам «Иного Сказания», «от лютости зелейные подняся земля и з дровы, и с людьми, и с туры, и со щиты, и со всякими приступными хитростями. И бысть беда велика, и много войска погибоша, и смятеса все войско».

Эффект от взрыва «подмёта» Болотников ещё более усилил тем, что «вышед со всеми людьми» из Калуги «и на приступе многих людей побиша и пораниша».

Таким образом, приход под Калугу князей Ф. И. Мстиславского и М. В. Скопина-Шуйского не только не привёл к падению Калуги, но, напротив, ознаменовался одной из самых блестящих побед Болотникова над царскими войсками.

Столь «фатальные» неудачи войска В. Шуйского под Калугой не могут быть объяснены только лишь неспособностью царских воевод. Если некоторые из них, как Дмитрий Шуйский, действительно могут служить образцом

бездарного воеводы, то наряду с этим в составе воевод В. Шуйского под Калугой были такие бесспорно талантливые военачальники, как М. В. Скопин-Шуйский.

Более правильно поэтому искать объяснение хода борьбы под Калугой в общей обстановке, сложившейся в это время в стране.

Калуга являлась после снятия осады Москвы главным фокусом борьбы между Болотниковым и В. Шуйским. Но она не была единственным местом борьбы. Напротив, в той или иной степени и формах борьба охватила большую часть территории страны. Оставляя в стороне Новгородско-Псковскую область, Север и Астрахань, можно выделить два района, где положение было особенно напряжённым, а формы борьбы — наиболее острыми.

Одним из этих районов была полоса городов к югу от Москвы — от Рязани до Брянска. Другим районом являлось Среднее Поволжье: «Арзамасские и Алатырские места». Каждый из этих районов имел свои особенности, которыми определялись специфические черты борьбы, имевшей место в этих районах. Наконец, был ещё один фактор, являвшийся существенным элементом общей обстановки. Этим фактором было движение, возглавлявшееся самозванным «царевичем» Петром, именно к началу 1607 г. переросшее рамки чисто казацкого движения и слившееся с восстанием Болотникова.

Города к югу и юго-западу от Москвы, являвшиеся главными центрами восстания Болотникова на первом его этапе, во время похода Болотникова на Москву, сохранили это своё значение и после поражения Болотникова под Москвой и отступления его в Калугу. В отличие от смоленских пригородов, Дорогобужа и Вязьмы, а также Можайска, которые были приведены в покорность и признали власть В. Шуйского, весь район к юго-западу и югу от Москвы оставался в руках восставших. Сюда отступили разбитые под Москвой войска Болотникова. Наконец, эти города были непосредственно связаны и с Путивлем, где были сосредоточены силы «царевича» Петра. План правительства В. Шуйского заключался в том, чтобы подавить все центры и очаги восстания. Осуществление этого плана выразилось в посылке В. Шуйским воевод «под города на воровских людей». При этом основные силы были брошены против главного района восстания, Подмосковного, под

города: Серпухов, Алексин, Михайлов, Калугу, Венёв, Козельск. Однако, за исключением Серпухова, который к весне 1607 г., повидимому, уже находился в руках В. Шуйского, воеводам В. Шуйского не удалось захватить ни одного города к югу и юго-западу от Москвы.

Борьба в Подмосковном районе не ограничивалась одними городами: она охватила и деревню. Особенно широкий размах приобрела борьба в Рязанском уезде, представлявшем собой картину почти всеобщего восстания рязанских «мужиков».

Иной характер носила борьба в Приволжском районе.

Приволжский район восстания охватывал (считая лишь уезды, о которых имеются прямые данные источников) Муромский, Арзамасский, Курмышский, Ядринский, Чебоксарский, Алатырский, Свияжский и частично Нижегородский уезды. Таким образом, он включал в себя значительную часть территории Среднего Поволжья.

Характерной особенностью Приволжского района восстания являлось то, что это был район многонациональный по составу населения. Наряду с русским населением большой удельный вес в нём имели черемисы-марийцы, мордва, чуваша, татары. Второй существенной чертой этого района являлось то, что это был район интенсивной русской помещичьей и крестьянской колонизации.

Эти черты Приволжского района придавали особый характер и борьбе, развернувшейся в этих местах.

Движение в Приволжском районе было очень сложным по составу участников, характеру и формам борьбы. С одной стороны, мы видим в числе его участников русских крестьян, холопов, бортников¹, что свидетельствует об антифеодальном характере движения. С другой стороны, крупную роль в движении играла борьба поволжских народов: мордвы, черемисов-марийцев, чувашей, татар, — борьба, носившая национально-освободительный характер. При этом обе отмеченные струи в движении приволжских уездов не являлись обособленными, а были тесно связаны как в плане идеологическом — ибо движение шло под лозунгом «царя Димитрия», — так и в процессе самой борьбы. Наконец, в Приволжье, как и в дру-

¹ Бортики — русские крестьяне, занимавшиеся бортничеством, т. е. промыслом по сбору мёда диких пчёл в бортных лесах.

гих местах, к движению угнетённых низов примкнули известные элементы из числа русских помещиков, а также отдельные представители феодальных верхов поволжских народов.

Участие представителей социальной верхушки народов Поволжья представляло собой попытку использования благоприятной обстановки для восстановления своих социальных привилегий. Однако реакционные устремления представителей местной знати парализовались активным участием в борьбе широких масс мордовского, марийского и татарского населения Приволжья.

Насколько можно судить по данным источников, движение в Приволжских уездах распространялось чисто стихийно.

Отличительной чертой восстания в Приволжье следует считать значительно более низкий уровень борьбы, чем в основных центральных районах восстания Болотникова. Отдельные центры восстания оставались, по сути дела, совершенно изолированными друг от друга. Точно так же и связи участников движения в Приволжье с основными центрами восстания Болотникова были очень случайными, эпизодическими, хотя идеологически движение и в Приволжье шло под лозунгом «царя Димитрия».

Наиболее крупным событием в борьбе в Приволжье следует, повидимому, считать поход на Нижний-Новгород и осаду его объединённым войском из русских холопов, крестьян, бортников и отрядов мордвы. Этот поход и осада Нижнего-Новгорода — главного административно-политического центра Поволжья — как бы повторяет в местном масштабе поход и осаду Болотниковым Москвы.

Период активного участия Приволжского района в восстании Болотникова охватывает конец 1606 — начало 1607 г., момент наибольшего подъёма восстания Болотникова. Правительство В. Шуйского первоначально, повидимому, не представляло себе масштабов движения в Приволжье и намеревалось подавить его силами местных гарнизонов. Однако из этого плана ничего не получилось, и движение в Поволжье продолжало всё более разрастаться.

После поражения Болотникова под Москвой правительство В. Шуйского, стремясь довершить разгром

восстания и восстановить «порядок» во всей стране, посылает специальную карательную экспедицию и в Приволжье.

В течение декабря 1606 г. — января 1607 г. воеводам В. Шуйского Г. Пушкину и С. Ододурову удаётся освободить Нижний-Новгород от осады и привести в покорность жителей Арзамаса и Алатыря. Ещё до этого жители Мурома и Свяжска «добили челом» В. Шуйскому.

Таким образом, поход Г. Пушкина и С. Ододурова увенчался несомненным успехом. Следует, правда, отметить относительность и непрочность этого успеха, что вылилось уже в следующем, 1608 г. в новом подъёме движения в Поволжье. Тем не менее В. Шуйскому всё же удалось устранить непосредственную опасность восстания в Поволжье и тем самым укрепить свои позиции в борьбе против Болотникова.

Третьим моментом, определившим наряду с борьбой в Подмосковном районе и в Приволжье обстановку в стране в послемосковский период восстания Болотникова, было, как мы отмечали, движение «царевича» Петра.

Начало этого движения относится к зиме 1605/06 г., когда у зимовавших на Тереке казаков возникло «воровское умышление» провозгласить казака Илейку Муромца «царевичем» Петром.

Характерной чертой начального периода движения «царевича» Петра было то, что в нём ещё можно наблюдать проявления «разбойных» тенденций казачьих походов за добычей. Самое возникновение его было связано с тем, что во время зимовки «стали де казаки думать всем войском, чтобы итти на Кур реку, на море, громить Турских людей на судах, а будет де и там добычи не будет, и им де было казаком х Кизыльбашскому шах Аббасу служить» (показания «царевича» Петра). Однако движение всё же не пошло по этому, разбойному, пути. Победила другая, социальная тенденция. В противовес предложению итти громить суда на Каспии, с тем чтобы в случае неудачи похода отправиться служить персидскому шаху, «меж казаков» были произнесены такие слова: «Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояря да не дадут жалованья» (те же показания). Смысл этого заявления состоял в том, чтобы вместо похода «на море» и в Персию итти против «лихих бояр» как главных врагов казаков, стоявших между казаками и «государем».

Это предложение вызвало нечто вроде раскола среди казаков, и отколовшаяся часть «казаков человек с триста» провозгласила казака Илейку Муромца «царевичем» Петром, сыном (не существовавшим!) царя Фёдора Ивановича.

Илейка Муромец был типичным представителем «молодых» казаков, казачьей голытьбы.

Биография Илейки с замечательной наглядностью показывает путь превращения в казака выходца из низов посадского населения.

Принадлежа по происхождению к посадским слоям Муромца, Илейка, однако, как «прижитый» его матерью «без венца», оказался вне тех правовых норм, которые определяли положение посадского человека. Это обстоятельство способствовало опусканию Илейки вниз по социальной лестнице, вплоть до превращения в настоящего «гулящего» человека на Волге. Именно из гулящего человека Илейка превращается в казака и в течение нескольких лет участвует в походах казаков из Астрахани на Терек. Во время одной из зимовок с казаками на Тереке Илейка даже «приказался во двор» сыну боярскому Григорию Елагину, т. е. превратился в кабального холопа. Однако «холопство» Илейки продолжалось всего лишь одну зиму, а на лето он уже ушёл опять в Астрахань, с тем чтобы из Астрахани вновь отправиться на Терек и там превратиться в «царевича».

Таких выходцев из холопов и городских низов было немало среди казачества начала XVII в., когда «в казаках были холопы боярские и всякие воры ерыжные и зерщики» («Карамзинский хронограф»).

В качестве типичного представителя казачьей голытьбы Илейка и возглавил движение против «лихих бояр».

Поход казаков начался с плавания вниз по Тереку. Затем Илейка, к которому присоединилась и остальная часть казаков, бывших на Тереке, двинулся под Астрахань, а оттуда казаки «пошли вверх Волгою к Гришке Ростриге к вору» (показания «царевича» Петра).

Восстание 17 мая 1606 г. в Москве и убийство Лжедмитрия I застали отряд «царевича» Петра в районе Свияжска, где казаки узнали от ехавшего из Москвы казака, что «на Москве Гришку Розстригу убили миром всем» (показания «царевича» Петра).

Эта «весть» заставила «царевича» Петра повернуть назад, вниз по Волге. С Волги казаки по речкам Камышенке и Иловле «перегребли на Дон» и пошли сначала Доном, а затем Донцом по направлению к Украинным городам.

Ещё до наступления зимы, когда казаки «Донцом вверх погребли верст со сто», к ним приехал из Путивля гонец с грамотой «от князя Григорья Шаховского да от Путимцов ото всех», где сообщалось, что «царь Дмитрий жив, идет из Литвы со многими людьми в Путимль», и предписывалось казакам и «царевичу» Петру идти «наспех» в Путивль. «По той грамоте» казаки и «царевич» Пётр «пришли з Донца на Украину во Царев город, а из Царева города пришли в Путимль».

Уход казаков с Волги явился переломным моментом в развитии движения «царевича» Петра. Сущность этого перелома заключалась в том, что с этого момента устанавливается прямая связь движения «царевича» Петра с восстанием Болотникова. Из чисто казачьего, локального движения движение «царевича» Петра превращается в составную часть восстания Болотникова.

Отступление Болотникова к Калуге и Туле явилось моментом, ускорившим объединение движения «царевича» Петра с основными силами восстания Болотникова. С этого времени отряды «царевича» Петра начинают принимать непосредственное участие в борьбе против войск В. Шуйского.

Безуспешность попыток Василия Шуйского одним ударом завершить разгром Болотникова после его поражения в битве в Коломенском показала, что, несмотря на это поражение, силы Болотникова были далеко не сломлены.

В то же время общая обстановка в стране продолжала оставаться исключительно напряжённой и сложной. Поэтому правительство Василия Шуйского, продолжая борьбу против основных сил Болотникова, должно было одновременно принимать решительные меры и для подавления восстания в других районах.

Исход борьбы в этих районах — и в Подмосковном и в Приволжье — был далеко не везде в пользу Василия Шуйского.

Всё это не могло не сказаться на ходе борьбы под Калугой. Осада Калуги войсками Василия Шуйского продол-

жалась свыше четырёх месяцев. По интенсивности борьбы, по масштабам военных действий, наконец, по количеству участников борьбы этот период может быть отнесён к числу моментов наибольшего подъёма восстания Болотникова.

Характерной чертой военных действий в рассматриваемый период является то, что пассивной тактике воевод Шуйского, осаждавших Калугу, противостоит наступательная, активная тактика восставших. Сущность этой тактики заключалась в том, чтобы путём активных наступательных действий добиться снятия осады Калуги и освобождения блокированных там войск Болотникова. В осуществлении этой тактики главную роль, роль активной силы, чаще всего играли войска «царевича» Петра.

Одним из наиболее ранних фактов такого рода действий войск «царевича» Петра явилось сражение под Венёвом в конце января или начале февраля 1607 г., когда воевода «царевича» Петра князь Телятевский¹ разбил под Венёвом воеводу В. Шуйского, князя Хилкова.

Непосредственным продолжением Венёвского сражения была битва на реке Вырке (конец февраля 1607 г.).

После сражения под Венёвом участвовавшие в нём войска «царевича» Петра разделились надвое, причём одна часть под начальством Телятевского направилась к Туле, а другая — под командованием князя Василия Масальского — двинулась к Калуге, на помощь осаждённому Болотникову.

Приближение Масальского к Калуге заставило воевод В. Шуйского, осаждавших город, двинуть навстречу Масальскому войска и дать ему бой. Местом боя явилась речка Вырка, «за семь верст от Калуги».

Отряд Масальского насчитывал 26 тыс. человек и имел в своём составе артиллерию. Со стороны воевод Шуйского в сражении на Вырке участвовали не менее крупные силы в составе трёх полков. Сражение продолжалось целые сутки («день да ночь») и отличалось исключительной остротой борьбы. Стремясь укрепить свои позиции, отряды восставших (по свидетельству современника) «огради-

¹ Роль князя Телятевского (бывшего господина Болотникова), повидному, аналогична роли Шаховского и других политических авантюристов.

шася сани, бе бо зима настоящи, и связаша кони и сани друг за друга, дабы никто от них не избег».

Тем не менее воеводам Шуйского удалось одержать победу над восставшими. Однако они не смогли сломить стойкость и мужество войска восставших, и когда поражение войска князя Масальского стало очевидным, а сам он, раненный, попал в плен, то, по словам «Нового Летописца», «достальные ж воры многие на зеленых бочках сами сяду и под собою бочки с зельем зажгоша и злою смертию помроша» предпочтя, таким образом, смерть плену.

Приблизительно в одно время с битвой на Вырке Василий Шуйский нанёс Болотникову и другое поражение — в Венёвском уезде, в Серебряных Прудах. В отличие от сражения на Вырке, в котором инициатива принадлежала войску князя Масальского, шедшего «на проход» в Калугу, в сражении под Серебряными Прудами наступающей стороной являлись воеводы Василия Шуйского.

Серебряные Пруды представляли собой укрепленный пункт, «острог», входивший в оборонительную систему, защищавшую южные районы Русского государства от татар. Во время восстания Болотникова Серебряные Пруды вместе со всем Тульским районом оказались на стороне восставших и оставались в их руках и после отступления Болотникова из-под Москвы. В этих условиях стратегическое значение Серебряных Прудов заключалось в том, что они, подобно Алексину, Венёву и Дедилову, прикрывали подступы к Туле. Естественно, что правительство Василия Шуйского в своей борьбе против Болотникова не могло не учитывать Серебряные Пруды как один из опорных пунктов восстания.

Поэтому под Серебряные Пруды также были посланы войска. Осаду Серебряных Прудов начали войска князя А. В. Хилкова. Разбитые князем Телятевским под Венёвом и отступившие «на Каширу», они затем были направлены к Серебряным Прудам.

Однако осада князем Хилковым Серебряных Прудов была не более успешна, чем его действия под Венёвом. Этим надо объяснить то, что, когда в распоряжении Василия Шуйского оказались силы, освободившиеся после похода в Приволжье, они были во главе с воеводами Пушкиным и Ододуровым направлены к Серебряным Прудам.

Усиленные отрядами Г. Пушкина и С. Ододурова, войска В. Шуйского получили возможность активизировать борьбу и от осады Серебряных Прудов перейти к приступу: «К острогу ратные люди приступали с щитами день да полуночи». Несмотря на упорную оборону («ис Прудов воровские люди многих ратных людей переранили, а иных побили»), осаждённые вынуждены были сдаться, «видя свою погибель, что им не отсидетца», «и в острог пустили царя Васильевых людей и крест целовали царю Василью». Столь быстрая капитуляция Серебряных Прудов была большим успехом воевод Шуйского, ибо уже «назавтрее здачи пришли многие воровские люди с Украйны на выручку Серебряным Прудам» во главе с воеводами — князем И. Масальским и «иноземцем литвином Иваиом Сторовским». Таким образом, помощь осаждённым опоздала и вместо «выручки» Серебряных Прудов И. Масальский и Сторовский сами попали под удар царских войск. Произошёл новый бой «от Серебряных Прудов версты за четыре», закончившийся также победой воевод Шуйского: «воровских многих людей побили и языки многие поймали и воровских воевод князя Ивана Масалскова и Ивана Сторовскова взяли».

Сражения на Вырке и под Серебряными Прудами вновь резко ухудшили положение Болотникова, причём теперь под ударом наряду с Калугой оказывалась вторая важнейшая база войск восставших — Тула.

Стремясь использовать благоприятную обстановку, создавшуюся после сражений на Вырке и у Серебряных Прудов, правительство В. Шуйского направляет под Тулу войско под командованием князя Воротынского.

К этому моменту в Туле уже находился «царевич» Пётр, перешедший туда из Путивля. Организацией похода на Тулу правительство В. Шуйского преследовало цель — разбить второй важнейший центр восстания и захватить в плен «царевича» Петра. Однако Воротынский потерпел полную неудачу, был разбит воеводой Петра князем Телятевским и «едва ушёл в Олексин». Столь же неудачным для В. Шуйского был и предпринятый тогда же поход воевод: князя Хилкова, Пушкина и Ододурова — от Серебряных Прудов к Дедилову. Под Дедиловом поражение воевод В. Шуйского было настолько полным, что источники называют его прямо «разгромом».

Поражение князей Воротынского и Хилкова свело на нет результаты побед воевод В. Шуйского на Вырке и под Серебряными Прудами. Теперь положение изменилось вновь, но уже в пользу Болотникова. Руководители восстания воспользовались этим, предприняв новые активные операции против войск В. Шуйского, закончившиеся битвой на Пчельне (май 1607 г.).

Сражение на Пчельне явилось результатом второго похода войск восставших на Калугу, предпринятого «царевичем» Петром с целью оказать помощь осаждённому Болотникову. Во главе войска, шедшего к Калуге, был поставлен князь Телятевский, только что одержавший победу над Воротынским.

Правительство В. Шуйского, учтя уроки недавних поражений под Тулой и Дециловом, мобилизовало для отпора Телятевскому не только три полка из состава войск, стоявших под Калугой, но также и «всех людей» из полков князя Воротынского, стоявших под Алексином.

Но, несмотря на это, войска В. Шуйского, вышедшие «на встречу» Телятевскому, были наголову разбиты им «в селе на Пчельне», недалеко от Калуги: «Государевых воевод воровские люди побили многих, а иных живых поймали». В числе убитых были двое воевод: князья Татев и Черкасский. Разбитые войска были совершенно дезорганизованы и «с великим ужасом прибежали в свой лагерь под Калугу» (*Буссов*). Существенную роль в столь роковом для воевод В. Шуйского исходе сражения на Пчельне сыграл переход из армии Татева и Черкасского на сторону восставших «заборских казаков», т. е. отрядов, состоявших из казаков, попавших в плен в Заборье в декабре 1606 г. и включённых затем правительством В. Шуйского в состав войск, осаждавших Калугу.

Битва на Пчельне решила судьбу и Калуги. Болотников завершил разгром войск В. Шуйского, начатый на Пчельне, произведя со всеми своими силами вылазку на боярские станы, в результате которой воеводы В. Шуйского «устрашишася и бегству вдашася, и все воинство такожде вослед их побегоша, кто елико можаше» («Иное Сказание»).

Что касается войска князя Телятевского, то после победы на Пчельне оно, повидимому, не пошло под Калугу, а вернулось обратно в Тулу. Болотников в свою очередь

также перешёл с своими силами из Калуги в Тулу, где и произошло соединение его с «царевичем» Петром.

Отступлением воевод В. Шуйского от Калуги к Москве завершается тот этап в истории восстания Болотникова, который начался отступлением Болотникова от Москвы к Калуге.

Источник успехов Болотникова в период осады воеводами В. Шуйского Калуги крылся в дальнейшем развитии восстания как территориально, так и вглубь — в смысле охвата более широких масс населения. В общую равнодействующую, которой определялась мощь сил лагеря Болотникова, входили все формы и проявления борьбы против феодального гнёта: и рязанских мужиков, и псковских и астраханских городских низов, и русских крестьян, и бортников вместе с нерусскими народностями Поволжья, и донских и волжских казаков.

Этот подъём борьбы угнетённых масс, борьбы, охватившей большую часть территории страны, объясняет то, что Болотников оказался в состоянии восстановить свои силы, ослабленные поражением, понесённым им в Коломенском; В. Шуйский же, напротив, потерял то преимущество в силах, которое дала ему победа над Болотниковым под Москвой.

Болотников, однако, не использовал исключительно благоприятную обстановку, создавшуюся для восставших после сражения на Пчельне, и не пошёл на Москву, дорога на которую была вновь открыта успехами его оружия под Калугой, а ограничился тем, что оставил Калугу и перешёл в Тулу, где соединился с «царевичем» Петром.

Как и чем можно объяснить этот шаг Болотникова? В источниках нет прямых данных относительно мотивов, которыми руководствовался Болотников в своём отказе от немедленного движения к Москве. Можно высказать предположение, что, поступая так, Болотников руководствовался стремлением объединить силы восставших (как находившиеся в Калуге, так и бывшие в Туле) в одно целое. Возвращение князя Телятевского в Тулу (после битвы на Пчельне) вынуждало и Болотникова следовать туда же. Следует иметь в виду и то, что Тула с её каменным кремлём имела как крепость все преимущества по сравнению с Калугой.

Наконец, известное влияние на Болотникова в его решении идти к Туле могло оказать то формальное положение, какое придавал Петру-Илейке в лагере восставших его сан «царевича». С этой точки зрения Болотников — «боярин» царевича Петра¹, — естественно, должен был, освободившись из осады, идти на соединение с Петром. Таковы возможные мотивы, которые определили собой поведение Болотникова после сражения на Пчельне. К сожалению, мы ничего не знаем о действительном характере взаимоотношений между самим Болотниковым и «царевичем» Петром.

Источники позволяют говорить лишь о том, что между «царевичем» Петром и Болотниковым не было разногласий или борьбы (типа той борьбы, которую вёл против Болотникова, например, Истома Пашков). Вместе с тем активная поддержка Болотникова отрядами из войска «царевича» Петра во время осады Калуги воеводами Василия Шуйского может служить доказательством единства целей Болотникова и «царевича» Петра. Но этим и исчерпывается то, что можно извлечь из источников по данному вопросу.

Формально положение, которое занимал в лагере восставших «царевич» Пётр, было, конечно, более высоким, чем положение Болотникова — «боярина» царевича Петра, по данным разрядов. Но, с другой стороны, Болотников как «гетман» или «большой воевода» представлял в своём лице (в глазах участников восстания) «царя Димитрия», являлся носителем его власти — и с этой точки зрения «царевич» Пётр как «племянник» царя Димитрия также должен был подчиняться власти «царя Димитрия», а следовательно, — и Болотникова.

Эта двойственность взаимных отношений между Болотниковым и «царевичем» Петром могла быть использована советниками «царевича» Петра, в первую очередь Шаховским и Телятевским, не склонными, конечно, отказываться от власти в пользу Болотникова. С такой точки зрения Шаховскому и Телятевскому, несомненно, было выгоднее, чтобы соединение между Болотниковым и «царевичем» Петром произошло не в Калуге, а в Туле.

¹ «Боярином» царевича Петра называют Болотникова разрядные записи.

Но как бы то ни было — независимо от того, на кого падала ответственность за переход Болотникова из Калуги в Тулу (вместо того, чтобы объединёнными силами идти от Калуги к Москве), — отказ Болотникова от немедленного похода на Москву являлся, с точки зрения хода и перспектив борьбы, несомненной ошибкой руководителей восстания.

Такая тактика Болотникова давала В. Шуйскому время, для того чтобы оправиться от поражения и собрать силы. По верному замечанию современника (Исаака Массы), если бы восставшие двинули своё войско на Москву, «то овладели бы ею без сопротивления». Но «так как они действовали медленно, то в Москве снова собрались с духом и укрепились».

Объяснение того, каким образом В. Шуйскому удалось преодолеть состояние кризиса, в котором он оказался после поражения его войск под Калугой, следует искать прежде всего в позиции правящих классов.

Главным фактором, определявшим положение внутри лагеря В. Шуйского, являлись взаимные отношения основных группировок господствующего класса: боярства и дворян. Восстание Болотникова не уничтожило противоречий внутри господствующего класса и не прекратило борьбы между его основными группировками, изменив лишь формы борьбы. Наглядной иллюстрацией этого является активная борьба против В. Шуйского (как выразителя и представителя княжеско-боярских интересов) дворян-помещиков во главе с Ляпуновым. Развитие восстания Болотникова и выявление его антикрепостнической сущности привело к изменению позиции дворянства, показателем чего явился разрыв П. Ляпунова и И. Пашкова с Болотниковым и переход их на сторону В. Шуйского.

Правительство В. Шуйского стремилось усилить и ускорить процесс консолидации господствующего класса. Это стремление любыми средствами и способами добиваться перехода на свою сторону как можно более широких слоёв населения, и в первую очередь служилых людей — помещиков, составляет стержень всей внутренней политики В. Шуйского в рассматриваемый период. Следует заметить, однако, что, несмотря на несомненное наличие известной консолидации класса феодалов-зем-

левладельцев и на активную политику В. Шуйского, стремившегося усилить эту консолидацию, размеры процесса сплочения сил господствующего класса всё же нельзя преувеличивать. Прежде всего, далеко не все дворяне-помещики перешли на сторону В. Шуйского, и известная часть помещиков продолжала принимать прямое участие в борьбе против него.

Во-вторых, сам переход тех или иных групп дворян на сторону В. Шуйского вовсе не означал установления их полного единства с лагерем В. Шуйского, и, участвуя вместе с В. Шуйским в борьбе против Болотникова, дворянские представители продолжали занимать враждебную В. Шуйскому позицию в таких вопросах, где сталкивались интересы боярства и дворянства.

Особенно острый характер борьба дворян-помещиков против боярства и В. Шуйского, как выразителя интересов княжат и бояр, носила в вопросе об армии. Политика В. Шуйского в вопросе об армии представляла собой сочетание щедрых земельных и денежных раздач служилым людям с репрессиями в отношении тех, кто уклонялся от службы в армии.

Выдача земельного и денежного «жалованья» сопровождала каждое крупное сражение с Болотниковым, каждый новый этап борьбы. Источники сохранили многочисленные данные о пожаловании служилым людям — помещикам — земель и денег за участие в сражениях «под Колугою на реке Угре», «на реке на Похре», «как приходил под Москву Ивашко Болотников», за борьбу «на Москве и в Заборье против воров на приступех», «за Калужскую службу и за Вырковский бой», за участие в битве «на Пчельне», «за Тульскую службу». Эти данные достаточно характеризуют те методы и средства, которыми правительство Шуйского стремилось привлечь в армию и удержать в ней служилых людей.

В этой политике необходимо специально отметить два момента. Особенно щедро раздавались Василием Шуйским земли и деньги «за раны» и «кровь» служилого человека или «за смерть» в бою его родственников. Второе, что квалифицировалось Шуйским как особая заслуга и соответственно вознаграждалось, были «убитые мужики», т. е. те «мужики» из войска Болотникова, которых лично убил данный служилый человек.

В пожаловании служилых людей — помещиков — «за убитые мужики» (т. е. «за убитых мужиков»), таким образом, особенно ярко выступают классовые мотивы политики укрепления армии, проводившейся Шуйским.

Служилые люди — помещики — составляли основной костяк армии В. Шуйского. Поэтому реальная сила того войска, которое В. Шуйский мог бросить на борьбу с Болотниковым, определялась отношением служилых людей — дворян — к мобилизационным мероприятиям В. Шуйского, к службе в войсках, и их поведением во время службы, в процессе военных действий. Правительство В. Шуйского всеми средствами стремилось увеличить размеры войска путём мобилизации новых слоёв служилых людей. Однако этот процесс привлечения новых служилых людей в армию происходил с большим трудом. Значительная часть служилых людей уклонялась от явки на службу, оказывалась в «нетях».

Это массовое «нетство» служилых людей отражает нежелание «дворян и детей боярских» нести «государеву службу» в войске В. Шуйского. Правительство В. Шуйского вело решительную борьбу против «нетства» служилых людей, применяя по отношению к «нетчикам» различные репрессии, вплоть до отписки у «нетчиков» их поместий «на государя».

Однако грамоты В. Шуйского говорят о «детях боярских, которые, с нашии службы збежав, живут по домам», свидетельствуя, таким образом, о широком распространении «нетства».

Наряду с мобилизацией служилых людей — помещиков — другим источником пополнения армии В. Шуйского являлся сбор «даточных людей» с чёрного посадского и сельского населения, а также с крестьян церковных и монастырских вотчин.

Однако и в этой, недворянской, части войска, среди «даточных людей», имели место те же тенденции уклониться от службы в войске В. Шуйского, как и среди дворянства. Позиция дворян-помещиков в вопросе о службе в армии В. Шуйского, равно как и отношение населения посадов и чёрных волостей к сбору «даточных людей», оказывали определяющее влияние на боеспособность войска В. Шуйского, низкий уровень которой являлся одной из основных

причин бессилия воевод В. Шуйского справиться с Болотниковым.

Другим крупнейшим вопросом внутренней политики правительства В. Шуйского, стоящим в прямой связи с мероприятиями по борьбе с восстанием Болотникова, являлся финансовый вопрос. Правительство В. Шуйского испытывало серьёзнейшие трудности финансового порядка. Раздача жалованья как служилым людям — помещикам, так и «даточным людям» требовала огромных средств. Между тем в казне этих средств было очень мало. Такое состояние государственных финансов представляло собой прежде всего результат хозяйничанья Лжедмитрия I, опустошившего казну за время своего нахождения у власти. Финансовый кризис ещё более обострило то, что в условиях почти всеобщего восстания нарушилось поступление в казну налогов с населения; тем самым правительство В. Шуйского лишалось и тех доходов, которые в обычное время шли на жалованье служилым людям. Правительство В. Шуйского стремилось всеми средствами добиться увеличения денег в казне — от посылки специальных «сборщиков», наделённых особыми полномочиями, до принудительного изъятия денег из казны крупнейших монастырей и даже до такой чрезвычайной меры, как повсеместная конфискация у церквей и монастырей драгоценной церковной утвари и переплавка её в металл для чеканки серебряной монеты на уплату жалованья служилым людям.

Политический смысл всех финансовых мероприятий В. Шуйского состоял в стремлении сосредоточить в своих руках достаточное количество денег, чтобы иметь возможность, во-первых, щедрой раздачей денежного жалованья привлекать на свою сторону служилых людей — помещиков, а во-вторых, нейтрализовать действие на состоянии армии такого явления, как «нетство» служилых людей и «даточных», путём найма «охочих людей». Таким образом, финансовая политика В. Шуйского находилась в самой прямой и непосредственной связи с его политикой в вопросе об армии. Однако результаты её были не более удовлетворительны, чем результаты строительства армии, и отсутствие у В. Шуйского ратных людей и денег давало основание современникам уподоблять его «орлу бесперу и не имущу клюву и когтей».

Третьим важнейшим вопросом внутренней политики В. Шуйского в её отношении к восстанию Болотникова являлась политика по вопросу о крестьянах и холопах.

Характерной чертой политики В. Шуйского по вопросу о крестьянах и холопах было стремление использовать законодательство по этому вопросу как средство для привлечения на свою сторону тех или иных слоёв землевладельцев-феодалов, равно как и для внесения разложения в ряды участников восстания Болотникова.

Отмеченная черта политики В. Шуйского особенно ярко проявляется в вопросе о холопах. В результате этого в политике В. Шуйского по вопросу о холопах можно обнаружить самые противоречивые тенденции — в зависимости от целей, которые ставила себе эта политика на том или ином этапе борьбы. Так, например, правительство В. Шуйского применяло в качестве одной из форм для вознаграждения дворян-помещиков за активное участие в борьбе с Болотниковым предоставленные им права брать из тюрем «на поруки» холопов — участников восстания Болотникова, которых затем их поручители превращали в своих холопов. Но вместе с тем в качестве одного из средств для разложения лагеря восставших правительство В. Шуйского применяло и такую меру, как выдача отпускных тем холопам — участникам восстания Болотникова, которые являлись с повинной.

Такой памятник законодательства В. Шуйского о холопах, как указ 7 марта 1607 г. о «добровольных холопах», также должен быть поставлен в связь с общим характером политики В. Шуйского по вопросу о холопах и отнесён к той линии в этой политике, целью которой являлось воздействие на холопские элементы. Закон 7 марта 1607 г. пытался достичь этого таким жестом, как отмена статей закона 1597 г., установивших принцип принудительного превращения в кабальных холопов тех «добровольных холопов», которые прослужили у данного лица свыше полугода. В прямую противоположность закону 1597 г. закон 7 марта 1607 г. предписывал «в кабаках отказывати» холоповладельцам, требовавшим от Приказа Холопьяго суда принудительной выдачи кабал на тех добровольных холопов, которые «не похотели» дать на себя кабал.

В совершенно ином плане выступает в законодательстве В. Шуйского крестьянский вопрос. В то время как

политический смысл законов В. Шуйского о холопах заключался в том, чтобы или не допустить присоединения той или иной группы холопов к восстанию Болотникова, или оторвать от восстания холопские элементы, — законодательство В. Шуйского о крестьянах преследовало в первую очередь цель консолидации господствующего класса путём устранения борьбы из-за крестьян между отдельными группами землевладельцев.

Именно такой характер имеет главный акт законодательства В. Шуйского о крестьянах, Уложение 9 марта 1607 г. Основной предмет рассмотрения Уложения 9 марта 1607 г. составляет незаконный переход крестьян от одного землевладельца к другому, т. е. бегство крестьян.

Годы восстания Болотникова и непосредственно предшествующий ему 1605 год характеризуются огромными размерами бегства крестьян. Вместе с тем борьба землевладельцев против бегства крестьян осложнялась тем, что вопрос о сыске беглых крестьян, равно как и о законности или незаконности крестьянских переходов, находился в результате противоречивого законодательства Б. Годунова и Лжедмитрия I в исключительно запутанном состоянии. Это вызывало острую борьбу между землевладельцами из-за беглых крестьян, которая, конечно, ослабляла общие позиции феодалов-землевладельцев в борьбе против Болотникова.

Стремлением устранить эту борьбу между землевладельцами и объясняется издание Уложения 9 марта 1607 г.

Преследовавшаяся Уложением 9 марта 1607 г. цель достигалась в нём путём установления 15-летнего срока для сыска беглых крестьян и признания права на владение крестьянами за теми землевладельцами, за которыми они были записаны в писцовых книгах «101-го году» (т. е. 1592—1593 гг.). При этом все землевладельцы получали право не позднее 1 сентября 1607 г. возбудить иск о крестьянах, бежавших от них за время с 1592 г., равно как признавались действительными все иски о беглых крестьянах, возбуждённые до издания Уложения 9 марта 1607 г.

Уложение 9 марта 1607 г. создавало широкую правовую базу для урегулирования крестьянского вопроса на основе укрепления крепостничества. Несомненно, что

изданием этого закона В. Шуйский удовлетворял требования самых широких слоёв землевладельцев и в первую очередь, конечно, помещиков, особенно заинтересованных в охране государственной властью их прав на владение крестьянами. Это позволяет рассматривать Уложение 9 марта 1607 г. как своего рода социальную программу, провозглашением которой правительство В. Шуйского формулировало те принципы, на основе которых должен был быть восстановлен «порядок», что в условиях разгара восстания Болотникова означало призыв к сплочению всех землевладельцев для подавления восстания Болотникова, угрожавшего основам крепостнического строя.

Поражение под Калугой имело для В. Шуйского двоякого рода политические последствия. В определённых политических кругах пытались сделать В. Шуйского ответственным за крах под Калугой и даже требовали отказа его от власти. Но наряду с такого рода настроениями поражение под Калугой усилило и противоположную тенденцию. Чем сильнее и реальнее становилась угроза расправы с господствующими классами со стороны восставших, тем всё больше отходили на задний план противоречия между отдельными группировками внутри господствующего класса и усиливались тенденции к объединению всех сил господствующих классов для разгрома восстания Болотникова.

Обстановка, создававшаяся в Москве после поражения царских воевод под Калугой, вынудила В. Шуйского пойти на такой шаг, как созыв специального «съезда», для того чтобы «держатъ советъ об успокоении земли». В. Димантовский, сообщая об этом «съезде», указывает, что о съезде «ходили слухи», что «или намеревались другого царя избрать, или двинуться всей силой на неприятеля и на него ударить». Таким образом, «съезд» явился ареной острой политической борьбы. В конечном счёте, однако, правительству В. Шуйского всё же удалось преодолеть сопротивление враждебных ему кругов и добиться поддержки мероприятий по дальнейшей борьбе с восстанием. Мероприятия эти состояли в организации похода на Тулу, ставшую теперь местонахождением главных сил Болотникова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОБОРОНА ТУЛЫ И КОНЕЦ ВОССТАНИЯ

Тульский поход В. Шуйского начался 21 мая 1607 г. Правительство В. Шуйского с самого начала стремилось придать походу необычный, чрезвычайный характер, что подчёркивалось фактом личного участия в походе самого царя.

Первым этапом Тульского похода было формирование в Серпухове войска, предназначенного для осады Тулы. Первоначальное ядро войск В. Шуйского в Серпухове составили войска, отступившие к Серпухову от Калуги. С приходом в Серпухов самого В. Шуйского войска, находившиеся в Серпухове, образовали три группы полков. Первую из этих групп составляли полки, во главе которых стоял М. В. Скопин-Шуйский. Вторую группу войск составляли татарские отряды во главе с князем П. Урусовым. Наконец, третью группу образовали собственно царские, или «дворовые», полки во главе с «дворовыми» воеводами Иваном Шуйским и князем М. С. Турениным.

Наряду с Серпуховом другим местом сосредоточения войск В. Шуйского являлась Кашира, где находился «Каширский полк» князя А. В. Голицына и на «сход» с которым были присланы с Рязани с своими войсками воеводы Ф. И. Булгаков, Г. Ф. Сумбулов и Прокофий Ляпунов.

Участие В. Шуйского в походе на Тулу имело помимо создания «дворовых» полков царской группы войск ещё одно существенное последствие. Вместе с царём в Серпухове (а затем и в дальнейшем походе) оказалась сосре-

точной значительная часть чинов и учреждений центрального государственного аппарата, что превращало походный став В. Шуйского также и в политический центр, способный решать все важнейшие вопросы, могущие встать перед правительством В. Шуйского во время похода.

Готовя поход на Тулу и концентрируя силы в Серпухове и Кашире, В. Шуйский не проявлял большой активности в военном отношении. Эта пассивность В. Шуйского (Исаак Масса объясняет её тем, что Шуйский боялся измены) была использована Болотниковым, сделавшим попытку снова взять инициативу в свои руки путём организации в свою очередь похода против Шуйского. Во главе этого похода стояли сам Болотников и его бывший господин, князь Телятевский.

В основе нового похода Болотникова лежал смелый план — воспользоваться выводом из Москвы войск Шуйского (в связи с начатым Василием Шуйским походом на Тулу) для того, чтобы повторить поход на Москву и захватить её. По свидетельству одного из современных сказаний о восстании Болотникова, руководители восстания «услыша..., яко царь, оставя Москву, пришол в Серпухов, и совещаща, и послаща князя Андрея Телятевского и с ними множество злонравных вои, бе числом их 38.000, и повелевают им инем путем итти, ошед убо царев полк, да возмут царствующий град Москву, и разделиша себе и дома вельмож коиждо себе». Таким образом, Болотников рассчитывал «обойти» основные силы Шуйского, его «царев полк», стоявший в Серпухове. В соответствии с этим, начав свой поход из Тулы по Серпуховской дороге, Болотников затем повернул с Серпуховской дороги на Каширу, намереваясь нанести удар по более слабой группировке войск Шуйского, находившейся в Кашире, с тем чтобы в случае успеха двинуться дальше на Коломну и затем по Коломенской дороге на Москву.

Источники определяют размеры войска Болотникова в 30—38 тыс. человек, отмечая наличие у Болотникова «наряда», т. е. артиллерии, и ратных людей, вооружённых «огненным боем». Всё это превращало войска Болотникова в грозную силу — не только количественно, но и в качественном отношении.

Тактика Болотникова соответствовала далеко идущим

целям его похода. Это была тактика решительных действий, тактика «прямого боя», по определению источников.

В ответ на движение Болотникова к Кашире В. Шуйский направил подкрепления своим каширским воеводам. Сами же воеводы вышли из Каширы и стали «ждать» противника на речке Беспуте в том же Каширском уезде. Здесь, «на речке Восме, что впала в Беспуту», и произошла 5—7 июня 1607 г. новая битва между Болотниковым и воеводами В. Шуйского.

Битва на Восме состояла из двух моментов: 1) генерального сражения и 2) осады воеводами Шуйского казацкого «городка». Первоначально исход битвы на Восме склонялся в пользу Болотникова, войска которого начали «осиливати» воевод Шуйского. Однако в конце концов воеводам Шуйского всё же удалось одержать победу над восставшими¹.

Насколько можно судить по сохранившимся описаниям в источниках, битва на Восме произошла где-то недалеко от впадения Восмы в Беспуту. Воеводы Шуйского, двинувшиеся от реки Беспуты навстречу Болотникову, расположили основные силы своего войска по правому, южному берегу Восмы, оставив за Восмой лишь часть рязанцев (в качестве резерва?). В ходе боя одному из отрядов войска Болотникова, в количестве 1700 человек «казаков пешнх с вогненным боем», удалось пробиться через «боярские полки» и перейти Восму, заняв на противоположном берегу примыкавший к ней «буерак», т. е. овраг, у которого стояли рязанцы. С этой новой позиции казаки начали обстреливать рязанцев и своим «огненным боем» наносили им потери: «людей ранили и самих и лошадей побивали». Рязанским воеводам, однако, удалось ответить на прорыв казацкого отряда за Восму манёвром, оказавшимся весьма успешным для войск Шуйского. Манёвр этот заключался в том, что рязанцы, невзирая на огонь казаков, засевших в буераке, обошли

¹ Современник — мемуарист Буссов объясняет такой исход битвы на Восме изменой одного из воевод Болотникова. По словам Буссова, войска Шуйского «и на этот раз проиграли бы сражение, если бы одни из тульских воевод, по фамилии Телятин, не изменил со своим четырёхтысячным отрядом и не выручил врага, ударив по своим братьям. Это привело в такой ужас тульское войско, что оно обратилось в бегство и вернулось в Тулу».

буерак и, оставив казаков, находившихся в нём, у себя в тылу, бросились к Восме и затем, перейдя её, вступили в бой на противоположном берегу Восмы, где находились основные «боярские полки».

Атака рязанцев, повидимому, способствовала перелому в ходе боя в пользу воевод Шуйского. К этому же моменту относится, очевидно, и переход на сторону Шуйского отряда из войска Болотникова (если принять сообщение Буссова). Во всяком случае удар рязанцев (в сочетании с изменой?) вызвал замешательство в рядах войска Болотникова, что было использовано воеводами Шуйского, бросившими в наступление на дрогнувшее войско Болотникова «боярские полки». Это завершило наметившийся успех и принесло победу войскам Шуйского, закончившим первый день сражения организацией «погони» за «побежавшим» войском Болотникова. Этим заканчивается первый этап битвы на Восме.

Второй этап битвы на Восме — осада казаков в буераке — изображён в источниках с красочными и полными драматизма подробностями.

Окружённые со всех сторон казаки в течение двух дней выдерживали осаду в своём «городке», сделанном ими в «буераке», категорически отвергая многочисленные предложения о капитуляции, хотя воеводы и давали им обещания, что в случае, если бы они «здалися, из боярака вышли», им была бы «отдана их вина». По образному выражению «Карамзинского хронографа», осаждённые казаки «упрямилися», заявляя, «что им помереть, а не здатца». Когда же на третий день осады воеводы решили взять казачий городок штурмом и «велели всем полком и всеми ратными людьми к тем вором приступать конным и пешим», то казаки остались стойкими до конца: «билися на смерть, стреляли из ружья до тех мест, что у них зелья не стала». Лишь после этого войскам Шуйского удалось сломить сопротивление ставших беззащитными казаков, после чего началась расправа с захваченными в плен участниками борьбы: «тех на завтрее всех казнили».

Битва на Восме даёт возможность составить себе представление о масштабах и характере борьбы на последнем этапе восстания Болотникова. И число участников битвы на Восме со стороны Болотникова, и состав войска восставших (в частности наличие у них «наряда» —

артиллерии — и вообще «огненного боя») свидетельствуют о том, что и на этом этапе Болотников обладал очень крупными силами, и притом, как это наглядно демонстрирует ход битвы на Восме, силами исключительно стойкими и активными. Вместе с тем версия Буссова об «измене» части войска Болотникова показывает, что и в послемосковский период восстания в составе войска Болотникова ещё оставались неустойчивые и колеблющиеся элементы, способные в острый момент перейти на сторону врагов восставших.

Победа войск Шуйского при Восме не только устраняла для господствующих классов угрозу нового похода Болотникова на Москву, но и резко увеличивала шансы на успех Тульского похода Шуйского. Дальнейшее развёртывание событий после битвы на Восме обуславливалось, с одной стороны, стремлением Шуйского использовать результаты своей победы для нанесения новых ударов по Болотникову, а с другой — не менее закономерными попытками Болотникова задержать движение царских войск к Туле и не допустить осады ими города, являвшегося главной военной базой восстания.

Несмотря на огромные потери, понесённые Болотниковым в битве на Восме (достигавшие 20 тыс. человек), Василий Шуйский, однако, и после битвы на Восме не решился ещё двинуть на Тулу все свои силы, а ограничился лишь посылкой туда Каширского и Рязанского полков, участвовавших в сражении на Восме, направив вместе с тем к Туле также и часть войск, стоявших в Серпухове, в количестве трёх полков, во главе с князем М. В. Скопиным-Шуйским.

Продвижение воевод В. Шуйского привело к новому генеральному сражению между ними и Болотниковым на речке Вороньей «за семь верст от Тулы» 12 июня 1607 г.

Решение Болотникова дать бой на реке Вороньей объясняется его стремлением использовать реку Воронью как выгодный стратегический рубеж, запиравший подходы к Туле между рекой Упой, куда впадает Воронья, и системой укреплений Тульской засеки, откуда берёт своё начало Воронья.

Сохранившиеся в источниках материалы дают возможность заключить, что войска Болотникова были расположены вдоль всего нижнего течения реки Вороньей — от са-

мого устья вплоть до Малиновой засеки. Очевидно, план Болотникова и состоял в том, чтобы использовать реку Воронью как выгодный стратегический рубеж, запирающий подходы к Туле между рекой Упой (куда впадает река Воронья) и Малиновой засекой (откуда берёт своё начало река Воронья), расположенной к юго-западу от Тулы.

Такое расположение войск Болотникова вынудило воевод Шуйского наступавших на Тулу по Калужской дороге, отказаться от того, чтобы атаковать войска Болотникова прямым ударом в устье реки Вороньей. Вместо этого воеводы Шуйского предпочли совершить обходный манёвр, свернув с Калужской дороги и двинувшись от устья реки Вороньей вверх по её течению, стремясь, таким образом, обойти войска Болотникова с фланга и прорваться к Туле между засекой и левым флангом войск Болотникова, стоявших на реке Вороньей.

Битва на реке Вороньей продолжалась три дня и отличалась исключительной ожесточённостью. По свидетельству одного из сказаний о восстании Болотникова, «бысть брань велика... в первый день и во второй», и лишь на третий день воеводы Шуйского «преодолеша врагов своих», причём воеводам удалось достигнуть этого лишь потому, что пошёл «дождь» и войска Болотникова «не возмогоша стати» на топких берегах реки Вороньей.

Общую и наиболее подробную картину битвы на реке Вороньей даёт рассказ «Карамзинского хронографа».

Картина эта имеет следующий вид: «...сошлись бояре и воеводы (из Серпухова. — И. С.) с Коширским полком за тридцать верст до Тулы и пошли под Тулу, и пришлч на речку на Воронью... И тульские многие воры, конные и пешие, московских людей встретили за семь верст от Тулы на речке Вороней и был с ними бой. Пешие воровские люди стояли подле речки в крепостях, а речка топка и грязна, и по речке крепости, леса, и об речке воровские люди многое время билися, и милостию божиею московские люди воровских людей от речки отбили и за речку Воронью во многих местех сотни передовые люди перешли, и бояре и воеводы со всеми полки перешли жь и воровских людей учали топтать до города до Тулы и многих побили и живых поимали, а пехоту многую жь побили и поимали. И воровские люди прибежали в город, а москов-

ские люди гнали их до городских ворот, а человек з десять московских людей и в город въехали, и в городе их побили. А бояре и воеводы со всеми полки стали под Тулою и Тулу осадили».

Таким образом, бой начался на левом берегу Вороньей, где пешее и конное войско Болотникова встретило наступавших на Тулу воевод Шуйского. Позицию войск Болотникова усиливали укрепления («крепости») по берегам Вороньей; в этих «крепостях» были расположены пешие части войска Болотникова. Сама река Воронья также представляла серьёзное препятствие, будучи «топка и грязна», укреплённая «крепостями» и поросшая по берегам лесом. Всё это дало возможность войскам Болотникова биться «многое время». Однако в конце концов воеводам Шуйского удалось отбить «от речки» отряды Болотникова, «передовые сотни» войска Шуйского перешли «за речку Воронью во многих местах», а затем через реку Воронью переправились и воеводы «со всеми полки». Форсирование реки Вороньей войсками Шуйского означало для Болотникова проигрыш сражения, и войскам Болотникова не оставалось ничего иного, как отступить под защиту стен Тульского города. Но тем самым Тула попала в осаду.

Почти четырёхмесячная оборона Тулы Болотниковым составляет заключительную и притом наиболее трагическую главу в истории восстания Болотникова.

Как крепость Тула имела несомненные преимущества по сравнению с Калугой.

Тула имела два пояса укреплений: внешний, состоявший из дубового острога, и внутренний, в виде каменного кремля. Такая система тульских укреплений давала возможность обороняющему Тулу войску выдерживать осаду даже против очень крупных сил.

Осаду Тулы начали войска, участвовавшие в битве на реке Вороньей. Этот начальный период осады продолжался до 30 июня, когда под Тулу пришёл сам В: Шуйский с сопровождавшим его двором и войсками.

С приходом В. Шуйского под Тулу осадившие город войска получили следующее расположение. Основные силы — Большой, Передовой и Сторожевой полки находились на левом берегу реки Упы и стояли под стенами внешней линии тульских укреплений — «Острога». На ле-

вом же берегу реки Упы стоял и Рязанский «прибылой» полк князя Лыкова, Ф. Булгакова и П. Ляпунова. Сам В. Шуйский находился также на левом берегу реки Упы; можно думать (хотя в источниках прямых данных нет), что тут же стояли и царские «дворовые полки», пришедшие под Тулу вместе с царём.

На противоположном, правом, берегу реки Упы стоял Каширский полк князя Голицына, а также татарские, чувашские, черемисские (марийские) отряды князя Урусова.

По обе стороны реки Упы была расставлена и артиллерия, что давало возможность простреливать город с двух сторон.

Силы Болотникова в Туле были, несомненно, меньше, чем силы В. Шуйского¹. Однако, несмотря на два имевших место друг за другом поражения — на реке Восме и на реке Вороньей, — войско Болотникова ещё представляло собой крупную силу и, по данным современников, достигало 20 тыс. человек.

Меньшая численность войска Болотникова по сравнению с осаждавшими Тулу войсками В. Шуйского компенсировалась наличием мощных тульских укреплений, а также в ещё большей степени — высокими боевыми качествами войск восставших.

Войска Болотникова вели борьбу с характерными для них энергией и настойчивостью. По свидетельству «Камрамзинского хронографа», «ис Тулы вылоски были на все стороны на всякой день по трожды и по четыреже, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали».

Именно такой характер борьбы позволил осаждённой Туле противостоять В. Шуйскому целых четыре месяца, отразив все попытки царских воевод взять город штурмом.

Неудачи в главном пункте борьбы — под Тулой — В. Шуйский пытался возместить на других участках посылкой отдельных отрядов против городов прилегающего к Туле района, находившихся в руках восставших. Цель посылки этих отрядов состояла в том, чтобы изолировать Тулу от других районов восстания. Местами посылки воевод «из-под Тулы» были города Козельск, Белёв,

¹ Достигавшие (по данным иностранных источников, правда, не поддающимся проверке) 100 тыс. и даже 150 тыс. человек.

ПОЯСНЕНИЯ К ПЛАНУ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ И ОСТРОГА

А — КРЕМЛЬ (каменные стены с 1517—1521 гг.)

Башни:

Ворота с башнями:

1 — Мясницкая	6 — Ивановские
2 — Ивановская тайницкая	7 — Одоевские
3 — Никитская наугольная	8 — Пятницкие
4 — Спасская востовая (наугольная)	9 — Водяные
5 — над погребом воеводским	
10 — ц. соборная деревянная, «на каменное дело»	12 — двор наместника
11 — ц. Успения, деревянная	13 — двор коломенского архiereя

В «городе» (т. е. кремле), по писцовой книге 1587—1589 гг., «всего всяких осадных дворов: дв. наместничь, да дв. владычень, да 2 дв. монастырских, да дв. протопопов, да 124 двора дворян и детей боярских, а в них 105 человек дворников, да двор пуст государев, да 6 мест дворовых»; «да в городе ж клетки осадные» — пушкарей и затинщиков, ямских, охотников, черных посадских людей, попов и стрельцов — 81 клеть, 7 мест клетных, «да места клетные» тульских стрельцов 30 человек, 2 амбара.

Б — ОСТРОГ (дубовые стены с 1509 г.)

Башни и ворота острожные:

- 14 — Крапивенские ворота (шестигранная башня)
 - 15 — Пушкарская (?) или Абрамова щель (пролаз)
 - 16 — Ильинские ворота
 - 17 — Пятницкие (?) или Красные Никольские ворота
 - 18 — Мясные
 - 19 — Ивановские острожные
 - 20 — Никитские острожные
- 21 — Монастырь Ивана Предтечи (каменные стены с 1533 г., поновленные в 1601 г.)

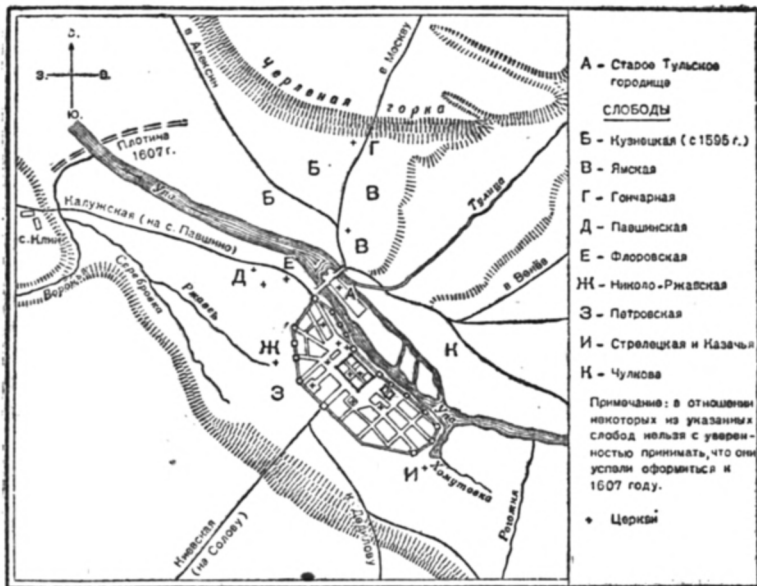
Торговые ряды:

22 — Большой	23 — Середний (?)	24 — Мясной

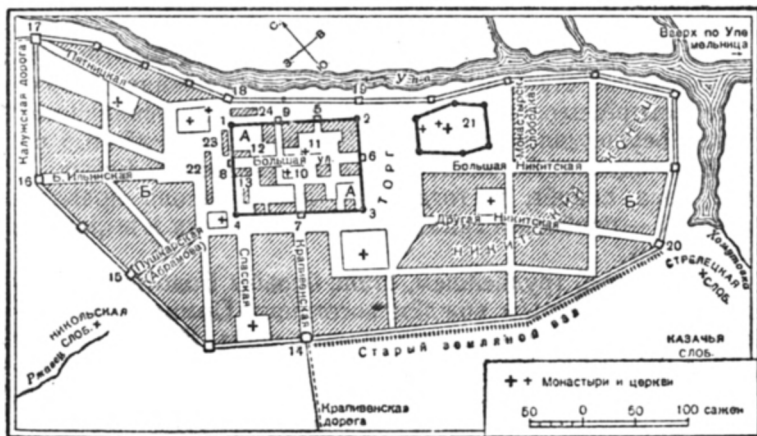

Схематические планы составлены И. А. Голубцовым на основании писцовой книги 1587—1589 гг. и данных книги И. Афремова «Историческое обозрение Тульской губернии», часть первая, М. 1850.

ТУДА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ В КОНЦЕ XVI - НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

КРЕМЛЬ И ОСТРОГ В ТУЛЕ В КОНЦЕ XVI ВЕКА

Болхов, Лихвин, Дедилов, Крапивна, Гремячий, Одоев и, наконец, Брянск. В результате этих экспедиций воеводами В. Шуйского были взяты города Белёв, Болхов, Лихвин, Дедилов, Крапивна, Одоев. Что касается Брянска, то воеводам В. Шуйского не удалось захватить его. Под Козельском же они даже потерпели серьёзное поражение. Наконец, осенью 1607 г. В. Шуйский потерял и Дедилов и Крапивну, а также Епифань, которые были взяты воеводами Лжедмитрия II.

Всё же посылка воевод «из-под Тулы» имела определённый эффект, так как, хотя В. Шуйский и не мог удержать в своих руках Белёв и другие города, тем не менее они находились в его руках вплоть до октября 1607 г., т. е. в течение всего самого критического периода осады Тулы, и давали возможность В. Шуйскому изолировать Тулу от Северских и Украинных городов, откуда Болотников мог рассчитывать получить помощь.

Безуспешность попыток взять Тулу штурмом заставляла В. Шуйского искать других способов сломить стойкость защитников осаждённого города. Так возник проект «водного потопления» Тулы путём устройства на реке Упе, протекающей через город, плотин, чтобы таким путём затопить Тулу. Этот проект, предложенный неким «муромцем сыном боярским Иваном Суминым сыном Кровковым», был принят. В течение двух месяцев была построена плотина по течению Упы, ниже города, и поднявшаяся в Упе вода вызвала в городе наводнение.

Однако и это не могло сломить мужество Болотникова. Несмотря на страшный голод и другие лишения, вызванные четырёхмесячной осадой и ещё более усилившиеся после осуществления проекта Кровкова, осаждённые всё ещё не сдавались, «надеясь, — как указывает Буссов, — что вода спадёт, и тогда они смогут вновь попытаться счастья — пробиться сквозь вражеские войска и вырваться из осады».

И на этом, труднейшем, этапе борьбы Болотников продолжает оставаться вождём восстания. Помимо руководства военными действиями деятельность Болотникова в осаждённой Туле развёртывалась по трём основным направлениям: поддержание стойкости в осаждённых, борьба против враждебных восстанию элементов внутри Тулы и, наконец, принятие мер к получению помощи Туле извне.

Длительная осада, голод, особенно в сочетании с наводнением после постройки плотины на Упе, не могли не вызвать внутренней борьбы среди «Тульских сидельцев». Болотников, однако, оказался в состоянии не только преодолеть колебания в рядах осаждённых, но и укрепить в них решимость продолжать борьбу до конца. Яркая характеристика этой стороны деятельности Болотникова содержится в сочинении голландского писателя Элиаса Геркмана «Историческое путешествие о важнейших смутах в государстве Русском», вышедшем в свет в Амстердаме в 1625 г. По словам Геркмана, когда в Туле начался голод, «народ начал роптать и намеревался передаться царю. Однако Болотников, как храбрый начальник, убеждал жителей не сдавать города. «Если, — говорил он, — вам нечем будет питаться, то я лучше всего сделаю, если представлю вам свой труп». Таким образом день за днём он удерживал их, пока они, измученные голодом, не стали есть вонючую падаль и лошадей, источенных червями».

Деятельность Болотникова по поддержанию стойкости в жителях осаждённой Тулы сочеталась с решительной борьбой против классовых врагов восставших крестьян и холопов. Хотя в источниках содержится весьма мало материалов о внутренней жизни Тулы во время нахождения в ней Болотникова, тем не менее имеющиеся данные позволяют составить себе известное представление о том, в чьих руках находилась и что представляла собой власть в осаждённой Туле.

Так, из челобитной Василию Шуйскому некоего темниковского мурзы (помещика) Ишея Барашева, попавшего в плен к восставшим (и затем бежавшего), мы узнаём о том, что его, «приведчи на Тулу, били кнутом, и медведем травили, и на башню взводили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел».

Из этого сообщения видно, что в Туле во время осады её Шуйским имелись такие органы власти, как суд, причём обращённый своим остриём против феодалов-помещиков. Ещё более красочный материал, раскрывающий борьбу тульских «мужиков» против своих классовых врагов, содержит «Послание дворянина к дворянину»¹.

¹ «Послание дворянина к дворянину» — литературное произведение, составленное, повидному, в 1608 г.; важный источник по истории восстания Болотникова.

Автор «Послания», тульский помещик Иван Фуников, подобно Ишее Барашеву, попал в руки восставших, был доставлен в Тулу и «вкинут» в тюрьму, где и просидел 19 недель, т. е., как можно догадываться, до падения Тулы в октябре 1607 г. В своём «Послании» Иван Фуников, рассказывая о расправе с ним восставших «мужиков», рисует яркую картину жизни в осаждённой Туле: «А мне, государь, тульские воры выломали на пытках руки и нарядили, что крюки, да вкинули в тюрьму; и лавка, государь, была уска и взяла меня великая тоска. А послана рогожа и спать не погоже. Седел 19 недель, а вон ис тюрьмы глядел. А мужики, что ляхи, дважды приводили к плахе, за старые шашни хотели скинуть з башни. А на пытках пытаются, а правды не знают: правду де скажи, ничего не солжи. А яз им божился и с ног свалился и на бок ложился: не много у меня ржи, нет во мне лжи, истинно глаголю, воистинно не лжу. И они того не знают, больше того пытаются. И учинили надо мною путём (!), мазали кожу дважды кожу кнутом».

Рассказ Ивана Фуникова о пытках, которым его подвергли тульские «мужики», раскрывает нам лицо крепостника-феодала, непримиримого врага восставших крестьян, для которого «мужики, что ляхи». С циничной откровенностью автор «Послания» говорит о своих «старых шашнях», за которые он чуть было не заплатил жизнью (характерно, что и по отношению к Фуникову восставшие намеревались применить такую казнь, как сбрасывание с башни!).

Судя по воспроизводимым в «Послании» ответам И. Фуникова во время его пытки: «не много у меня ржи, нет во мне лжи», тульские власти подозревали попавшего им в руки помещика в том, что у него где-то спрятан хлеб. Это делает понятной в условиях осаждённой и голодающей Тулы ту настойчивость, с которой восставшие «мужики» пытались добиться от И. Фуникова сведений о ржи. Но автор «Послания» предпочёл, чтобы ему «выломали руки», чем выдать сведения о спрятанном хлебе своим классовым врагам, заявляя с торжеством, что все попытки допрашивавших его «мужиков» добиться от него правды не привели ни к чему.

Субъективная цель рассказа И. Фуникова состояла в том, чтобы описать все постигшие его «беды и разорения».

Но помимо воли автора «Послания» он с исключительной силой раскрыл непримиримую противоположность классовых интересов крепостников-помещиков и восставших «мужиков» и столь же ярко показал, в чьих руках находилась власть в осаждённой Туле, нарисовав картину того, с какой настойчивостью «мужики», державшие власть в Туле, осаждённой Василием Шуйским, боролись за то, чтобы добыть хлеб для голодающего народа, — хлеб, укрытый от них их бывшим господином.

С той же настойчивостью, с какой он боролся с врагами восстания, Болотников стремился добиться помощи осаждённой Туле извне, со стороны «царя Димитрия». Буссов трижды сообщает о посылке Болотниковым из Тулы гонцов к «царю Димитрию» с требованием итти на выручку осаждённой Тулы (трудно сказать, куда в действительности направлялись эти посланцы Болотникова: источники не дают возможности ответить на этот вопрос). Однако все эти попытки Болотникова установить связь с «царем Димитрием» и добиться от него помощи остались безрезультатными.

В расчётах Болотникова на помощь со стороны «царя Димитрия» ярко проявилась царистская идеология участников восстания, идея «хорошего царя». Но как раз поэтому эти расчёты были столь же утопичны, как и сама идея «хорошего царя».

Между тем к осени 1607 г. положение в стране стало вновь складываться неблагоприятно для В. Шуйского. Прежде всего длительное стояние под Тулой не только ослабляло войско В. Шуйского в результате потерь от военных действий, но и действовало разлагающим образом на ратных людей, составляющих его полки. Вторым моментом, определявшим обстановку в стране и оказывавшим воздействие и на положение В. Шуйского под Тулой, была непрекращавшаяся борьба крестьян и холопов. Если В. Шуйскому и удалось запереть в Туле основное ядро восстания, то отдельные отряды крестьян и холопов продолжали вести свою борьбу против феодалов, в частности в непосредственной близости от Тулы — в Рязанском уезде. Такое положение дел вынуждало В. Шуйского выделять часть своих сил для борьбы против «воюющих» мужиков, что ещё более ослабляло его тульский лагерь. К названным факторам внутреннего порядка к осени

1607 г. прибавился ещё фактор внешний в лице нового Самозванца, провозгласившего себя в июле 1607 г. в городе Стародубе-Северском «царем Димитрием».

Авантюрист, выдвинутый враждебными Русскому государству панскими кругами Польши, Лжедмитрий II широко использовал в качестве оружия для достижения своих целей социальную демагогию, а имя «царя Димитрия» привлекало к Самозванцу широкие народные массы. Это делало особенно опасным для В. Шуйского начатый Лжедмитрием II в сентябре 1607 г. поход из Стародуба на Брянск с очевидной целью идти дальше, к Туле.

В данной обстановке, стремясь любой ценой добиться прекращения военных действий под Тулой, В. Шуйский предпринимает новый манёвр в виде переговоров с Болотниковым об условиях капитуляции Тулы.

Если В. Шуйский видел в переговорах с Болотниковым дипломатический манёвр, имевший целью добиться прекращения борьбы под Тулой, то Болотников в свою очередь рассматривал переговоры с царём как определённый тактический приём, как военную хитрость, имевшую целью обмануть царя и ценой потери Тулы спасти своё войско и самого себя.

Основу этих переговоров составляло обещание В. Шуйского в случае капитуляции Тулы сохранить жизнь и свободу участникам восстания и их руководителям, в том числе самому Болотникову и «царевичу» Петру.

Переговоры закончились заключением «контракта», который В. Шуйский скрепил торжественной клятвой.

В. Шуйский, однако, не намеревался выполнить условия заключённого им договора. Одновременно с переговорами, ведшимися В. Шуйским с Болотниковым, В. Шуйский имел тайные сношения с определёнными кругами в Туле, причём целью этих тайных сношений был захват и выдача царю Болотникова и других руководителей восстания.

В результате такой вероломной тактики В. Шуйского, когда 10 октября 1607 г., после заключения соглашения о капитуляции, Тула открыла свои ворота воеводам В. Шуйского, то именно в этот момент Болотников и «царевич» Пётр были захвачены агентами В. Шуйского из числа «тульских сидельцев» и привезены «в полки» к царю.

Однако расправа с попавшими в руки В. Шуйского вождами восстания была затруднена наличием соглашения и «целования креста» В. Шуйским с обещанием помилования Болотникова и «царевича» Петра. Прямое и открытое нарушение этого обещания было слишком опасно для В. Шуйского, особенно если учесть то, что вся основная масса капитулировавшего войска Болотникова находилась на свободе и, очевидно, сохраняла и своё вооружение.

Выход В. Шуйским был найден в том, чтобы прежде всего как можно скорее добиться ликвидации войска Болотникова как организованной силы и тем самым завершить ликвидацию восстания. Этому мероприятию был придан вид жеста великодушия со стороны царя, распустившего «восвояси» «тульских сидельцев».

Тогда же, сразу после падения Тулы, В. Шуйский рассылает грамоты по городам с извещением о взятии Тулы, в которых создаёт свою официальную версию об обстоятельствах падения Тулы, где тщательно скрывался факт соглашения с Болотниковым об условиях капитуляции и падение Тулы изображалось как результат «битья челом» «тульскими сидельцами», в том числе и Болотниковым, царю с признанием своей вины и с выдачей В. Шуйскому самозванного «царевича» Петра.

Вслед за тем В. Шуйский вернулся в Москву, куда были доставлены «в оковах» и Болотников с «царевичем» Петром.

Падение Тулы означало конец восстания Болотникова. За возвращением В. Шуйского в Москву последовала казнь «царевича» Петра, повешенного, по сведениям, сообщаемым «Карамзинским хронографом», «под Даниловым монастырем, на Серпуховской дороге».

С Болотниковым же В. Шуйский решил расправиться лишь через несколько месяцев, уже в 1608 г., когда Болотников был отправлен в Каргополь и там сначала ослеплён, а затем утоплен.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОССТАНИЯ БОЛОТНИКОВА

Восстание Болотникова является наиболее крупной как по масштабам, так и по значению крестьянской войной в России. Ни восстание Разина, ни Пугачёвское восстание не могут идти в сравнение с восстанием Болотникова ни по размерам территории, охваченной восстанием, ни по числу участников восстания, ни по силе того удара, который был нанесён каждым из названных движений по основам социального и политического строя феодально-крепостнической России.

Объяснение того размаха и исключительной мощи, которые отличают восстание Болотникова, следует искать в особенностях исторической обстановки, в условиях которой протекало восстание.

Важнейшими из этих особенностей, характеризующих положение Русского государства в годы восстания Болотникова, являлись два момента:

1) длительный и острый кризис внутри господствующего класса крепостников-феодалов, ослабивший и расшатывший основы государственной власти в стране;

2) польская интервенция 1604—1606 гг., ещё больше углубившая и обострившая кризис, переживаемый Русским государством, и вызвавшая народное восстание 17 мая 1606 г. в Москве против Лжедмитрия I и польских интервентов.

Отмеченные моменты определяют внешнеполитическую и внутриполитическую обстановку, в условиях которой протекало восстание. Они ослабляли основы власти господствующих классов и облегчали этим развёртывание

классовой борьбы угнетённых классов — крестьянства и городских низов.

Эти моменты, однако, являлись для восстания Болотникова лишь способствующими и благоприятствующими факторами. Коренные причины, вызвавшие восстание Болотникова и определившие его характер и масштабы, крылись в сфере отношений между крестьянством и феодальными землевладельцами.

Эпоха восстания Болотникова — это эпоха крупнейших изменений в положении крестьян и холопов в Русском государстве, эпоха резкого усиления крепостнической эксплуатации крестьянства, эпоха лишения крестьянства последних остатков свободы, эпоха оформления крепостного права в общегосударственном масштабе.

Именно в этих особенностях эпохи надо искать причины, вызвавшие восстание Болотникова. Подобно тому как в Германии конца XV — начала XVI в. «новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины», стремление феодалов «превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых — в крепостных, а общую землю марки — в господскую землю» привели к тому, что «на это хищничество помещиков, дворян и попов с конца XV столетия крестьяне стали отвечать частыми разрозненными восстаниями, пока в 1525 г. Великая крестьянская война не охватила Швабию, Баварию, Франконию и не распространилась также на Эльзас, Пфальц, Рейнскую область и Тюрингию»¹, — подобно этому в России усиление крепостнической эксплуатации крестьянства, юридически закреплённое законодательством конца XVI — начала XVII в., имело своим результатом всё нарастающее обострение классовых противоречий между крестьянами и феодалами и рост классовой борьбы крестьянства, высшей точкой подъёма которой явилось восстание Болотникова.

И. В. Сталин дал исчерпывающую формулу природы восстания Болотникова как «стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта»².

Крепостные крестьяне и холопы составляли основную движущую силу восстания Болотникова, определяя как программу восстания, так и характер и формы борьбы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 641.

² И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 112.

Центральным пунктом программы восстания Болотникова, главным лозунгом, под которым проходило восстание, являлось уничтожение крепостнических отношений, ликвидация феодального гнёта. Именно в этом состоял объективный смысл тех призывов, с которыми Болотников обращался в своих «листах» к «боярским холопам» и городским низам Москвы и других городов.

Призывы, содержащиеся в «листах» Болотникова: «побивать своих бояр... гостей и всех торговых людей» «и животы их грабити» (известные нам в такой редакции по грамотам патриарха Гермогена); призывы Болотникова к московским холопам, «чтобы те взялись за оружие против своих господ и завладели их именьями и добром» (о чём сообщает английская записка), означали призыв к расправе с феодалами и к ликвидации феодальной земельной собственности и крепостнической зависимости крестьян и холопов.

Если по своей объективной сущности восстание Болотникова было восстанием крепостных крестьян против феодального гнёта, то идеологической оболочкой восстания Болотникова был лозунг «царя Димитрия».

«Царистская» идеология — важнейшая черта крестьянских движений в России XVII—XVIII вв. «...Говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царстами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг»¹. Эта сталинская формула, вскрывающая сущность идеологической оболочки восстаний крестьян в России против феодального гнёта, целиком приложима и к восстанию Болотникова.

Выступая против феодального гнёта и крепостнического государства как носителя этого гнёта, угнетённые классы — крестьяне и холопы — были, однако, неспособны сформулировать программу нового политического устройства, выходящую за рамки традиционного политического строя. Именно в этом надо искать объяснение «царистской» идеологии крестьянских движений XVII—XVIII вв., в том числе и восстания Болотникова.

Основным политическим лозунгом восстания Болотникова было свержение Василия Шуйского и провозглашение царём «царя Димитрия». Именно «царь Димитрий» в представлениях участников восстания Болотникова являлся

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 113.

идеалом «хорошего царя». Этот идеальный «царь Димитрий» не имел ничего общего с историческим «царём Димитрием», т. е. с Лжедмитрием I. В глазах народных масс «царь Димитрий» являлся жертвой бояр, помешавших ему использовать свою власть на благо народных масс.

Подобный взгляд на «царя Димитрия» создавал лёгкую возможность для возникновения легенды о чудесном спасении «царя Димитрия», которого легенда изображает вторично избежавшим в мае 1606 г. смерти от бояр.

Лозунг «хорошего царя», представляя собой своеобразную крестьянскую утопию, является наиболее ярким выражением стихийности крестьянских восстаний в России эпохи феодализма. Подымаясь против феодального гнёта, крестьяне были не в состоянии выдвинуть сколько-нибудь определённую программу борьбы, сформулировать задачи борьбы за установление такого политического строя, который соответствовал бы интересам крестьянства.

Стихийный характер борьбы крестьянства обусловливался самим положением крепостных крестьян в общественном строе Русского государства XVII в. «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой», — такими чертами определяет Ленин положение крестьян в России при крепостном праве, подчёркивая, что крестьяне «боролись, как умели и как могли»¹.

Стихийный характер восстания Болотникова определил и формы борьбы в процессе восстания, и самый его исход. Именно в стихийном характере борьбы крепостных крестьян следует искать главные причины поражения восстания Болотникова.

История восстания Болотникова полна примерами блестящих действий восставших и их руководителей. Достаточно назвать поход Болотникова на Москву осенью 1606 г., когда рядом следовавших один за другим ударов Болотников подавил все попытки Василия Шуйского не допустить войско восставших крестьян и холопов к Москве. Не менее выдающимся примером может служить оборона Болотниковым Калуги от осадивших её воевод Шуйского, превратившаяся в подлинный триумф военного искусства Болотникова и закончившаяся разгромом и бегством воевод Шуйского от Калуги. Самый факт более чем

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384.

годовой продолжительности восстания свидетельствует о том, с каким упорством и мужеством вели борьбу Болотников и его сторонники.

Современники высоко оценивали военные качества армии Болотникова, и это вполне подтверждается анализом объективных данных.

Наконец, выдающейся личностью являлся и руководитель восстания Иван Исаевич Болотников, обладавший качествами подлинного народного вождя.

Однако ни мужество участников восстания Болотникова, ни таланты его руководителей не могли устранить его слабых сторон, обусловленных самой природой восстания.

Среди этих слабых и уязвимых сторон восстания Болотникова на первое место следует поставить отсутствие сколько-нибудь прочной и постоянной связи отдельных мест и районов восстания с центром восстания и его руководителями.

Если не считать таких форм связи, как рассылка Болотниковым «листов» по городам и, с другой стороны, поездки делегаций от отдельных восставших городов в Путивль и отправка восставшими городами в Путивль воевод и других представителей администрации Василия Шуйского для расправы, то основным средством приобщения отдельных местностей и городов к восстанию и установления связи этих местностей с руководителями восстания было продвижение войска Болотникова, приход которого в ту или иную местность обычно имел своим последствием присоединение её к восстанию.

В то же время уход из данного района или дальнейшее продвижение войска Болотникова вперёд сразу же обрывало связи данного места с центром восстания и превращало такое место в чисто локальный очаг борьбы. В ещё более сильной степени локальный характер борьбы выступает в тех районах, которые находились в стороне от маршрута войска Болотникова, как Псков, Астрахань, Поволжье.

Разобщённость отдельных районов восстания, отсутствие руководства их действиями со стороны руководителей восстания в огромной степени ослабляли эффект борьбы восставших крестьян, холопов, городских низов, создавая вместе с тем возможность для Василия Шуйского посылать свои войска против отдельных городов и районов и, таким образом, подавлять восстание по частям

(именно в этом состоял план подавления восстания Болотникова, провозглашённый Шуйским после поражения Болотникова под Москвой в декабре 1606 г.).

Стихийность, характеризующая борьбу восставших крестьян и холопов, наложила свой отпечаток и на самое ядро восстания Болотникова, на его войско. При всём мужестве и стойкости, которые проявляли крестьяне и холопы в боях с воеводами Шуйского, войско Болотникова не было единой и целостной военной организацией. Холопы, чёрные и владельческие крестьяне, мелкие посадские люди, казаки, стрельцы, наконец, определённые группы служилых людей — дворян — и даже отдельные бояре и князья — таков исполненный перечень социальных элементов и групп, представленных в войске Болотникова. Этой множественности социальной соответствовала и организационная раздробленность, превращавшая войско Болотникова в совокупность отдельных отрядов и групп, со своими «начальниками» и «воеводами», далеко не всегда склонными подчиняться «большому воеводе» — Болотникову.

Такой характер войска Болотникова являлся источником его слабости. Если в моменты успехов и побед все эти мелкие и крупные военные единицы ещё удерживались в рамках войска Болотникова, то осложнение обстановки сразу же вызывало к жизни центробежные тенденции, приводившие к разрыву с Болотниковым отдельных частей его войска и переходу их на сторону Василия Шуйского («измены»). Вместе с тем такая структура войска Болотникова создавала возможность для проникновения в лагерь восстания политических авантюристов. Если среди сохранённых источниками имён активных участников восстания Болотникова мы находим немало стойких и верных до конца участников борьбы, как Ю. Беззубцев, Нагиба, Фёдор Берсень («смутивший» Вязьму и Можайск), Лаврентий Кологривов (бывший воеводой в восставшем Алексине), «атаман Аничкин» (о котором сообщает Исаак Масса) и др., то наряду с этим в лагере Болотникова подвизались такие лица, как князья Шаховской и Телятевский, авантюристический характер деятельности которых очевиден.

Всем этим политическим авантюристам, пытавшимся использовать восстание Болотникова для достижения своих целей, интересы восставших крестьян и холопов

были глубоко чужды, и поэтому они, примыкая на определённом этапе к восстанию и выдвигаясь в «воеводы» и «начальники» в войске Болотникова, затем с лёгкостью изменяли Болотникову и порывали с восстанием в тот момент, когда считали это выгодным, превращаясь из участников восстания в его врагов.

Природа восстания Болотникова как стихийного восстания крестьян и холопов определила собой и тактику его руководителей в борьбе против Василия Шуйского.

Тактика Болотникова не может быть понята и правильно оценена вне лозунга о «хорошем царе» — «царе Димитрии».

Подобно тому как с идеей «хорошего царя» восставшие крестьяне и холопы связывали свои мечты и надежды на будущую свободную жизнь, подобно этому и успех в борьбе против Василия Шуйского Болотников и другие руководители восстания связывали с «царём Димитрием», прихода которого «из Литвы со многими людьми» убеждённо, но тщетно Болотников ждал и осаждая Москву и в осаждённой Туле, отражая приступы воевод Василия Шуйского.

Эти черты тактики Болотникова особенно ярко демонстрируют, какое значение для хода и исхода восстания Болотникова имела идея «хорошего царя». Расчёты Болотникова на приход «царя Димитрия» являлись выражением и проявлением именно этой идеи. Но как раз поэтому они были столь же утопичны, как и сама идея «хорошего царя».

Царистская психология руководителей восстания Болотникова сковывала их активность, заставляя их мечтать о приходе «царя Димитрия», вместо того чтобы использовать с максимальной активностью те силы, которыми обладали они сами.

Отрицательное действие идеи «хорошего царя» сказывалось особенно сильно в последнем этапе восстания Болотникова. Если на первых порах лозунг «царя Димитрия» являлся одним из средств вовлечения в восстание новых слоёв и групп населения, то по мере дальнейшего развития восстания это мобилизующее значение лозунга «царя Димитрия» всё больше отступало на задний план, и на передний план выступали те моменты, которые превращали лозунг «хорошего царя» в реакционную утопию, создавая и укрепляя иллюзии о том, что освобождение от «лихих

бояр» и Василия Шуйского крестьянам и холопам принесёт «царь Димитрий», а не их собственная борьба против своих господ.

В борьбе между Болотниковым и Шуйским решающее преимущество феодалов по сравнению с восставшими крестьянами и холопами состояло в том, что феодалы опирались в этой борьбе на крепостническое государство и могли использовать против восставших всю мощь государственной машины с её армией и тюрьмами, финансами и чиновниками, церковью и прочими средствами идеологического воздействия на массы.

Этой политической организованности феодалов, выражавшейся в мобилизации ими всей мощи крепостнического государства для подавления восстания Болотникова, противостояла одна лишь стихийная сила восставших крестьян и холопов.

В своей работе «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии» И. В. Сталин, анализируя причины поражения восстаний Разина и Пугачёва, следующим образом отвечает на вопрос о причинах поражения Разинского и Пугачёвского восстаний: «Почему погибло восстание крестьян при Пугачёве или при Степане Разине? Почему тогда не сумели крестьяне добиться изгнания помещиков? Потому, что у них не было, да и не могло быть тогда такого революционного руководителя, как рабочий класс»¹.

Эта сталинская формула полностью приложима и к восстанию Болотникова, в котором, так же как и при Пугачёве и Разине, у крестьян не было и не могло быть такого революционного руководителя, как рабочий класс.

И. В. Сталин охарактеризовал восстания Болотникова, Разина и Пугачёва как первые попытки стихийных восстаний крестьянства против феодального гнёта. Эта сталинская формула, раскрывая социальную природу восстания Болотникова, определяет вместе с тем и историческое значение этого движения.

Будучи первой попыткой стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта, восстание Болотникова потерпело поражение и было подавлено феодалами. Но если Болотникову не удалось разрешить задачу унич-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 143.

тожения феодального гнёта¹, то великой исторической заслугой восстания Болотникова является то, что эта гигантская задача была поставлена восставшими в 1606 г. крестьянами и холопами.

Этим определяется место восстания Болотникова в истории.

¹ Однако восстание Болотникова нанесло сильнейший удар по основам социального строя Русского феодально-крепостнического государства. Показателем силы этого удара может служить то, что оформленные законодательством 80—90-х годов XVI в. о заповедных годах и о сыске беглых крестьян нормы крепостного права, заключавшиеся в окончательном закрепощении крестьян за теми феодалами, на чьих землях они сидели, и дававшие феодалам право розыска беглых крестьян «без урочных лет», т. е. не ограниченного каким-либо сроком давности, потеряли свою силу и уступили в 10-х годах XVII в. место принципу «урочных лет». Согласно этому принципу феодал сохранял право на иск о возврате беглых крестьян лишь в течение определённого, ограниченного отрезка времени, первоначально в течение 5 лет.

В этой связи большой интерес представляет мысль А. А. Новосельского о связи «урочных лет» с восстанием Болотникова. Как указывает А. А. Новосельский, «есть основание считать, что практика урочных лет, со всеми вытекающими из неё последствиями, создавала новый порядок, возникший при правительстве Романовых. Этот порядок противоречил традиции закрепощения, которая совершенно отчётливо сложилась уже в конце XVI в. ...Введение урочных лет при царе Михаиле едва ли может быть правильно понято без связи с крестьянской войной под предводительством Ив. Болотникова. Правительство Михаила Фёдоровича не могло вернуться к политике царя Василия Шуйского в крестьянском вопросе и взять на себя смелость восстановить отношения, нарушенные в предшествующие бурные годы. Известная сдержанность нового правительства в вопросе о крестьянском закрепощении была следствием крестьянской войны. Правительство было вынуждено затягивать петлю крепостной зависимости медленнее, чем оно само этого желало. Этим объясняется сложность внутренней борьбы между различными прослойками класса феодалов в связи с урочными годами и её длительность. Следовательно, Уложение 1649 г., упразднив урочные годы, отменило новый порядок и вернулось к старым приёмам закрепощения крестьян, придав им совершенно категорическую и отчётливую формулировку, что все крестьяне, записанные в писцовые и переписные книги, крепки своим владельцам «без урочных лет»». (А. А. Новосельский, К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. Сборник статей «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М. 1952, стр. 183).

Таким образом, феодалам понадобилось почти полвека для того, чтобы ликвидировать последствия того удара, который нанесло феодальному строю восстание Болотникова! Недаром Татищев, говоря о последствиях восстания Болотникова для положения в Русском государстве, подчеркнул, что «через 20 лет едва оно пламя утишить могли».

О ВОССТАНИИ БОЛОТНИКОВА

(Из Карамзинского хронографа)

Карамзинский (или Столяров) хронограф¹ — один из важнейших источников по истории восстания Болотникова. Главная ценность Карамзинского хронографа как источника — в богатстве конкретных фактов, сообщаемых им о восстании.

Начиная с осады Болотниковым Москвы в октябре 1606 г. (более ранние этапы восстания освещены в Карамзинском хронографе слабо) и вплоть до падения Тулы в октябре 1607 г., Карамзинский хронограф детально описывает весь ход восстания, уделяя особое внимание ходу военных действий между восставшими и правительством Шуйского.

Характер Карамзинского хронографа как источника определяется его происхождением. По вероятному предположению С. Ф. Платонова², автором Хронографа является современник восстания Болотникова арзамасский помещик — служилый человек Баим Болтин, описывавший события восстания со слов арзамасских помещиков — участников похода против Болотникова, частью же, возможно, и по личным впечатлениям.

¹ Название «Столяров хронограф» принадлежит Карамзину, купившему рукопись Хронографа у некоего «столяра» (см. *Карамзин, История государства Российского*, т. XII, прим. 46). «Кварамзинским» Хронограф назван в издании А. Н. Попова.

² См. С. Ф. Платонов, *Статьи по русской истории*, изд. 2, Спб. 1912. Статья «Столяров хронограф и его автор».

Принадлежностью автора Карамзинского хронографа к господствующим классам объясняется враждебное отношение Карамзинского хронографа к восстанию, нашедшее своё выражение и в оценке действий восставших и даже в терминологии (обозначение восставших термином «воры» и т. д.). Характером происхождения Карамзинского хронографа следует объяснить и имеющиеся в нём фактические неточности и ошибки — результат недостаточной осведомлённости автора.

Карамзинский хронограф опубликован по списку Государственной Публичной библиотеки в издании: «А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, М. 1869». Это издание, остающееся единственным до настоящего времени, однако, совершенно неудовлетворительно. Текст Хронографа издан с многочисленными ошибками, пропусками, неверными чтениями слов (например, стр. 331 издания А. Н. Попова: «Никиты Зарайского» вместо «Николы Зарайского»; стр. 332: «смолянне» вместо «смоляне»; стр. 333: «безопасны» вместо «беззапасны»; стр. 334: «назарее» вместо «назавтрее», «со князем... Хилковым были воеводы» вместо «со князем... Голицыным» и т. д.; стр. 335: «народ» вместо «наряд»; стр. 336: «грудна» вместо «грязна»; стр. 337: «секлил с» вместо «секли лес»; стр. 338: «Ондрея Васильевича Телятевскова» вместо «Ондрея Телятевскова» и др.); не отмечена позднейшая вставка в текст (о судьбе Болотникова). Кроме того, А. Н. Попов не привлёк к изданию другой список Хронографа, хранящийся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина.

В настоящем издании текст печатается по двум спискам: 1) Рукописного отделения Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр: F. IV. 595 (лл. 532 об. — 541) и 2) Рукописного отделения Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, рукопись «Общества истории и древностей Российских», № 183 (лл. 237—245).

За основу принят список ГПБ, варианты — по списку ЛБ.

Того же 114-го году^а при державе государя царя и ве-

^а году добавлено по списку ЛБ.

ликого князя Василья Ивановича всеа Руси в Украинных, в Польских и в Северских городех учинилася прелесть и смута, будто вор Гришка Розстрига, которой был на Москве царем, ушел в Литву. И по городам от царя Василья отложились и целовали крест царю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, а государь царевич в вечном блаженстве опочивал на Угличе. И в тех в Украинных,¹⁻ в Польских⁻¹ и в Северских городех тамошние люди || (л. 533) по вражью наваженью бояр, и воевод, и всяких людей побивали разными смертями, бросали с башен, а иных за наги вешали, и к городовым стенам распинали, и многими различными² смертями казнили и прожиточных людей грабили, ³а ково побивали и грабили и тех называли⁻³ изменники, а оне будто стоят за царя Дмитрея. И по городам побии до смерти боярина князя Петра Ивановича Буйносова, боярина князя Василья Кардануковича Черкасского, воеводу Ефима Вахромеевича Бутурлина, князя Василья Тростенского, Петра Вердеревского, Семена Мальцова, в Путимле убили Микиту Васильева сына Измайлова. Да в Путимль привезены в 115-м году в осени к вору Петрушке Никита Васильев сын Измайлов от Николы Зарайского, да с Резани Прокофей Лепунов прислал в Путимль князя Гаврила князь Семенов сын Каркадинов, и те в Путимле убиты ж. И во многих городех воевод и всяких знатных людей побивали, а сами воровали будто стояли за царя Дмитрея и за племянника ево⁴ Петрушку,⁵⁻ а тово вора, ково называли царевичем Дмитрием нигде в те поры и не объявился. А Петрушка⁻⁶ родом муромца посадкова человека сапожника сын, и был в Свияжских стрелцах в приказе у головы стрелецкого у Григорья Елагина⁶⁻ и был⁻⁶ у него в денщиках, а назвали ево⁷⁻ на Терке⁻⁷ вора казаки царевичем царя Федора Ивановича сыном. И того жь году царь Василей Ивановичь всеа Руси, || (л. 533 об.) не терпя их воровства и измены, на

¹⁻¹ и в Польских.

² различными.

³⁻³ будто.

⁴ ево за.

⁵⁻⁵ а тово вора, ково называли царевичем Дмитрием нигде в те поры и не объявился; а Петрушка нет.

⁶⁻⁶ и был в свияжских стрелцах был.

⁷⁻⁷ на Терке нет.

Польские и на Украинные города посылал бояр своих и воевод по полком: в Большом полку князь Юрьи Никитичъ Трубецкой да боярин Михайла Александровичъ Нагой, в Передовом полку боярин князь Борис Михайловичъ Лыков да князь Яков Петровичъ Борятинской, в Сторожевом полку окольничей князь Григорей Петровичъ Ромодановской.

115-го году¹ в осень Украинных, и Польских, и Северских городов дворяне, и дети боярские, и всякие служилые люди, и пасадкии люди, и крестьяне собралися со всяким боем и пошли под Московское государство, а будто стоят за царя Димитрея и хотя даступить² и Московское государство разорить³, а начальники у тех воров были воеводы³: у резаньцов воеводы Григорей Федоров сын Сунбулов, да Прокофей Петров сын Ляпунов; а с тулены, и с коширяны, и с веневичи Истома Пашков, а на Веневе был сотник; а с колужены, и с олексенцы, и с-ыными городами Ивашко Болотников, князя Ондreja Телятевского холоп, и иные вору были начальники. И пришли под Москву в Коломенское и в-ыные места, в Заборское⁴ стали блиско Москвы. И государь царь и великий князь Василей Ивановичъ всеа Русии, прося у бога милости и у пречистыя богородицы помощи, против тех воров послал с Москвы бояр своих князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго и иных бояр, а с ними стольников, и стряпчих, и дворян, и жильцов, и дьяков, и подьячих, и всяких служилых людей. Да в то же время к Москве || (л. 534) из Смоленска пришлїи смоляне дворяне, и дети боярские, и Смоленские стрельцы, а прислал их на очищение Московскому государству боярин Михайло Борисовичъ Шеин, а воевода, у них у всех был у смолян Григорей Михайлов сын Полтев да с ним были головы сотенные и стрелецкие. И милостию божиею и государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии сщастьем бояре князь Михаила Васильевичъ Скопин-Шуйской и иные бояре и воеводы воровских людей розогнали и побили. Ис-под Москвы вору побежали, а казаки в осаде в Заборье сидели, и те государю доби́ли челом и здалися и крест целовали, что ему государю служить. А с резанцы Григорей Сунбулов и

¹ году *нет*.

²⁻³ до Московскаво государства.

³ воеводы *нет*.

⁴ Заборския.

Прокофей Ляпунов приехали к Москве ко царю Василью и вину свою принесли, а Истома Пашков приехал же. И Царь Василей резанцов и Истому Пашкова всех пожаловал вину им отдал, а Прокофья Ляпунова пожаловал в думные дворяне. И с тово побегу воры Ивашко Болотников с отаманы и с казаки и со всякими воры прибежал в Колугу и Колугу засел, а с ним село в Колуге всяких людей огненаго бою болши десяти тысячъ, а иные всякие воры с розгрому же ис под Москвы прибежали на Тулу и селн в Туле, многие ж люди с вогненным боем.

Того ж 115-го году по зимнему по первому пути царь Василей Ивановичь всеа Руси послал с Москвы бояр || (л. 534 об.) своих и воевод под Колугу, а с ними послал наряд большей и огненные пушки: в Большом полку боярин князь Федор Ивановичь Мстиславской да боярин князь Иван Ивановичь¹ Шуйской, в Прибылом полку боярин князь Михайла Васильевичь Скопин-Шуйской да боярин Иван Никитичь Романов, в Передовом полку боярин князь Иван Васильевичь Голицын, в Сторожевом полку боярин Василей Петрович Морозов да² Яков Васильевич² Зюзин, а з бояры и воеводы были стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, стояли под Колугою блиско и Колугу осадили накрепко, и из наряду из большева и из вогненных пушек в город и в острог стреляли безпрестанно и многих людей побивали³. А из Колуги воры казаки на выlosки выходили безпрестанно и бои были безпрестанные и царя Васильевых ратных людей на выlosках побивали и ранили, и в осаде в Колуге был голод великой, ели лошади. И тово ж году весною с Тулы от вора от Петрушки пришел князь Ондрей Телятевской⁴ со многими ратными людьми выручать Колуги. И бояре и воеводы князь Федор Ивановичь Мстиславской, и князь Иван Ивановичь, и князь Михайла Васильевичь Шуйские с товарищи послали против князя Ондreja Телятевсково на встречу воевод на три полки: в Большом полку князя Бориса Петровича Татова, в Передовом полку князя Юрья Петровича Ушатова, да Семена Олферьева, а князь Юрья прислан ис-под Олексина

¹ Иванаовичь *нет*.

²⁻² дьяк Василей.

³ побили.

⁴ Телятевской *нет*.

|| (л. 535) от боярина и воеводы князя Ивана Михайловича Воротынского, а князь Юрий Ушатов Воротынскому был товарищ, в Сторожевом полку был воевода князь Андрей Тюменской, да князь Михайло Борятинской. И с воровскими людьми со князем Андреем Телятевским сошлись в селе на Пчельне, и был с воровскими людьми бой, и воровские люди царя Васильявых людей побили, и на том бою убили боярина князя Бориса Петровича Татова да князя Андрея Тюменского, и многих ратных людей побили. И ратные люди прибежали под Колугою к боярам в полки и не помешкав под Колугою пошли к Москве, для того, что стали беззапасны. А которые ратные люди стояли под Колугою, а в походе не были, и оне, смотря на тех же людей, ис-под Колуги пошли, а бояр покинули. А из Колуги вор Ивашка Болотников со всеми ворами вышел на боярские станы вылоскою, и бояре и воеводы с дастальными людьми отошли отходом в Серпухов и наряд с собою отвезли в Серпухов же; а иной наряд остался под Колугою.

Того ж 115-го году от царя Василья посланы воеводы Григорей Григорьевич Пушкин Сулемша да Сергей Григорьев сын Ододуров, а с ними ратные люди володимерцы, суздольцы, муромцы, а велено им итти на Орзамас и на Олатарь, что те города и с уездами были в-ымене, от царя Василья отложились. И Орзамас и Олатарь с уезды привели к царю Василью, а на Олатаре воеводу Ждана Степановича Сабурова алаторские воры в воду посадили, а товарища ево казанца Офонася Степанова сына || (л. 535 об.) Нарманскова били и в тюрьму сажали, а животы их пограбили. А Нижней Новгород стоял за царя Василья, от воров от русских людей был в осаде. А стояли под Нижним русские люди, и бортники, и мордва, а с ними был за воеводы место Иван Борисов, сын Доможиров, нижегородец, да с ним выбраны два мордвина: Варгадин да Москов. И как они уведали, что царя Василья московские люди идут на Орзамаские и на Олатырские места, ис под Нижнева воры разбежались.

Того ж году с Алатыря Григорью Пушкину да Сергею Ададурову со всеми ратными людьми велено итти под Серебряные Пруды, а в Серебряных Прудах сидели воровские люди, а под Серебряными Прудами стояли воеводы князь Андрей Васильевич Хилков да Богдан Матвеев сын Глебов, а с ними ратные люди коширяне, и туленя,

и ярославцы, и углечения, и Низовских городов. И Григорей Пушкин и Сергей Ододуров под Пруды пришли и под Прудами стояли вместе со князем Ондреем Васильевичем Хилковым. И к Прудам к острогу ратные люди приступали с щитами день да полуночи, и ис Прудов воровские люди многих ратных людей переранили, а иных побили. И воровские люди, видя свою погибель, что им не отсидетца, здалися и в острог пустили царя Васильевых людей и крест целовали царю Василью. И назавтрее здачи пришли многие воровские люди с Украйны на || (л. 536) выручку Серебряным Прудам, а с теми воровскими людьми были воеводы князь Иван Масальской да иноземец литвин Иван Сторовской. И царя Васильевым воеводам князю Ондрею и Григорью с товарищы и всем ратным людем с воровскими людьми был бой от Серебряных Прудов версты за четыре. И воровских многих людей побили, и языки многие поимали, и воровских воевод князя Ивана Масальского и Ивана Сторовского взяли. А к царю Василью Ивановичю ^а всеа Руси воеводы князь Ондрей ¹ Васильевич Хилков с тово дела с сеунчем коширенина Ивана Олександрова сына Колтовского Момота, а Григорей Григорьевичь Пушкин послал с сеунчом князь Ивана княж Семенова сына Путятина, арзамасца, а с языки от Григорья Пушкина и от Сергея Ододурова послан Мисюръ Головин сын Соловцов, нижегородец.

Того ж 115-го году ² в великой пост ис-под Прудов воеводы с ратными людьми ходили под Дедилов, а в Дедилове были воровские люди. И воровские люди царя Васильевых людей розогнали и на побеге убили ³ воеводу Сергея Ододурова, а рат || (л. 536 об.) ные многие люди потонули в реке в Шату ⁴. И с того розгрому воеводы и ратные люди прибежали на Коширу, а все стояли беззапасны. И на Коширу с Москвы прислан боярин князь Ондрей Васильевич Голицын, а князю Ондрею Васильевичю Хилкову велено быти к Москве. А з боярином со князем Ондреем Васильевичем Полицыным были воеводы Григорей Пушкин да письменой голова Богдан Матвеев сын Глебов.

Того ж году царь и великий князь Василей Ивановичь

^а в списке ГПБ Ивану Васильевичу, исправлено по списку ЛБ.

¹ Ондрей нет.

² году нет.

³ убили нет.

⁴ Кате.

всёа Руси пошел с Москвы весною в Серпухов, а ис Серпухова итти ему, государю под Тулу, а в Туле был вор Петрушка, назывался царевичем царя Федора Ивановича всёа Руси сыном. А с ним, государем, были бояре, и окольничие, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и головы стрелецкие с приказы, а в Серпухове ево, государя, дожидались бояре, которые были под Колугою, князь Федор Иванович Мстиславской, да князь Иван Иванович Шуйской с товарищи, а наряд ис-под Колуги в Серпухове ж || (л. 537) стоял. А на Москве государь оставил брата своего князя Дмитрия Ивановича Шуйского, и Москва приказана была ему, да с ним на Москве по приказам приказные люди и дьяки и в Помесном приказе и в иных во всех приказах дела делались ¹, а Розряд весь был с царем Васильем. И с Тулы воры от Петрушки князь Ондрей Телятевской со многими воровскими людьми шел ² на Коширу, а с ним воров было казаков Донских, и Терских и Волских, и Ейцких ³, и украинских людей ³ путимцов и елчан с товарищи с трицеть тысяч, И с Коширы против их вышли государев боярин князь Ондрей Васильевич Голицын, а товарищ ему был Григорей Григорьевич Пушкин Сулемша да Богдан Матвеевич ⁴ Глебов, да з боярином же с Резани воеводы Федор Булгаков да Прокофей Ляпунов с резанцы, а присланы ис Переславля Рязанского от боярина от князя Бориса Михайловича Лыкова. И боярин князь Ондрей Васильевич Голицын стоял в Коширском уезде на речке Безпуте, ждал тех воров. И к боярину князю Ондрею Васильевичю из Переславля Рязанского пришол на помочь || с ратными людьми ⁵ с резанцы боярин князь Борис Михайлович Лыков. И в девятую пятницу по велице дни с тульскими воры сошлись в Коширском же уезде на речке на Восме, и ⁶ об речке сотнем с воры был бой ⁶ с утра с первова часу до пятова, и воров казаков пеших с вогненным боем перешли за речку, ⁷ в боярак ⁷ тысяча семьсот человек, а подле боярака ⁸ стояли

¹ делали.

² ушел.

³⁻³ Украинских.

⁴ Матвеев сын.

⁵ людьми нет.

⁶⁻⁶ на речке с воры бой был.

⁷⁻⁷ к боярам.

⁸ боярина.

с резанцы Федор Булгаков да Прокофей Ляпун. И воровские казаки¹⁻ из боярака⁻¹ из ружья стреляли по резанцом, и людей ранили, и самих и лошадей побивали. И прося у бога милости, резанцы, покиня тех воров назад, скочили всем полком к речке к Восме, и сотнями, которые с воры билися, напустили единомышленно за речку за Восму на воров, и воры не устояли, побежали, а боярские полки, видя что воры побежали, полками напустили ж и воров в погоне бесчислено² побили и живых поймали, а гоняли за ними тридцать верст. И воры казаки в бояраке сидели два дни, и бояре и воеводы к ним посылали многижды, чтоб они царю Василью || (л. 538) Ивановичю всеа Руси добили³ челом, и вину свою принесли, и здалися⁴, из боярака вышли, а царь Василей Иванович их пожалует, вины им отдаст;⁵⁻ и те злодеи воры упрямылися⁻⁵, что им помереть а не здатца. И бояря и воеводы на третей день, в воскресенье, велели всем полком и всеми ратными людьми к тем вором приступать, конным и пешим. И те воры билися на смерть, стреляли из ружья до тех мест, что у них зелья не стала. И тех воров в бояраке многих побили, а достальных всех в языках взяли и тех на завтрее всех казнили за их злодейское⁶ кровопролитие, что побили государевых людей; только оставили семь человек живых по челобитью дворян и детей боярских нижегородцов⁷⁻ да арзамасцов⁻⁷, что оне тем дворяном учинили добро: как они шли казаки⁸ с Терка с вором с Петрушкою Волгою к вору к Розтриге и воротились с вором Волгою назад, и тех дворян встретили на Волге, и вор их хотел побить, и оне их не дали⁹ побить. И бояря ж и воеводы князь Ондрей Васильевич Голицын да князь Борис Михайло || (л. 538 об.) вичь Лыков с товарищы с своими полки пошли под Тулу,¹⁰⁻ а из Серпухова царь Василей Иванович всеа Руси послал под Тулу бояр⁻¹⁰ своих и воевод на три полки: в Большом

¹⁻¹ из боярака *нет*.

² много бесчисленно.

³ здолись и добили.

⁴ здалися *нет*.

⁵⁻⁵ а те воры заупрямылися.

⁶ злодейства и за.

⁷⁻⁷ и детей боярских орзамасцов.

⁸ х Козани.

⁹ велели.

¹⁰⁻¹⁰ а парь Василей послал бояр (слова а царь Василей послал вписаны между строк).

полку боярин князь Михайло Васильевич Скопин-Шуйской да боярин Иван Никитичь Романов, в Передовом полку боярин князь Иван Васильевич Голицын, в Сторожевом полку боярин Василей Петрович Морозов да Яков Васильевич Зюзин. И сошлись бояре и воеводы с Коширским полком за тридцать верст до Тулы, и пошли под Тулу, и пришли на речку Воронью в десятую пятницу по велице дни. И тульские многие воры, конные и пешные, московских людей встретили за семь верст от Тулы на речке Вороней и был с ними бой. Пешие воровские люди стояли подле речки в крепостях, а речка топка и грязна и по речке¹ крепости, леса. И об речке¹ воровские люди многое время бились² и милостию божиею московские люди воровских людей от речки отбили и за речку Воронью во многих местех сотни передовые [лю]ди перешли, и бояре и воеводы || (л. 539) со всеми полки перешли ж, и воровских людей учали топтать до города до Тулы, и многих побили и живых поймали, а пехоту многую ж побили и поймали. И воровские люди прибежали в город, а московские люди гнали их до городских ворот, а человек здесять московских людей и в город въехали, и в городе их побили. А бояре и воеводы со всеми полки стали под Тулою и Тулу осадили. А по Коширской дороге, на Черленой горе стал Коширской полк боярин князь Ондрей Васильевич Голицын³ с товарищы³, на речке на Тулке, а по Кропивинской дороге и по иным местом стали бояре и воеводы: Большой⁴, и Передовой, и Сторожевой полки, а наряд большой поставили за турами⁴ от Кропивенских ворот, да наряд же поставили с Коширские дороги блиско Упы реки, и у того наряду были головы Григорей Кологривов, да с луцкими стрельцы голова Григорей Леонтьев сын Волуев, да подле Коширскова ж полку по речке Тулке стояли Казанскова царства ис Казанских городов и пригородков мурзы, и татаровя, и чуваша, и черемиса многие люди, и Рамановские и Арзамаские князи и мурзы, и служивые та || (л. 539 об.) таровя, а воевода с татары был князь Петр Арасланович⁵

² В списке ГПБ большие; исправлено по списку ЛБ.

¹⁻¹ крепости, леса. И об речке нет.

² билися и от речки крепость леса.

³⁻³ с товарищы нет.

⁴ горами.

⁵ Ерославовичь.

Урусов, а головы татарские были: у Казанских Матвей Юрьев сын Пушешников, у Свяжеских Григорей Никитин¹ сын Елагин, свяженин, с Чебаксарскими Тимофей Исаев сын² Есипов, Свяженинов², у Кузмодемьянских татар Яков³ Иванов сын Мунехин, муромец, и Яков³ за-немог, и на ево места велено быти Смирному Семенову сыну Мотовилову арзамасцу, а у Арзамаских мурз и у татар в Каширском полку голова Федор⁴ Васильев сын⁴ Левашов. И по повеленью царя Василья тотаром и черемисе велено Украинные⁵ и Северских городов уездов всяких людей воевать и в полон имать, и живот их грабить за их измену и за воровство, что они воровали, против Московскаго государства стояли и царя Васильевых людей побивали.

И того же лета царь Василий ис Серпухова пошел з бояры, и с окольничими, и стольники, и стряпчими, и з жильцы, и со всякими ратными людьми, и с ним, государем, наряд, пушки большие и огненные, и пришел || (л. 540) под город Алексин, а Олексин был в воровстве в-ызмене, а сидел в Олексине воевода Лаврентей Александров сын Кологривов, олексинец же, с олексинскими со всякими служилыми⁶ и с посадцкими и с уездными⁷ людьми. И олексинцы царю Василью доби́ли челом⁷ и вину свою принесли и крест ему целовали и в город царя Васильевых людей пустили. И царь Василий Иванович всеа Руси пришел со всеми ратными людьми под Тулу и стал от Тулы три версты. А в Туле в те поры был вор Петрушка, назывался⁸ царя Федора Ивановича сын, да с ним князь Ондрей Телятевской да Ивашка Болотников, холоп Телятевскаго, да Самоила Хахановской и иные мно́гие дети боярские и Украинных городов иноземцы и мно́гие казаки, и всяких воров сидела с вогненным боем з дватцетъ тысячъ. Ис Тулы вылозки были на все стороны на всякой день по⁹ трожды и по четьр же⁹, а все выходили пешие люди

¹ Митин.

²⁻² Осипов свяженин.

³⁻³ Иванов сын Мунехин, муромец, и Яков нет.

⁴⁻⁴ Васильевич.

⁵ Украинных.

⁶ служивыми людьми.

⁷⁻⁷ доби́ли челом царю Василью.

⁸ назывался.

⁹⁻⁹ трижды и по четьрежды.

с вогненным боем и многих московских люде[й] ранили и побивали. А из наряду большова с обеих сторон в Тулу || стреляли и побивали многих людей. И в государеве Розряде дьяком подал челобитную Муромец сын боярской Иван Сумин сын Кровков, что он Тулу потопит водою, реку Упу запрудит, и вода де будет в остроге и в городе, и дворы потопит, и людем будет нужна великая, и сидеть им в осаде не уметь. И царь Василей Иванович велел ему Тулу топить, и сын боярской Иван Кровков плотину делал, секли лес, и клали солому, и землю в мешках рогозинных, и вели плотину^а по обе стороны реки Упы, а делали плотину всеми ратными с окладов. И плотину зделали и реку Упу загатили¹, и вода стала большая, и в острог и в город вошла, и многие места во дворах потопила, и людем от воды учала быть нужна²— большая, а² хлеб и соль у них в осаде был дорог, да и не стала. И с Тулы к царю Василью в полки учили выходить всякие люди человек по сту, и по двести, и по триста на день, а поддостоль многие люди от голоду и от воды стали выходить.

И во 116-м году перед покровом сятая богородицы дни за три и за два учили к царю Василью Ивановичю всеа Руси тульские осадные люди присылать || (л. 541) бити челом и вину свою приносить, чтоб их пожаловал, вину им отдал, и оне вора Петрушку, Ивашка Болотникова и их³ воров и изменников отдадут, и в город бы Тулу прислал своих государевых воевод и ратных людей. И на самой праздник покров пречистыя⁴ тульские сидельцы царю Василью Ивановичю всеа Руси доби́ли челом и в город государевых ратных людей пустили. А в Тулу послан от царя Василья боярин Иван Федорович Крюк-Колычев. И с Тулы в полки прислали к царю Василью вора Петрушку, что назывался царевичем, да князь Ондreja Телятевскова, да вора Ивашка Болотникова. А тульских сидельцов привели ко крестному целованию за царя Василья.

^а В списке ГПБ плоти; исправлено по списку ЛБ.

¹ запрудили.

²⁻² большая а хлеб и соль у них потопило.

³ иных.

⁴ пречистыя богородицы.

¹⁻ Вора Петрушку велел повесить под Даниловым монастырем по Серпуховской дороге, а Ивашка велел сослать в Каргополь и посадить в во[ду] ^{a-1}.

И царь Василей Ивановичь всеа Русии, поноровя не многое время, ис-под Тулы пошел к Москве с своими государевыми ² бояры, и с окольными, и со всем своим царским синклитом, и со всеми московскими людьми, а города Замосковные, ближние и дальные, и Заречные, и реванцов велел всех отпустить по домом.

^a Вора Петрушку велел... в воду *вписано позднее другим почерком и другими чернилами между строк.*

¹⁻¹ Вора Петрушку велел повесить под Даниловым монастырем по Серпуховской дороге а Ивашка велел сослать в Каргополь и посадить в воду *нет.*

² государевыми людьми.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Введение</i>	4
<i>Глава первая.</i> Предпосылки восстания	11
<i>Глава вторая.</i> Предвестники восстания	24
<i>Глава третья.</i> Начало восстания	46
<i>Глава четвёртая.</i> Поход на Москву	60
<i>Глава пятая.</i> Осада Москвы	71
<i>Глава шестая.</i> Калужский период восстания	89
<i>Глава седьмая.</i> Оборона Тулы и конец восстания	112
<i>Глава восьмая.</i> Историческое значение восстания Болотникова	128
<i>Приложение.</i> О восстании Болотникова. (Из Карамзинского хронографа)	137

ИЛЛЮСТРАЦИИ

План Москвы из альбома Исаака Массы, содержащий изображение битвы 2 декабря 1606 г.	80—81
Схематические планы: 1) Тула и её окрестности в конце XVI—начале XVII века; 2) Кремль и острог в Туле в конце XVI века	120
Лист Карамзинского хронографа со вставкой о судьбе Волотникова и «царевича» Петра	139
Карта: Восстание Болотникова 1606—1607 гг.	в конце книги

Редактор *А. Мерзон*
Обложка художника *Б. Астафьева*
Ответственный корректор *А. Зотова*
Технический редактор *А. Данилина*

Подписано в печать 13 июля 1953 г. А 03436. Тираж 100 000 экз.
Бумага 64X106¹/₂ мм. 3¹/₂, бум. л., 8,2 печ. л., 7,03 уч.-изд. л., + 2 вклейки.
Заказ № 2063. Цена 1 р. 85 к.

3-я типография «Красный пролетарий» Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА 1606 — 1607 гг.

КАЛУГА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ

ТУЛА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ

МОСКВА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ

1 — Кремль
2 — Китай-город

— Поход Болотникова к Москве (пунктиром обозначены отрезки пути, восстанавливаемые предположительно)
— Поход Истомы Пашкова к Москве
— Поход „царевича Петра“ и его воевод
— Города, участвовавшие в восстании Болотникова
X — Места сражений между восставшими и войсками В. Шуйского

1 - Кремль
2 - Китай-город